

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

«Наука»

Москва

2017

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлеская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН, Тбилисский университет, Грузия

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Зав. отделами:

А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией:

Н. В. Ганнус

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

© Российская академия наук, 2017

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2017

© ФГУП Издательство «Наука», 2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

2

MARCH — APRIL

«Nauka»

Moscow

2017

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. Apresjan Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Igor M. Boguslavsky Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. Dobrovol'skij Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA
Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Galina I. Kustova Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria Polinsky University of Maryland, USA
Ekaterina V. Rakhilina National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. Testelest Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Mariia D. Voeikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anton V. Kukhto, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

В. Ю. АПРЕСЯН. Двойные семантические роли в исходных и переносных значениях многозначных глаголов.....	7
Е. А. ВАЛОВА, Н. А. СЛЮСАРЬ. Исследование синтаксических свойств энклитики <i>же</i> : корпусный и экспериментальный подход.....	33
К. Г. КРАСУХИН. Был ли праиндоевропейский языком активного строя? (к типологии индоевропейского праязыка).....	49
В. Б. ИВАНОВ, Л. Р. ДОДЫХУДОВА. Синтаксические отношения имен в северо-западных иранских языках (на мазандеранском и гилякском материале).....	77
Н. М. ЗАЙКА. Наложение просодических составляющих в старосулутинском диалекте баскского языка.....	96
М. Л. КОТИН. Нереальный условный период и автономное предложение желательного условия: проблемы грамматического статуса.....	109

Рецензии

М. В. ШКАПА. <i>E. van Gelderen</i> (ed.). <i>Cyclical change continued</i> . Amsterdam: John Benjamins, 2016.....	131
А. Ч. ПИПЕРСКИ. <i>N. Levshina</i> . <i>How to do linguistics with R</i> . Amsterdam: John Benjamins, 2015.....	134
Д. В. СИЧИНАВА. <i>I. A. Seržant, B. Wiemer</i> (eds.). <i>Contemporary approaches to dialectology: The area of North, North-West Russian and Belarusian dialects</i> . Bergen: University of Bergen, 2014.....	139
А. И. ИЗотов. <i>J. Marvan</i> . <i>Jazyk. Jeho český příběh: Prvních tisíc let 800—1800: Malý průvodce cestami české lingvoekologie</i> . Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015.....	147
Д. И. ЭДЕЛЬМАН, Е. К. МОЛЧАНОВА. <i>М. Хасандуст</i> . <i>Этимологический словарь персидского языка. Т. 1—5</i> . Тегеран: Академия персидского языка и литературы, 1393/2014. На персидском языке.....	149

CONTENTS

Valentina Ju. APRESJAN. Double semantic roles in direct and metaphorical meanings of polysemous verbs	77
Evdokia A. VALOVA, Natalia A. SLIOUSSAR. Syntactic properties of the Russian enclitic <i>že</i> : Corpus-based and experimental approaches	33
Konstantin G. KRASUKHIN. Was Proto-Indo-European an active language? (towards the typology of PIE).....	49
Vladimir B. IVANOV, Leyli R. DODYKHUOEVA. Syntactic relations of nominals in the North Western Iranian languages (with special focus on Mazandarani and Gilaki)	77
Natalia M. ZAIKA. Overlap of prosodic constituents in Old Souletin Basque	96
Michail L. KOTIN. Unreal conditional clause and independent clause of optative condition: Problems of grammatical status	109

Reviews

Maria V. SHKAPA. <i>E. van Gelderen</i> (ed.). Cyclical change continued. Amsterdam: John Benjamins, 2016	131
Alexander Ch. PIPERSKI. <i>N. Levshina</i> . How to do linguistics with R. Amsterdam: John Benjamins, 2015	134
Dmitri V. SITCHINAVA. <i>I. A. Seržant, B. Wiemer</i> (eds.). Contemporary approaches to dialectology: The area of North, North-West Russian and Belarusian dialects. Bergen: University of Bergen, 2014	139
Andrey I. IZOTOV. <i>J. Marvan</i> . Jazyk. Jeho český příběh: Prvních tisíc let 800—1800: Malý průvodce cestami české lingvoekologie. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015	147
Joy I. EDELMAN, Elena K. MOLCHANOVA. <i>M. Hassandoust</i> . Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi [An etymological dictionary of the Persian language]. ĵeld-e 1—5. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1393/2014	149

ДВОЙНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ В ИСХОДНЫХ И ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ*

© 2017

Валентина Юрьевна Апресян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация; valentina.apresjan@gmail.com

Работа посвящена феномену двойных семантических ролей (конечная точка — место, цель — причина), заполняющих одну глагольную валентность и вызывающих вариативность ее выражения именной группой в винительном или предложном падежах. Делается попытка выделить классы глаголов, для которых подобная вариативность характерна в исходных значениях, а также рассмотреть, что происходит с возможностью вариативности при метафорическом переносе. Кроме того, обобщается, какого рода модификации возникают при выражении валентности той или иной семантической ролью. Результаты исследования показывают, что двойные семантические роли и вызываемая ими конкуренция винительного и предложного падежей свойственны в первую очередь глаголам каузированного перемещения, которые в исходном значении принадлежат к пограничным семантическим классам, совмещающим разные компоненты значения (перемещение и размещение, перемещение и деформацию, перемещение и создание образа). Выделяются некоторые семантические особенности реализации двойных ролей, общие для всех глаголов каузированного перемещения. Например, реализация роли МЕСТА требует, чтобы релевантная валентность выражалась существительным со значением пространства или большой поверхности, но не контейнера (*спрятаться в парке*); реализация роли КОНЕЧНОЙ ТОЧКИ требует, чтобы эта валентность выражалась существительным со значением контейнера или небольшой поверхности (*спрятать в банку, положить на подставку*); контекст целенаправленных действий способствует выражению роли конечной точки, контекст целенаправленных — роли МЕСТА; прошедшее время и совершенный вид у глагола, т. е. значение РЕЗУЛЬТАТА, коррелируют с ролью МЕСТА. Двойные роли в переносном значении присутствуют в первую очередь у глаголов, у которых развилось новое «виртуальное» значение (*положить в Интернет / в Интернете*). В целом двойные роли гораздо более характерны для исходных значений глагола, чем для переносных, поскольку в процессе семантической деривации семантическая неопределенность, свойственная исходным значениям, сменяется семантической специфицированностью, которая требует единой роли от каждого актанта и, соответственно, отсутствия морфосинтаксической вариативности.

Ключевые слова: актант, валентность, винительный падеж, конечная точка, место, метафора, многозначный, морфосинтаксическая вариативность, полисемия, предложный падеж, причина, семантическая роль, синкретизм, цель

DOUBLE SEMANTIC ROLES IN DIRECT AND METAPHORICAL MEANINGS OF POLYSEMOUS VERBS

Valentina Ju. Apresjan

National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; valentina.apresjan@gmail.com

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02054,

The paper addresses the phenomenon of double semantic roles (ENDPOINT — PLACE, GOAL — CAUSE), which act as two possible realizations of the same semantic valency and which have distinct morphosyntactic expressions — accusative and prepositional case, respectively. The paper attempts to determine semantic classes of verbs characterized by this type of semantic structure, as well as identify the shifts in interpretation, which occur in each of the two possible morphosyntactic realizations. The study demonstrates that double semantic roles and the ensuing morphosyntactic variation are typical primarily of caused motion verbs of semantically liminal classes, which combine the semantics of caused motion with other components, such as placement, deformation, creation of an image. There are certain semantic peculiarities typical of each of the realizations. For example, the role of PLACE calls for nouns with the meaning of spaces or large surfaces, but not containers; the role of ENDPOINT calls for containers or small surfaces. Intentional actions are better combined with the expression of ENDPOINT; unintentional predicates favor the expression of PLACE. On the whole, double roles are considerably more frequent in direct senses than in metaphorical ones, possibly because greater semantic fuzziness typical for the former is replaced by higher semantic specificity in the latter, which limits the syntactic expression as well.

Keywords: accusative case, actant, cause, endpoint, goal, metaphor, morphosyntactic variation, place, polysemous, polysemy, prepositional case, semantic role, syncretism, valency

Введение¹

Необходимо начать с того, чтобы отграничить объект теоретического анализа в данной работе — двойные семантические роли (прежде не описывавшиеся в таком виде в литературе) — от отчасти близких, но все же отличающихся явлений, а именно от синкретичных семантических ролей и сдвоенных семантических ролей.

Синкретизм, согласно [Baerman et al. 2015], — это ситуация, «когда одна форма выполняет две и более морфосинтаксические функции»². Синкретичные семантические роли в грамматике, в частности предложно-падежный синкретизм ролей PLACE и GOAL (МЕСТО и КОНЕЧНАЯ ТОЧКА), — хорошо известный в лингвистике феномен, описанный в многочисленных работах на материале разных языков; см. подробный обзор в [Luraghi 2001; Luraghi, Narrog 2014]. В русском языке это явление тоже существует; ср. употребление предлогов *в* и *на* с винительным и предложным падежом для выражения ролей конечной точки и МЕСТА соответственно (*в дом / в доме, на стол / на столе*).

При этом синкретизм может развиваться и при метафоризации семантических ролей. Метафорическими семантическими ролями Лакофф [Lakoff 1990] называет абстрактные роли, которые развиваются у морфосинтаксических языковых выражений с конкретным основным значением; ср. пример из цитированной работы: англ. *I drove **through** the tunnel* ‘Я проехал **через** туннель’ (путь) → *I got this job **through** my uncle* ‘Я получил эту работу **через** моего дядю’ (СПОСОБ)³. В русском языке синкретичными являются, например, роли конечная точка — цель и место — причина, которые могут иметь одинаковое морфосинтаксическое выражение; ср.: *Он ушел в фирму **на** хорошую зарплату* (метафорический переход конечная точка — цель); *Коровы разьелись **на** хороших кормах* (метафорический переход место — причина). Еще В. В. Виноградов [1986] отмечал развитие целевых значений у предлога *на* с винительным падежом и причинных — с предложным.

«Исследование русского языкового сознания на основе семантического, статистического и психолингвистического анализа лексической многозначности»).

¹ Данная статья была переработана по замечаниям анонимных рецензентов «Вопросов языкознания», которым я приношу свою искреннюю благодарность. Все ошибки и недоработки остаются, безусловно, на совести автора.

² «Syncretism — where a single form serves two or more morphosyntactic functions» [Baerman et al. 2015: i].

³ Вне проблематики синкретизма переходы семантических ролей при метафоре, в частности в сленговых значениях, подробно рассматриваются в работе [Розина 2005], в которой имеется и обзор литературы на эту тему.

Абстрактные семантические роли также могут быть синкретичными; так, в работе [Croft 1991] рассматривается в качестве примера синкретизм CAUSE — PURPOSE (причина — цель): англ. *to do smth. for money* 'сделать что-л. ради денег' (цель) vs. *to cry for joy* 'плакать от радости' (причина). На русском материале это явление рассматривается, в частности, в работе [Богуславская, Левонтина 2004]; ср.: *остаться дома из-за дождя* (причина) vs. *жениться на ней из-за денег* (цель).

Однако во всех этих случаях речь идет о полисемии предлогов. Явление **сдвоенных ролей**, как и рассматриваемый в данной работе феномен **двойных ролей**, представлены в лексике. «Сдвоенные» или «спаренные роли» подробно описаны в работе [Апресян 2010: 356—361], где на материале разных семантических классов глаголов иллюстрируется мысль о том, что актанта глагола может в определенных условиях соединять семантику двух разных ролей; ср. примеры из цитированной работы — РЕЗУЛЬТАТ и ВНЕШНИЙ ОБЪЕКТ: *рисовать льва* (глаголы созидания); ИНСТРУМЕНТ — СПОСОБ: *ехать поездом* (глаголы перемещения). Этот феномен также рассматривается в работе [В. Апресян 2015], где он описан на материале русских экспериментных глаголов; ср.: *блаженствовать на солнце* (<в теплой воде>) (сдвоенная роль СТИМУЛ — МЕСТО).

Сдвоенные роли также наблюдаются у глаголов со значением отражения света; ср.: *Купола блестят* (<сверкают>) *на солнце*, *Глянцевые обложки блестели под яркой лампой*, где *солнце* и *лампа* сочетают семантику ролей ПРИЧИНЫ и МЕСТА. Он свойствен и некоторым глаголам со значением физического состояния или его изменения; ср.: *высохнуть на солнце* (<на костре, на огне>), *намокнуть под дождем*, *дрожать / мерзнуть на ветру*, где также выражается семантика одновременно ПРИЧИНЫ и МЕСТА.

В статье рассматривается несколько иное явление, а именно не сочетание семантики двух разных ролей в едином морфосинтаксическом выражении, а наличие двух отдельных ролей с разными морфосинтаксическими выражениями на месте одной валентности; ср.: *повесить белье на веревку* vs. *повесить белье на веревке*.

Сочетание с винительным падежом *на веревку* соответствует семантической роли конечной точки, а сочетание с предложным падежом *на веревке* — роли МЕСТА, однако они заполняют одну и ту же — третью — валентность при глаголе *повесить*. Двойственность здесь заключается в том, что конечная точка и место заполняют одну и ту же валентность и не могут выражаться одновременно. Однако при этом они сохраняют свое индивидуальное синтаксическое выражение и свою семантическую специфику.

Таким образом, в подобных случаях точнее говорить о том, что одна валентность заполняется двумя семантическими актантами с разными семантическими ролями, т. е. о наличии двойной роли на месте одной валентности⁴, что свидетельствует о некоторой размытости значения: в самом деле, что должно упоминаться в толковании — конечная точка или место?

Такого рода морфосинтаксическая вариативность, которой соответствует двойная семантическая роль, возможна и в переносных значениях глаголов с метафоризованными семантическими ролями. Ср. пример с глаголом *внедрить*, где группа с винительным в роли цели и группа с предложным в роли РЕЗУЛЬТАТА заполняют одну и ту же (третью) валентность: *Необходимо внедрить новые практики на финансовый рынок* (цель) vs. *На финансовом рынке были внедрены новые практики* (РЕЗУЛЬТАТ).

Обращает на себя внимание тот факт, что при заполнении третьей валентности разными ролями может меняться не только семантика, но и тема-рематическая структура фразы. Похожие явления были описаны в работе [Апресян 1995] как семантические модификации значения лексемы в определенных синтаксических условиях; ср. пример из цитированной работы *стрелять по воробьям* vs. *стрелять в воробьев*, где фраза с *по* ДАТ описывает менее прицельную стрельбу, нежели фраза с *в* Вин. В целом двойные семантические роли

⁴ Термин «синкретизм» не вполне подходит для описания этого явления, так как слияние значения и выражения двух ролей в большинстве случаев отсутствует.

на месте одной валентности — это, по-видимому, гораздо более редкое и лексикализованное явление, чем морфосинтаксический синкретизм в предложно-падежной системе и даже чем двоянные роли.

Феномен двойных ролей также отличается от широко распространенного явления мены диатезы, когда изменяется соотношение семантических и синтаксических актантов лексемы; ср. известный пример из работы [Апресян 1974: 279—280] *Я залил бензин в бак vs. Я залил бак бензином*, где можно выделить две разные модели управления, и во второй из них имеет место семантический сдвиг по сравнению с первой. В такого рода примерах диатетического сдвига и смены коммуникативного ранга участника, в терминологии [Падучева 2010: 462—464] два актанта меняются местами: в первом случае *бензин* имеет более высокий ранг (ТЕМА — ОБЪЕКТ), а локативная группа *в бак* — более низкий ранг, во втором случае его ранг понижается, а ранг актанта места повышается (место — ОБЪЕКТ). В случае двойных ролей никакой мены, а также повышения и понижения рангов не происходит. У глаголов с двойной ролью есть одна модель управления, где одна из семантических ролей может выражаться двумя разными синтаксическими способами. Но эта валентность (места — конечной точки) не повышает своего синтаксического и коммуникативного статуса и не меняется местами с другой валентностью. В терминологии работы [Апресян 2006], где обсуждаются типы соотношения семантических и синтаксических актантов, глаголы с двойной ролью представляют собой первый случай — прямого соотношения актантов; необычность рассматриваемого явления заключается в том, что у глаголов с двойной ролью амбивалентна семантика одной из валентностей — ей соответствует два семантических актанта, каждый из которых может выражаться синтаксически.

Таким образом, это явление отличается и от описываемого в работе [Апресян 2010: 358] явления альтернативности семантических ролей одного синтаксического актанта, которое иллюстрируется примером глагола *дышать*, где первый актант (выражаемый формой именительного падежа) может, в зависимости от интерпретации глагола, соответствовать роли пациента (*Ребенок ровно дышит*) или роли агенса (*Дышите глубже*). В отличие от альтернативности семантических ролей, явление двойных ролей предполагает разное морфосинтаксическое выражение различных ролевых интерпретаций.

1. Задачи исследования

В данной работе анализируется вариативность заполнения третьей (иногда второй) главной валентности у нескольких классов глаголов группами с предлогами *на* и *в* с винительным и предложным падежами. Анализ производится в контексте аппарата семантических ролей (по [Апресян 2010]), а также семантических переносов. Делается попытка выделить классы глаголов, для которых подобная вариативность характерна в исходных значениях, а также рассмотреть, что происходит с возможностью вариативности при метафорическом переносе.

Гипотеза состоит в том, что двойственность семантических ролей может исчезать, но может также сохраняться или даже появляться при переходе от исходного значения к переносному. Вообще, «затемнение» характера семантической роли типично для метафорических значений, как отмечается в работе [Апресян 2010: 337]: «семантическая роль данного синтаксического актанта глагола тем неопределеннее, чем более метафорично значение данного глагола».

Кроме того, делается попытка обобщить, какого рода модификации возникают при выражении валентности той или иной семантической ролью: для разных семантических классов глаголов, а также в зависимости от того, в прямом или переносном значении многозначного глагола представлена вариативность, степень и тип семантического сдвига могут сильно различаться.

2. Переход семантических ролей в переносных значениях глаголов

Стандартной ситуацией является переход одной исходной роли в одну метафорическую роль, т. е. отсутствие двойной семантической роли и морфосинтаксической вариативности как в исходном, так и в переносном значении глагола; ср. стандартный переход вида конечная точка \Rightarrow цель у глаголов перемещения (*выйти на улицу* \Rightarrow *выйти на двукратное увеличение производства*, *вести в комнату* \Rightarrow *вести в курс дела*, *вывезти на проспект* \Rightarrow *вывезти на отдых*).

Замена винительного падежа на предложный у этих глаголов невозможна ни в исходном, ни в переносном значениях (речь идет только о современном литературном русском языке), ср. невозможность **выйти на улице / выйти на двукратном увеличении производства*, **вести в комнате / вести в курсе дела*, **вывезти на проспекте / вывезти на отдыхе*.

Бывает, что двойная роль и соответствующая ей морфосинтаксическая вариативность есть в неметафорическом значении, но исчезает при семантическом переносе, ср. *повесить на веревку / на веревке* (двойная роль конечная точка — место⁵), но *повесить на рее* (СПОСОБ), при невозможности в значении 'казни' **повесить на рею* (цель). Такая же ситуация наблюдается у глагола *положить*, ср. *положить одежду на стул / на стуле* (двойная роль конечная точка — место) \Rightarrow *положить себе деньги на телефон / *на телефоне*⁶.

Бывает, что двойная роль отсутствует в исходном значении, но появляется в переносном; ср.: *забить гвоздь в доску / *в доске* \Rightarrow *забить запрос в Яндекс / в Яндексе*.

И, наконец, возможна ситуация, когда двойная роль есть и в исходном, и в переносном значениях: *выложить бутерброды на блюдо / на блюде* \Rightarrow *выложить фотографии на сайт / на сайте*. Последний случай является самым интересным, хотя и достаточно редким. Ниже рассматриваются ситуации, когда у глагола представлена двойная роль и морфосинтаксическая вариативность хотя бы в одном из значений. Как видно из рассматриваемого ниже материала, подавляющее количество глаголов с двойной семантической ролью и вариативностью *в* и *на* относятся к разным подклассам семантического класса каузивированного перемещения.

2.1. Двойные семантические роли в исходных значениях глаголов

Наличие двойной семантической роли только в исходном значении возможно в двух случаях: 1) если переносного значения вообще нет или 2) если оно есть, но в нем отсутствует вариативность.

Главный семантический класс, где вариативность есть в исходном значении, но по той или иной причине отсутствует в переносном, — это глаголы с семантикой каузивированного перемещения неподвижного объекта из менее открытого пространства в более открытое. Другие классы глаголов с подобным устройством — это глаголы с семантикой каузивированного перемещения в менее открытое пространство, с семантикой перемещения и деформации и некоторые другие. Все они подробно рассматриваются ниже.

2.1.1. Глаголы с семантикой каузивированного перемещения из менее открытого пространства в более открытое и последующего размещения

Эта группа представлена глаголами на *вы-* типа *выбросить*, *выкинуть*, *вывалить*, *выпустить*, *высадить*, *выгрузить*. У таких глаголов третья валентность — это двойная семантическая

⁵ См. [Плунгян 2002: 229] о противопоставлении значений винительного и предложного в пространственных контекстах: «Пространственные конструкции требуют винительного падежа в контекстах со значением направления (*залезть в кровать / на комод*) и предложного падежа — в контекстах со значением местонахождения (*спать в кровати / на комодe*)».

⁶ В значении 'разместить в Интернете' двойная роль сохраняется; ср. *положить в Интернет / в Интернете* (см. ниже).

роль конечная точка — место⁷, и поэтому они допускают соответствующее варьирование в морфосинтаксическом выражении данной валентности; ср. ниже примеры из [НКРЯ].

- (1) *Почему в отличие от многих бытовых предметов, они не превратились в хлам и не были выброшены на свалку* [конечная точка]? [Лариса Шпаковская. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом (2004) // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15].
- (2) — *Бутылки-то унесите, выбросьте на улице* [место], *от греха подальше* [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].
- (3) *Культовый предмет решено было выкинуть на помойку* [конечная точка] [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].
- (4) *Закусываем селедкой. Это та самая, которую я выкинул на сопке* [место] [Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)].
- (5) *Фагот тотчас вывалил на ковер* [конечная точка] *перед нею целую грудку туфель* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929—1940)].
- (6) *Вездные города с их полусгнившими соломенными крышами и немощеными улицами <...>, с их навозом, вываленным на улицах* [место] [Александр Архангельский. Александр I (2000)].
- (7) *Им отпер дневальный начальника, молча отвел их в сарай, закрыл их там и выпустил на двор* [конечная точка] *огромную овчарку* [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954—1961)].
- (8) *Омаров он выпустил на бульваре* [место]. *Почти слившись с прошлогодней, еще не очнувшейся травой, твари расплзлись* [Александр Иличевский. Матисс // «Новый Мир», 2007].
- (9) *Можно было высадить на береговой плацдарм* [конечная точка] *гораздо больше войск, чем планировалось ранее* [Сергей Тарасов. Морские разведчики (2004) // «Солдат удачи», 2004.06.09].
- (10) *Подошедшая накануне французская эскадра высадила на острове* [место] *десант* [С. Цветков. Железная маска // «Наука и жизнь», 2007].
- (11) *Его [лук] стараются высадить на гряды* [конечная точка] *под зиму* [Венедикт Дядькин. Ай да «репка»! // «Наука и жизнь», 2009].
- (12) *В прошлом году высадила на участке* [место] *красивые сосны* [Вопросы и ответы (2003) // «Сад своими руками», 2003.01.15].
- (13) *Молча выгрузили на берег* [конечная точка] *немногочисленные припасы* [Борис Васильев. Вещий Олег (1996)].
- (14) *Часть оружия была предварительно выгружена на острове* [место] [Б. В. Савинков (В. Ропшин). Воспоминания террориста (1909)].

⁷ Может возникнуть вопрос, почему постулируется двойная роль на месте третьего актанта, а не выделяются два отдельных актанта — конечной точки и места: *выбросить на улице* (место) *в урну* (конечная точка). Однако тогда пришлось бы постулировать два отдельных актанта для любых глаголов, у которых в принципе есть валентность места, поскольку уточнение возможно практически всегда (*встречаемся на площади под часами*), а такое решение вряд ли можно считать удовлетворительным. Кроме того, разные валентности предполагают заполнение разными семантическими классами существительных, в то время как у рассматриваемых глаголов практически всегда возможна нейтрализация и заполнение роли места и конечной точки одними и теми же лексическими единицами: *высадить на грядку / на грядке, выбросить на свалку / на свалке* и пр.

Количественно у большей части этих глаголов доминирует выражение с винительным падежом, что соответствует их семантике — они в большей степени глаголы **перемещения**, чем **размещения**. Соответственно, конечная точка у этих глаголов в гораздо большей степени находится в фокусе внимания, чем место; ср. глаголы на *раз-* типа *разместить*, *разложить*, у которых в фокусе внимания место и которые поэтому предпочитают выражение с предложным падежом: *разместить в удобных коттеджах*, *разложить на блюде*, при странности [?]*разместить в удобные коттеджи*, [?]*разложить на блюдо*.

Однако идея места у глаголов типа *выкинуть* в какой-то степени присутствует, и поэтому возможно, хотя и не частотно, выражение третьей валентности группой в предложном падеже. Этим они отличаются от глаголов каузированного перемещения типа *вынести*, *вывести*, *вышвырнуть*, которые фокусируют внимание исключительно на перемещении объекта, но не на дальнейшем его пребывании в новом месте и которые поэтому не допускают выражения с предложным: [?]*вынести мусор в лесу*, ^{*}*вывести детей на улице*, [?]*вышвырнуть дневник с двойкой на помойке*.

Между глаголами группы перемещения / размещения существуют индивидуальные различия в том, что касается степени вариативности конечной точки — места, а также характера семантического сдвига при реализации той или иной роли.

Особняком стоит глагол *высадить*, у которого идея места представлена почти столь же сильно, сколь и идея конечной точки, поэтому у него гораздо более сбалансировано выражение третьей валентности винительным и предложным падежами⁸, чем у прочих глаголов рассматриваемой группы, у которых встречаются лишь единичные вхождения с локативом.

Эта его особенность связана, по-видимому, с тем, что глагол *высадить* в разных своих значениях (*высадить цветы*, *высадить десант*, *высадить пассажиров*) предполагает, что после перемещения объект будет постоянно или длительное время находиться в том месте, куда его переместили, и, собственно, это место и является тем, в котором этому объекту в принципе надлежит находиться и функционировать. Таким образом, в фокус внимания попадает существование объекта в этом новом месте, т. е. идея местонахождения.

У глаголов типа *выбросить*, *выкинуть*, *выпустить*, *выгрузить* конечная точка не является постоянной локализацией перемещаемого объекта. *Выбросить* и *выкинуть* предполагают завершение основного существования и функционирования объекта после его перемещения в конечную точку, т. е. то, что происходит с ним потом, в принципе не столь важно; его основное существование происходит в исходной точке. Глаголы *выпустить* и *выгрузить* предполагают дальнейшее перемещение объекта (самостоятельное для *выпустить*) из конечной точки; таким образом, конечная точка является лишь промежуточным пунктом на пути к месту их основной локализации.

У глагола *высадить* реализация третьей валентности с винительным или предложным падежом может не приводить к существенным семантическим сдвигам: ср. близость *высадить сеянцы на селекционный участок / высадить сеянцы на селекционном участке*; *высадить десант на аэродром / высадить десант на аэродроме*. Однако во многих контекстах различие ощущается или предпочтительна одна из реализаций; ср. *Нас высадили на станции*, при меньшей естественности [?]*Нас высадили на станцию*; *Он высадил цветок в небольшой горшочек*, при меньшей естественности [?]*Он высадил цветок в небольшом горшочке*.

Представляется, что если третья валентность выражена существительным со значением небольшого пространства или объекта, то более естественна реализация роли конечной точки, а если пространство достаточно велико — то места. Реализация конечной точки предполагает наличие конкретного объекта или поверхности, на которых в результате перемещения оказывается расположен перемещаемый объект; ср. поэтому странность [?]*Нас*

⁸ В основном корпусе НКРЯ 153 вхождения с винительным vs. 83 вхождения с предложным на расстоянии «1» между глаголом, предлогом и существительным.

высадили на остановку (это означало бы, что нас посадили на крышу остановки), при естественности *Нас высадили на остановке*.

Кроме того, реализации роли МЕСТА способствует контекст прошедшего времени, особенно формы страдательных причастий; ср. следующие примеры, где менее естественна замена на винительный: *Наибольшего ухода требуют цветы, высаженные на узких бордюрах* [Марина Лацис. Сад между прошлым и будущим (2003) // «Ландшафтный дизайн», 2003.01.15]; *А цветов там в кадках-горшках и высаженных на газоне — видимо-невидимо!* [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)]. Это можно объяснить корреляцией между идеей цели (которая метафорически соотносится с конечной точкой) и будущим временем, с одной стороны, и идеей РЕЗУЛЬТАТА (который метафорически соотносится с МЕСТОМ) и прошедшим временем, с другой.

Даже когда одинаково возможны обе реализации, между ними ощущается легкое различие; ср.: *высадить десант на аэродром / выса́дить десант на аэродроме*. Реализация с винительным скорее указывает на то, что десант должен выполнить какое-то задание на аэродроме, т. е. смысл конечной точки сочетается с идеей целенаправленности, в то время как реализация с предложным указывает лишь на то, что десант после высадки находится в определенном месте.

Некоторые из перечисленных различий между возможными реализациями двойной роли конечная точка — место характеризуют также и другие глаголы этой группы.

В частности, достаточно общим является требование к реализации роли МЕСТА: существительное, заполняющее эту валентность, должно обозначать достаточно большое и открытое пространство, поэтому исключена реализация роли МЕСТА с обозначениями контейнеров (отчего вариативность с предлогом *в* менее частотна, чем с предлогом *на*). Ср. естественность *выбросить на свалке, выкинуть на поле / в лесу, выпустить на площади*, но не **выбросить в мусорном баке, *выкинуть в ведре; *выпустить лягушку в баночке*.

Особенность глагола *выгрузить* состоит в том, что реализация конечной точки возможна в контексте активных объектов (*Людей выгрузили на остановку / на станцию*), но бывает затруднительна в контексте пассивных объектов (*Мешки выгрузили на остановку / на станцию*). Это связано с уже упоминавшейся особенностью реализации конечной точки — она предполагает наличие конкретного объекта, сверху которого в результате перемещения располагается перемещаемый объект. Это в большей степени свойственно пассивным, неподвижным объектам, чем людям — когда выгружают *грузы*, то их складывают на какую-то *поверхность*; когда выгружают *людей*, их заставляют перемещаться в вертикальном положении в какое-то *пространство*. Такие слова как *станция, полустанок, остановка, вокзал* обозначают только пространства, в то время как *берег, перрон, дорога* и др. могут обозначать как пространства, так и поверхности.

Глаголы *выгрузить* и *вывалить* — единственные в данной группе, которые развивают переносное значение с такой же моделью управления, что и у переносных значений; однако вариативность при метафоре исчезает, остается только основная реализация — с винительным. Ср. переносные значения *выгрузить файл на компьютер; вывалить на Васю все свои проблемы*; реализация с предложным у них практически невозможна (**выгрузить файл на компьютере, *вывалить на Васю все свои проблемы*). У других глаголов переносные значения имеют другие модели управления, обусловленные семантикой (*выкинуть / выбросить из головы, выпустить из виду*).

2.1.2. Глаголы с семантикой каузированного перемещения из более открытого пространства в более закрытое и последующего размещения в нем

К этому подклассу принадлежат каузативы *спрятать, зарыть* и *закопать*, а также рефлексивные автокаузативы *спрятаться, зарыться* и *закопаться*. Они допускают двойную роль (на месте третьей валентности для *спрятать* и *зарыть*, на месте второй — для *спрятаться*

и *зарыться*). Ср. следующие примеры с глаголами *спрятать* и *спрятаться*, где (правда, в несколько различающихся контекстах) возможен как винительный падеж, так и предложный.

- (15) *Командир надел на плечи свой вещмешок, спрятал в сумку карту* [Василь Быков. Болото (2001)] [контейнер].
- (16) *А главное, основную рукопись книги немедленно забрать у машинистки и спрятать в хорошем месте...* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000] [пространство].
- (17) *И я спряталась в дупло старой сосны, думая полюбоваться оттуда на все это* [Л. А. Чарская. Фея в медвежьей берлоге (1912)] [контейнер — относительно большого объекта].
- (18) — *Вот и жди!* — *сказала Главная Пчела и спряталась в дупле* [Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969—1981)] [пространство — относительно маленького объекта].

Ср. также *спрятаться в засаду / в засаде, спрятаться в туалет / в туалете*. Однако в некоторых контекстах, подобно тому, как это происходит в других подклассах, имеется выраженное предпочтение той или иной и роли и, соответственно, падежа; так, когда речь идет о больших пространствах, предпочтителен предложный падеж; ср. неестественность замены на винительный в следующем контексте:

- (19) *150 человек вооруженных мормонов отправились на поиски Бриджера, но тот спрятался в горах* / *в горы* [Семен Величко. Империя мормонов // «Криминальный отдел», 2012].

Аналогично с названиями маленьких пространств предпочтителен винительный падеж, ср. странность:

- (20) *Командир надел на плечи вещмешок и спрятал карту в сумке*.

Подобную фразу можно интерпретировать лишь в значении ‘попытаться скрыть карту в сумке, чтобы ее нельзя было найти’. Естественная интерпретация глагола *спрятать* с предложным падежом — это ‘убрать’: *спрятать карту в сумку* значит ‘убрать карту в сумку, положить ее на место’.

В переносных значениях (*спрятаться* двойная роль невозможна: в зависимости от семантики происходит специализация морфосинтаксического выражения. Так, в нецеленаправленном значении ‘находиться в закрытом месте, незаметно для наблюдателя’ естественным образом возможна только роль МЕСТА и предложный падеж; ср. *Под елкой / *под елку прятался гриб*, а также пример из НКРЯ:

- (21) *К обеду добрался я до вершины, оглянулся и долго искал избушку, которая спряталась в заснеженной тайге* / **в тайгу* [Юрий Коваль. Белозубка (1979)].

В целенаправленном значении ‘ища душевного комфорта, заниматься деятельностью А1’ возможна только роль ЦЕЛИ и, соответственно, винительный падеж:

- (22) *Догадываясь, к каким выводам пришел он, Галина Леонидовна спряталась в очередное замужество, на глаза ему не показывалась* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].

В значении ‘скрывать’ у *прятать* (у формы сов *спрятать* это значение не представлено) возможен только предложный; ср.: *прятать в душе обиду*, но не **прятать в душу обиду*.

В целом у *спрятать* и *спрятаться* достаточно сбалансировано выражение с винительным и с предложным падежами: в НКРЯ 859 вхождений vs. 791 для *спрятать*, 565 vs. 590 для *спрятаться*.

Для *зарыться* и *закопаться* также возможна нейтрализация винительного и предложного в контекстах существительных со значением субстанций:

- (23) *До Страсбурга путь неблизкий, а Иеронимус — скучный попутчик; либо спит в тепле, **зарывшись в солому**, либо молча смотрит на дорогу* [Елена Хаецкая. Мракобес / Дорога (1997)].
- (24) *По словам дяди Кязыма, он набрел на его сарай, где он хранил чалу, то есть кукурузную солому, **зарылся в ней** и пережидал метель чуть ли не сутки* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)].
- (25) *Это выбросы **закопавшихся в грунт** многощетинковых червей-пескожилов* [Е. Краснова. 70 лет у полярного круга. Вторая молодость беломорской биостанции // «Наука и жизнь», 2008].
- (26) *Кто-то предложил вывалить из одной машины сено и всем **закопаться в нем*** [Чингиз Айтматов. Белый пароход (1970)].

Впрочем, если речь идет не о гомогенной массе вещества типа *песка, соломы, ила, тины* и т. п., а о дискретном объекте или объектах, винительный падеж предпочтителен:

- (27) *А я лежал в дальней части чума, **зарывшись в шкуры** / [?] в шкурах* [Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013].
- (28) *Пришлось ему в поле ночевать; **зарылся в копну** / [?] в копне и проспал всю ночь* [В. М. Гаршин. Сказание о гордом Аггее (1886)].
- (29) *Два «Элефанта» **закопались в стога сена** на окраине городишки и затаили дыхание* [Илья Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» (2008)].
- (30) *Он давно не любил ее, но когда тосковал, просто так, отвернувшись к стене, **закопавшись в подушку** (...), полагал, что тоскует о ней* [Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)].

Если речь идет о нецеленаправленном перемещении, предпочтителен предложный падеж (поскольку винительный вносит идею целенаправленности):

- (31) *Его толстое веретенообразное тело неподвижно висело в полутора метрах от дна, а часть головы **зарылась в водорослях*** [Г. Нестеров. Экспедиция на «Антилопе» // «Спортсмен-подводник», 1964].
- (32) *Он больно наступил на сук, **закопавшийся в песке*** [Захар Прилепин. Лес (2010)].

В переносных значениях вариативность практически пропадает: в значении ‘без перерыва и не обращая ни на что другое внимание, заниматься только деятельностью А1’ употребляется винительный падеж; ср. *зарыться / закопаться в свою работу / диссертацию*, а также:

- (33) *Вариант номер один — **зарыться в интернет**, пересмотреть имеющиеся предложения страховых компаний* [Алиса Гаевская. Этот нестрашный страховой брокер // «Наука и жизнь», 2009].
- (34) *В пожилом, нелюдимом, обсыпанном перхотью, запущенном холостяке, по уши **закопавшемся в свою науку**, таилась душа пизжона* [Ю. М. Нагибин. В те юные годы (1983)].

В значении ‘без перерыва находиться в месте А1’ возможна только роль места и предложный падеж; ср.: *Он зарылся в библиотеке* (у *закопаться* данное значение не представлено).

Распределение винительного и предложного падежей по всем значениям у *зарыться* и *закопаться* в НКРЯ следующее: 434 vs. 95 у *зарыться*, 58 vs. 25 у *закопаться*.

Глаголы *зарыть* и *закопать* устроены несколько иначе: у них в меньшей степени возможна нейтрализация ролей и присутствует большая контекстная специализация винительного и предложного.

Если речь идет о больших пространствах, употребляется предложный падеж (как это происходит и в других семантических подклассах глаголов):

- (35) *Сколько легло на полях Восточной Пруссии и Галиции, сколько зарыто в отрогах Карпат и в болотах Польши!* [П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922)].
- (36) *Предлагает закопать в пустыне в горячий песок* [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)].
- (37) *И еще, полагаю, драгоценностей на миллион-другой закопал в вишневом саду у какой-нибудь любительницы, до сих пор не разоблаченной* [Бахыт Кенжеев. Из Книги счастья (2007) // «Новый Мир», 2008].

Также употребляется предложный падеж, если речь идет о непроизвольном перемещении и в фокусе внимания находится локализация объекта в каком-либо месте, а не процесс его перемещения туда (употребление нехарактерно для глагола *закопать*, который обозначает целенаправленные действия):

- (38) *Он искал соответствие между золотом Рейна, зарытым в тине, в грязи на дне реки, и «Капиталом»* [С. Д. Кржижановский. Пьеса и ее заглавие (1939) // «Новое литературное обозрение» № 52, 2001].

В остальных случаях, как правило, предпочтителен винительный, хотя возможен и предложный.

У глаголов *зарыть* и особенно *закопать* мало переносных употреблений; в тех, что встречаются, двойная роль невозможна; ср. фразему *Вот где собака зарыта*, где возможна только интерпретация МЕСТА и невозможно местоимение *куда*.

Распределение винительного и предложного в НКРЯ у этих глаголов следующее: 318 vs. 139 для *зарыть*, 185 vs. 92 для *закопать*.

2.1.3. Глаголы с семантикой каузированного перемещения и размещения

К данному подклассу относятся глаголы на *по-* со значением каузированного перемещения и размещения типа *положить* (и глагол несов *класть*), *повесить*, *поставить*, причем исходная точка и конечная точка — пространства, которые не противопоставлены по степени открытости. Конечной точкой, как правило, является какая-то поверхность, исходная точка не определена и не конституирует семантической и синтаксической валентности; соответственно, она не выражается при глаголе (нельзя **поставить на полку со стола*, **положить на стул из шкафа*).

В этом смысле действие перемещения и размещения как бы разбивается на два этапа — сначала человек должен что-то *взять откуда-л.*, а потом он может это *куда-л. положить*. У глаголов типа *взять*, напротив, слабо выражена валентность конечной точки — человек *берет что-л. в руки / на руки* и др., но нельзя **взять книгу со стола на полку*⁹, — подобно тому, как у глаголов типа *положить* отсутствует валентность исходной точки. Интересно, что полной симметрии между ними все же нет — так как *взять* в некоторой степени все-таки инкорпорирует идею конечной точки, соединенную с частью тела, которой осуществляется действие (*взять в руки / взять рукой*).

⁹ В переносных употреблениях эта валентность становится вполне живой; ср. *взять книгу домой (из библиотеки)*.

Глаголы класса *положить* допускают двойную семантическую роль конечной точки — места и вариативность винительного и предложного падежей: *поставить книги на полку / на полке, повесить картину на стену / на стене, положить одежду на стул / на стуле*. Этим они отличаются от глаголов чистого размещения типа *развесить, разложить, расставить* (см. также выше), которые допускают только роль места в качестве заполнителя третьей валентности; ср. *расставить книги на полке / *на полку, развесить картины на стенах / *на стены, разложить одежду в шкаф / *в шкаф*.

Условия дистрибуции реализаций конечной точки и места, а также семантические сдвиги в данном подклассе глаголов отчасти пересекаются с тем, что демонстрируют глаголы каузированного перемещения в более открытое пространство типа *выпустить*. Например, для реализации роли места требуется, чтобы существовало, заполняющее третью валентность, обозначало поверхность или помещение, а не контейнер; соответственно, вариативность с предлогом *в* несколько менее частотна, чем с предлогом *на*. Ср. естественность *поставить книги на полке, положить одежду на стуле*, при странности **поставить цветы в вазе, *положить одежду в чемодане*.

Впрочем, реализация с предлогом *в* абсолютно естественна, если речь идет о помещениях и подобных объектах, что органично для глагола *поставить*; ср. *поставить стулья в аудитории / поставить пинг-понговый стол в саду*. В подобных контекстах сам характер действия несколько меняется¹⁰, поскольку эта конструкция предполагает другой характер перемещаемых объектов (часто мебель и другие стационарные предметы) и пространства (обычно помещения или другие ограниченные пространства).

Семантический сдвиг при реализации, соответственно, с винительным и предложным падежами носит в данном подклассе глаголов следующий характер: если реализуется роль конечной точки (с винительным), фокус внимания чаще на том, что происходит с перемещаемым объектом; если реализуется роль места (с предложным), фокус внимания чаще на том, что происходит с местом.

Особенно это противопоставление заметно во фразах с глаголом *поставить*, оно отражается и на коммуникативной структуре фразы; ср.: *Я поставила цветы на подоконник* (в фокусе то, где оказались цветы, конечная точка — рема) vs. *На подоконнике я поставила цветы* (в фокусе то, что произошло с подоконником, место — тема, с сентенциальной сферой действия). При этом часто реализация с конечной точкой подразумевает временное перемещение, а реализация с местом — более постоянное. Ср. также примеры из НКРЯ, где аналогичным образом противопоставлены реализации конечной точки и места:

- (39) *Ежик быстро все поставил на стол и налил чай из самовара* [Сергей Козлов. Новогодняя сказка // «Мурзилка», 2003].
- (40) *Я подхватил со стола бутылку и поставил на шкаф* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].
- (41) *Ногу он поставил на бетонный куб, обросший водорослями, локтем оперся о колено, курил, смотрел на море* [Г. Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злчном, в месте покойном (1995)].
- (42) *А следующей осенью нужно будет поставить на могиле памятник...* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].
- (43) *Он (...) тут же приказал поставить на площади большой котел с горячей водой* [Л. А. Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца (1912)].
- (44) *Армянский спутник транслирует ТВ, он поставит на балконе тарелку, если можно* [Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Другие опусы... (2010)].

¹⁰ Представление об изменении лексического значения глагола в связи со сменой конструкции отмечалось еще в работе [Апресян 1967] и является одним из ключевых положений в грамматике конструкций [Goldberg 1995; 2006].

Кроме того, реализация конечной точки, как отмечалось выше, в сочетании с предложением *на* требует контекста существительных со значением сравнительно компактных объектов или поверхностей, сверху которых в результате перемещения оказывается объект, а реализация МЕСТА — достаточно обширных поверхностей или пространств, на которых в результате размещается объект или многочисленные объекты, причем часто разрозненно. Сверх того, в реализации МЕСТА целью перемещения обычно является просто расположение объекта где-то, а в реализации конечной точки цель может быть в том, чтобы с объектом что-то произошло: *поставить суп на плиту* (**на плите*). Ср. следующие примеры, где неестественна взаимозамена винительного и предложного:

- (45) *Затем заполнить стакан водой и вновь **поставить на весы*** [Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7—9 кл. (2003)].
- (46) *Я начал с мобильных телефонов, в 16 лет. Просто взял тумбочку старую, **поставил на рынке** и сверху положил телефон* [Ольга Андреева. Стланная стлана // «Русский репортер», 2014].

У глаголов *положить* и *повесить* наблюдаются схожие семантические сдвиги при разных реализациях двойной роли. В частности можно привести следующую иллюстрацию семантических противопоставлений при реализации с винительным vs. предложным:

- (47) *Через минуту — бригада реаниматоров. Его **положили на пол**. Что-то с ним делали* [И. Грекова. Перелом (1987)].
- (48) *Меня **положили на полу**, другого места в этой крошечной квартире не было* [Александр Сокуров. Русское (2007)].

Положить кого-л. на пол можно в ситуации драки, задержания, оказания скорой помощи, т. е. когда целью является, чтобы человек на короткое время оказался в горизонтальном положении; *положить кого-л. на полу* можно при размещении на ночлег, т. е. когда человеку предоставляется некоторая поверхность для того, чтобы он на ней располагался в течение некоторого времени.

Семантические сдвиги у глагола *повесить* можно проиллюстрировать следующими примерами, где каждый из контекстов требует реализации одной из ролей — конечной точки или МЕСТА, и где поэтому взаимозамена винительного и предложного нежелательна: *повесить на шею бусы*, но не **повесить на шею бусы* (*шея* не может интерпретироваться как пространство, с которым что-то происходит) vs. *повесить на рынке объявления о сдаче квартиры*, но не **повесить на рынок объявления о сдаче квартиры* (*рынок* не может интерпретироваться как поверхность, тем более компактная).

С другой стороны, в некоторых контекстах происходит почти полная нейтрализация различий; так, трудно определить, в чем в точности состоит семантическая разница между реализацией конечной точки и МЕСТА в следующих примерах, хотя необходимо отметить, что в контекстах типа *почетное место*, *видное место* преобладает реализация с предложным падежом (в основном корпусе НКРЯ встретилось четыре примера с предложным и один с винительным):

- (49) *После того случая «Неупиваемую чашу» **повесили на почетное место**, а в монастырь потянулись паломники со всей России...* [Екатерина Костинова. Неупиваемая Чаша (1997) // «Столица», 1997.08.12].
- (50) *Портрет Троцкого **был повешен на почетном месте** в «центральной» зале советского павильона* [Ю. П. Анненков. Дневник моих встреч (1966)].

В переносных значениях, в том числе в составе фразем, все глаголы данной группы теряют двойную роль и способность к вариативности, т. е. происходит специализация

значения, утрата семантической неопределенности; ср.: *положить кому-л. на лапу / *на лапе, положить зубы на полку / *на полке; поставить хлеб в печь / *в печи; поставить кого-л. в тупик / *в тупике; поставить точку в споре / *в спор; повесить на виселице / *на виселицу.*

2.1.4. Глаголы с семантикой вмещаемости

К этой группе относятся глаголы *помещаться, вмещаться, уместиться*, которые позволяют альтернативную реализацию с винительным и предложным падежами. В отличие от всех прочих рассмотренных классов, глаголы данного класса не каузативны и имеют две валентности, вторая из которых допускает вариативное заполнение. Тот факт, что они принадлежат к принципиально другому семантическому классу¹¹, влияет на характер семантических сдвигов, которым они подвергаются при реализации с винительным и предложным.

С одной стороны, данный подкласс отчасти демонстрирует общие для других подклассов тенденции — в частности, предпочтительность реализации роли конечной точки с названиями контейнеров (*помещаться в рюкзаки*), а роли МЕСТА — с названиями помещений (*помещаться в домах*):

- (51) *И все равно багаж никак не помещался в рюкзаки* [Д. В. Бавильский. Чужое солнце (2012)].
- (52) *Старая мебель, соответствовавшая масштабам дореволюционных квартир, не помещалась в новых домах* [Лариса Шпаковская. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом (2004) // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15].

Эта же пара примеров демонстрирует и другое различие между реализациями второй валентности с этими ролями, а именно интерпретацию актуальности для винительного (в примере (51) речь идет об актуальной попытке уложить багаж) vs. интерпретацию свойства для предложного (в примере (52) речь идет о свойстве мебели).

С другой стороны, в следующих контекстах речь везде идет о свойствах, и провести семантические разграничения между винительным и предложным затруднительно, хотя взаимозамена возможна не во всех контекстах. Кроме того, есть различия и между синонимами; так, для глаголов *уместиться* и *помещаться* взаимозамена винительного и предложного возможна в большей степени, чем для глагола *вмещаться*, который в целом предпочитает сочетания с винительным. В примере (55) замена на предложный падеж нежелательна.

- (53) *Глаша нанизывала на травинку землянику, я прихлебывала из плоской фляжки, идеально уместившейся в задний карман джинсов* [Инна Шульженко. К Баловню // «Русская жизнь», 2012].
- (54) *Все имущество самих аборигенов уместается в сумке женщины* [Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)].
- (55) *Вся эта система вмещается в небольшой чемодан, который можно прихватить с собой даже в офис* [Александр Медведев. Пространство гольфа (2001) // «Ландшафтный дизайн», 2001.07.15].
- (56) *Семья разрослась и уже не помещалась в его маленьком домике* [Фазиль Искандер. Сюжет существования (1965)].

Необходимо также отметить, что для глаголов данной группы реализация с предложным падежом в целом даже более характерна, чем реализация с винительным. Это, по-видимому,

¹¹ *Помещаться* и *уместиться*, по-видимому, декаузативы от каузативов *помещать* и *умещать*; *вмещаться* — рефлексивный конверсив к глаголу со значением свойства *вмещать* (классификация по [Князев 2007: 285, 289]).

связано с тем, что идея перемещения в их семантике находится на втором плане и носит характер имплицатуры: из того, что какой-то контейнер или помещение обладает свойством вмещать какое-то количество объектов, следует, что кто-то пытался их туда уместить и эмпирически установил это свойство.

Так, с глаголом *умещаться* реализации с предложным почти в два раза частотнее, чем реализации с винительным (215 vs. 121 вхождение в НКРЯ), и это касается только постпозитивных реализаций второй валентности; если бы рассматривалась препозитивная реализация, процент вхождений с предложным с большой вероятностью был бы еще больше, поскольку, как было сказано выше, сентенциальная позиция данного актанта способствует реализации роли МЕСТА.

У *помещаться* это соотношение показывает еще большее доминирование предложного над винительным (1 296 vs. 410 вхождений в НКРЯ), однако это происходит отчасти за счет других значений, например чисто локативного значения вида *Лаборатория помещалась в старом сарае*.

Вмещаться — единственный глагол данной группы, у которого в постпозиции доминирует винительный падеж (176 vs. 61 вхождение в НКРЯ).

В переносных значениях вариативность не представлена: в некоторых значениях допустим винительный падеж, в некоторых — предложный; ср. следующие примеры на временное значение, ментальное значение и значение отождествления ‘сводиться к чему-л.’, где взаимозамена невозможна или неестественна.

- (57) *Репетиции уже не умещались в световой день* [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003—2005)] (временное значение).
- (58) *Современная эзотерика умещается в ряд дизайнерских заповедей по использованию пахучих веществ* [Виктория Можная. Аромат дома перенесет вас в любую страну и любую эпоху (2004) // «Homes & Gardens», 2004.04.16] (значение ‘сводиться к чему-л.’).
- (59) *Мы, воспитанные XX веком, и не заметили, как мир вокруг перестал вмещаться в категории, привычки и очевидности воспитавшего нас столетия* [После современности // «Знание — сила», 2009] (ментальное значение).
- (60) — *Бог мой, Юрий Алексеевич, голубчик, да как же все это умещается в вашей голове?* [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)] (ментальное значение).
- (61) *Бессмысленное убийство многих случайных людей как-то не умещается в русском уме* [Иван Давыдов. Аптечный ковбой // «Русская жизнь», 2012] (ментальное значение).

Для *умещаться* реализация с винительным в ментальном значении ‘понимать, запоминать, быть осознаваемым’ возможна только в тех случаях, когда речь идет о сознательных усилиях, что объясняется связью винительного падежа с идеей целенаправленности:

- (62) *Все эти латинские слова не умещаются в мою голову* (можно сказать о человеке, который пытается их выучить).

Интересно, что для *вмещаться* в ментальном значении характерно заполнение группой с винительным:

- (63) *Иррациональное противостоит рациональному, но вмещается в разумное* [Александр Левинтов, Ольга Балла. В культуре свободных мест нет // «Знание — сила», 2010].

2.1.5. Глаголы с семантикой перемещения и деформации

Небольшой класс глаголов, допускающих в некоторых условиях двойную роль конечная точка — место и, соответственно, некоторую степень вариативности винительного

и предложного падежей — это глаголы «укладки волос» типа *завить* (и его синонимы *накрутить*, *закрутить*, *навернуть*) и *зачесать*. Они, подобно другим глаголам, допускающим вариативность, содержат идею перемещения, что мотивирует роль конечной точки. К перемещению добавляется идея деформации, как бы создания нового объекта в конечной точке, что мотивирует роль места. При этом основной является роль конечной точки, роль места реализуется лишь в некоторых контекстах.

Для глагола *завить* разница между винительным и предложным — это разница между целью и результатом: *волосы, завитые на папильотки*, — это волосы, которые в данный момент закручены на папильотки; *волосы, завитые на папильотках*, — это уже имеющие кудри; ср.:

- (64) *Аля Шперлинг занимается по утрам физкультурой, а перед сном наворачивает волосы на папильотки* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].
- (65) *Когда мать, накрутив волосы дочери на папильотки, вышла из комнаты, Зоя взяла со стола ножницы и срезала ненавистные бумажки вместе с волосами* [Игорь Изгаршев. Софья Пилявская. Грустная жизнь (2001) // «Аргументы и факты», 2001.04.04].
- (66) *В дверях показалась тоненькая бледная женщина с завитыми на папильотках локончиками у висков* [В. К. Кетлинская. Мужество (1934—1938)].
- (67) *Ее худое лицо обрамляли седые бужли, завитые на папильотках* (Ги де Мопассан, «Наследство», пер. Н. Касаткиной).

Глагол *зачесать* с винительным и предложным также имеет разные интерпретации. *Зачесать волосы на затылок / на виски / на уши / на лоб / на лысину* значит начесать волосы, растущие в одном месте, на другое место, в котором они не растут, чтобы создать прическу или закрыть лысину; таким образом, акцентируется идея перемещения. Реализация с предложным пвдежом (*зачесать волосы на затылке*) возможна только тогда, когда речь идет о месте, где волосы растут, и в этом месте из растущих там волос создается прическа, т. е. акцентируется идея деформации. Поэтому невозможно **зачесать волосы на ушах / на висках / на лбу / на лысине*, так как на них волос нет. Реализация с предложным намного менее частотна (встречаются лишь единичные примеры со словом *затылок*). Ср. также примеры из основного корпуса НКРЯ, иллюстрирующие это различие:

- (68) *Длинные волосы, отдающие рыжиной, она зачесала на затылок, обнажив уши с крупными серьгами* [Валериан Скворцов. Сингапурский квартет (2001)].
- (69) *В вестибюле за стойкой дремал администратор с зачесанными на лысину остатками волос* [Геннадий Алексеев. Зеленые берега (1983—1984)].
- (70) *Лобик закрывают зачесанные на глаза рыжеватые волосы* [Михаил Божаткин. Флаг на гафеле (1977)].
- (71) *У него челюсти, как у бульдога, а короткие волосы зачесаны на лоб* [Василий Аксенов. Апельсины из Марокко (1962)].
- (72) *Не заглядывая им в лицо, не прислушиваясь к ихговору — можно было немедленно догадаться, что это англичанки: так безотрадно плоски их спины и талии и так золотисто-рыжи зачесанные на затылке волосы* [З. Н. Гиппиус. Без талисмана (1896)].

2.1.6. Глаголы с семантикой фиксации информации и создания образа

Интересный небольшой класс глаголов, у которых возможна вариативность в переносном, но не в переносных значениях — это глаголы со значением фиксации информации и создания образа типа *писать в дневник / в дневнике, записать в тетрадь / в тетради*,

выписать на листок / на листке, зарисовать¹² в альбом / в альбоме. Ср. также примеры из НКРЯ:

- (73) *Русский поэт, Б. Поплавский, записал в дневнике: «Ничто, буквально ничто меня не радует...»* [Валерий Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // «Октябрь», 2002].
- (74) *А он ходил пешком (...) изредка останавливаясь среди толпы, для того чтобы записать в маленькую книжку только что придуманную рифму или строчку* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)].
- (75) *Мать пыталась писать диссертацию и для этого выписывала на карточки бесконечные цитаты* [Инна Пруссак. «Я родилась в Ленинграде...» // «Звезда», 2003].
- (76) *А вечером роешься в книгах — листаешь Аксакова, Бунина, Тургенева, Чехова — и выписываешь на отдельных листочках примеры из классиков* [Аркадий Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской // «Октябрь», 2001].
- (77) *На прощание Вера зарисовала в блокнот, уже порядком потрепанный, набросок* [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980—2006)].
- (78) *Обнажение [щелья] зарисовано в моем блокноте* [П. А. Кропоткин. Ледниковый и озерный периоды, их признаки (1919)].

В семантике этих глаголов содержатся две важные идеи: с одной стороны, переноса информации, т. е. метафорического перемещения, с другой стороны — создания образа или письменного текста. У глагола *писать* эти идеи воплощаются в разных кругах употребления, каждому из которых свойственна своя модель управления; ср.:

- (79) *Пишите себе в дневник / *в дневнике: «Завтра надо принести физкультурную форму»* (актуализирована идея переноса устной информации в место ее письменной фиксации, реализуется роль конечной точки).
- (80) *Мальчик пишет в тетради / *в тетрадь сочинение* (актуализирована идея создания письменного текста, реализуется роль места).

У глаголов *записать*, *выписать* и *зарисовать* эти семантические компоненты выражены в значении более синкретично: в основном значении они предполагают как перенос информации куда-либо, так и создание в этом месте образа или текста. *Записать что-л.* можно со слуха или копируя письменный текст (*Записывай каждое слово, которое услышишь; На доске задание, запишите его в тетради*); *выписать* — это копирование части письменного текста куда-либо; *зарисовать* — это создание образа с натуры. Именно в том своем значении, в котором совмещаются обе эти идеи, данные глаголы имеют двойную семантическую роль конечная точка — место и допускают вариативность винительного и предложного падежей.

По данным НКРЯ, реализация места с предложным падежом у глаголов этой группы достаточно частотна и в большинстве случаев даже более частотна, чем с винительным.

У глагола *зарисовать / зарисовывать* вообще низкая частотность; в основном корпусе НКРЯ встретилось два употребления *зарисовать* и два употребления *зарисовывать* с предложным падежом, и ни одного употребления с винительным в нужном значении.

У глагола *записать / записывать* распределение морфосинтаксических реализаций следующее: в совершенном виде 164 реализации с предложным падежом (*записать на листке, на полях, на манжетах, на клочке бумаги; записано на скрижалях, на бересте, на пергамене,*

¹² Об актантной структуре предиката *рисовать* и других глаголов со значением изображения см. [Апресян 2006].

на глиняных табличках) и только 15 реализаций с винительным; в несовершенном виде 72 реализации с предложным и 24 с винительным в нужном значении.

У глагола *выписать* / *выписывать* распределение следующее: в совершенном виде 24 реализации с предложным и 9 с винительным; в несовершенном виде — 5 реализаций с предложным и 10 с винительным в нужном значении.

Таким образом, отмеченная на материале других глаголов тенденция к ассоциации роли МЕСТА (РЕЗУЛЬТАТА) с контекстами прошедшего времени и совершенного вида, а роли конечной точки — с контекстами не прошедшего времени и несовершенного вида подтверждается и на данной группе глаголов.

Статистическое различие между *записывать* и *выписывать* можно объяснить тем, что *записывать* в гораздо меньшей степени предполагает **точное воспроизведение, точный перенос** информации, чем *выписывать*, а следовательно, идея создания в нем не менее сильна, чем идея перемещения (которая лицензирует роль конечной точки и выражение с винительным).

Ср. при этом другие значения и употребления этих глаголов, которые не допускают вариативности: *Он по любому поводу пишет в прокуратуру* / **в прокуратуре*; *Он пишет об этом у себя в книге* / **в книгу*; *Запиши меня в группу* / **в группе по плаванию*; *Это записано в Уголовном кодексе* / ?*в Уголовный кодекс* (если только речь не идет об актуальном, только что произошедшем действии); *Ее выписали на работу* / **на работе после больницы*; *Эту ее особенность я зарисовал в своем романе* / **в свой роман*.

У глагола *записать* / *записывать* есть также значения фиксации звуковой и компьютерной информации; они ближе к значению фиксации текста (*записывать задание в тетрадь* / *в тетради*), чем перечисленные выше значения, однако в них выражена идея **точного переноса, копирования**, а не идея создания (в самом деле, нельзя **неточно записать музыку на кассету* или **неточно записать информацию на диск*). Поэтому у них доминирует роль конечной точки и выражение третьей валентности с винительным падежом (в НКРЯ единичны примеры с предложным, подавляющее большинство примеров с винительным на данное значение); ср. странность ?*записывать лекцию на диктофоне* / *на магнитофоне*, ?*записывать песню на пленке* / *на пластинках*. Для компьютерных употреблений, впрочем, употребление предложного падежа более допустимо, по-видимому, по той причине, что хранилища виртуальной информации воспринимаются как своего рода пространства, ср.: *записать файл на флэшке* / *на жестком диске*, *записать файл в новой директории*.

Более того, близкие по смыслу глаголы, которые содержат только один из указанных семантических компонентов, могут иметь только одну семантическую роль на месте третьей валентности и, соответственно, только одну из моделей управления. Так, глагол *переписать* со значением точного переноса информации позволяет реализовать только роль конечной точки: *переписать в тетрадь*, но не **переписать в тетради*. Глагол *рисовать*, который в обязательном порядке указывает только на создание образа, но не на его перенос (*рисовать*, в отличие от *зарисовать*, можно не только с натуры), позволяет реализовать только роль МЕСТА: *рисовать в альбоме*, но не **рисовать в альбом*.

3. Двойные семантические роли в переносных значениях глаголов

Если ситуация, когда двойная роль и морфосинтаксическая вариативность возможны в прямом значении, но не в переносном, достаточно частотна, то обратная ситуация — двойная роль и вариативность в переносном значении, но не в прямом — является весьма редкой. По-видимому, это отражает естественное направление семантической деривации — от меньшей семантической специфицированности и более размытого значения к большей специализации семантики и, соответственно, средств выражения.

Возможно, реально этот тип соотношения (одна роль в исходном значении, двойная в переносном) представлен более широко, но на рассмотренном материале встретился только один удовлетворяющий этому условию класс глаголов, точнее — всего два глагола

с семантикой каузации перемещения острого длинного объекта в плотный объект (*вбить* и *забить*). Это многозначные глаголы с развитой полисемией, однако нас будет интересовать только первое значение ‘ударяя, углубить в поверхность’ (*вбить / забить гвоздь в стену*), которое не допускает вариативности, и относительно новое переносное значение ‘ввести интернет-запрос’ (*вбить / забить запрос в Яндекс / в Яндексe*). Итак, как было сказано, в первом значении вариативность не допускается — возможна только роль конечной точки и реализация с винительным падежом, ср. невозможность **вбить / забить гвоздь в стене / в дереве*. Это связано и с тем, что само действие подразумевает целенаправленность и усилия (что способствует выражению с винительным), и с тем, что плотный объект, в который перемещается узкий острый объект, не может мыслиться как пространство или помещение (без чего невозможна реализация роли МЕСТА с предложным).

Интересно, почему двойная роль появляется в переносном значении и чем она отличается от двойных ролей в прямом значении? Представляется, что в случае *вбить* и *забить* проявляется общая тенденция, свойственная «компьютерным» значениям глаголов с исходной семантикой каузирования перемещения в пространстве (см. также следующий раздел): они демонстрируют нейтрализацию ролей, т. е. невозможность семантически различить выражения с винительным и предложным падежами. Нейтрализация, по-видимому, вызвана тем, что, когда речь идет о виртуальности, провести границу между контейнером (выражаемым винительным падежом) и пространством (выражаемым предложным падежом) часто не представляется возможным. Очевидно, поисковые системы — *Яндекс*, *Гугл*, *поисковик* — концептуализуются одновременно как контейнеры и как пространства, и поэтому они допускают вариативность без семантической специализации; ср. примеры из Интернета (с сохранением особенностей орфографии и пунктуации):

(81) *Если забить в «Яндекс» «Мой айпи», поисковик сразу продемонстрирует его.*

(82) *Вот если забить в яндексе дети и семья или семья и дети, то на первой же странице мой сайт.*

Для физических существей возможность концептуализации одновременно в качестве контейнера и в качестве пространства гораздо более ограничена.

Интересно, что некоторые виртуальные существи более специфицированы в своей концептуализации: скажем, можно *забить название деревни в Яндекс-карты / Яндекс-навигатор*, но не в **Яндекс-картах / Яндекс-навигаторе*, т. е. в данном случае речь идет о виртуальных информационных контейнерах, но не о пространствах.

Ниже рассматриваются те (также немногочисленные) случаи, когда семантическая неопределенность и связанная с ней двойная роль и вариативность представлены как в исходном, так и в переносном значениях.

3.1. Двойные семантические роли в обоих типах значений

Основные глаголы в этой группе объединяются в семантический класс по своему переносному, а не основному значению, а именно это глаголы, у которых есть сравнительно новое значение введения информации в Интернет. В своем основном значении они объединяются только идеей каузирования перемещения, но не образуют более компактных подклассов внутри этого общего класса. К этому классу относятся следующие глаголы: *выложить таралетки на блюдо / на блюде* ⇒ *выложить фотографии в Интернет / в Интернете*; *вывесить белье на веревку / на веревке* ⇒ *вывесить текст в сеть / в сети*; *поместить одежду на полку / на полке* ⇒ *поместить интервью на сайт / на сайте*.

К этим глаголам в полной мере применимо то, что было сказано выше о двойственности ролей у глаголов со значением виртуального перемещения: они демонстрируют семантическую неразделимость ролей конечной точки и места в применении к виртуальным контейнерам / пространствам. Поэтому у них в высокой степени выражена вариативность

винительного и предложного падежей, и трудно провести семантические разграничения между реализациями в этих конструкциях; ср. следующие примеры из Интернета:

- (83) *Как выложить фото на сайт одноклассники.*
 (84) *Как выложить фото на сайте знакомств.*
 (85) *Гаджеты позволяют и сфотографироваться с трофеем прямо на месте, и тут же вывесить фото в интернет.*
 (86) *Это ж каким терпением надо обладать, чтобы для того чтоб вывесить фото в интернете.*
 (87) *Как поместить картинку в Интернет.*
 (88) *Будучи нашим большим другом и музыкальным консультантом, она любезно разрешила поместить интервью на сайте SOUP.*

Пожалуй, единственный контекст, который можно выделить как предпочтительный для предложного падежа — это случай, когда присутствует явное указание на концептуализацию Интернета как пространства, в котором есть разные контейнеры; ср.:

- (89) *Куда можно выложить фото в интернете, чтобы другие люди могли смотреть ее, но не могли копировать?*

При том, что в переносном значении у этих глаголов развивается двойная роль конечной точки и места, в своем основном значении они демонстрируют типичные семантические сдвиги в сочетании с винительным или предложным падежами. Ср., например, невозможность предложного падежа с указанием на контейнер, особенно небольшой: *поместить клеща в баночку*, но не **поместить клеща в баночке*.

Кроме глаголов, развивающих значение виртуального перемещения в интернет-пространстве, в число глаголов, имеющих двойную роль как в исходном, так и в переносном значении, попадает глагол, совмещающий семантику каузированного перемещения и деформации, а именно глагол *завязать*. Как показано выше, таким глаголам в целом свойственна двойная роль в исходном значении (ср.: *завить, зачесать, накрутить*). *Завязать* отличается от них тем, что двойная роль не исчезает в переносном значении. Как и у глаголов виртуального перемещения, абстрактное переносное значение глагола *завязать*, которое допускает вариативность, является достаточно новым и носит отчетливый неформальный характер. По-видимому, эти факторы способствуют семантической неопределенности и вариативности: специализация значения не успела произойти (так, семантическая широта свойственна некоторым разновидностям неформальной лексики, в частности, сленгу).

Однако у глагола *завязать* не происходит нейтрализации ролей в переносном значении в той степени, в какой она происходит у глаголов со значением виртуального перемещения в интернет-пространстве. Это связано с его семантическими особенностями. Ниже приводится пример исследования глагола *завязать* в исходном и особенно переносном значениях, и при помощи корпусных данных мотивируется и объясняется различие между употреблениями с винительным и предложным падежами. В этой части статьи используются, с изменениями и в сжатом виде, данные из работы [В. Апресян 2016].

3.2. Двойная семантическая роль в полисемии глагола *завязать*

В исходном значении глагола *завязать* представлена двойная роль конечная точка — место (*завязать платок на шею / на шее*), которая переходит в двойную роль цель — причина в его новом переносном значении (*Экономика завязана на нефть / на нефти*).

В своем исходном значении *завязать* соединяет идеи каузированного перемещения и деформации: некоторый объект закрепляется путем завязывания на другом объекте, который

и играет роль МЕСТА или КОНЕЧНОЙ ТОЧКИ. Для этого значения (*Она завязала ленточку бантиком на шею у котенка*) предлагается следующее толкование:

(90) *X завязал Y на Z-е* ‘Человек X соединил части тонкого и гибкого объекта Y вокруг объекта Z так, чтобы закрепить Y на Z-е’ [Y — обычно предмет одежды, Z — часть тела].

Для третьей валентности возможна двойная роль и вариативность: *завязать ленточку котенку на шею* vs. *завязать ленточку у котенка на шею*. При этом выражение с предложным падежом сильно доминирует (в соотношении приблизительно 30:1 в основном корпусе НКРЯ). По-видимому, это происходит оттого, что в основном значении в фокусе внимания находится не перемещение объекта, а его местоположение.

Напротив, в новом, переносном значении, в котором глагол употребляется почти исключительно в форме пассивного залога, доминирует винительный падеж (в соотношении приблизительно 2:1 в основном корпусе НКРЯ). Представляется, что это соотношение не случайно.

Вообще модель с *на* и аккумулятивом характерна для разговорных и сленговых значений глаголов; ср.: *развести на бабки, выставить на тысячу, влететь на деньги, быть заточенным на решение олимпиадных задач*, где она появляется только в переносных и полностью отсутствует в прямых, физических значениях (*развести что-л. где-л.* или *что-л. чем-л., влететь куда-л., заточить что-л.*).

Создается ощущение, что это некоторая дефолтная модель управления и ее употребление при образовании новых разговорных значений не регулируется семантическими законами, характерными для основного массива языка. Это соответствует взглядам на разговорный язык и особенно на сленг как на область со своими семантическими правилами; ср. [Розина 2005]. Однако представляется, что во многих случаях модель управления с *на* и аккумулятивом в переносных значениях можно семантически мотивировать общими соображениями¹³ и ее нестандартное для носителей звучание объясняется тем, что она отсутствует или редко встречается в основных значениях глагола.

Так, у глаголов *развести на что-л., влететь на что-л., выставить на что-л., быть заточенным на что-л.* модель управления с *на* также мотивирована семантически. По сути, это метафорическая результативная конструкция, которая образуется из конструкции со значением перемещения в конечную точку при заполнении аккумулятивного слота существительными, не имеющими значения местоположения; ср.: *выйти на хорошие показатели*.

В рамках грамматики конструкций в духе [Goldberg 1995] можно описать развитие сленговых метафорических значений с моделью управления, не свойственной глаголам в их основном значении, как семантический сдвиг в ситуации коэрсии (coercion).

У глагола *завязать* в значении ‘определять’ модель управления также не случайна, а мотивирована семантически. Для этого значения (*Экономика этого города завязана на машиностроении; Они целиком завязаны на потребителя*) предлагается следующее толкование:

(91) *X завязан на Y / на Y-е* ‘Основные характеристики деятельности X или объекта X или величина параметра X определяются фактором Y’.

В валентности Y у этого значения заложена двойная роль цели — причины, которая в толковании выражена семантическим компонентом ‘фактор’.

При этом синтаксически распределение цели и причины устроено более сложно, нежели распределение винительного с *на* и предложного с *на*. А именно, конструкции с предложным могут интерпретироваться только как ПРИЧИНА, однако конструкции с винительным демонстрируют синкретизм — они могут служить как для выражения цели, так и для описания случаев, где непонятно, является ли ситуация A2 причиной или целью.

¹³ Ср. работу [Резникова 2014: 171—178], где развитие сленговых значений анализируется в контексте общеязыковых семантических тенденций.

Ср. типичные примеры из НКРЯ на употребление *завязать* в конструкции с предложным падежом: *Наше финансовое благополучие завязано на импорте; Успешность реализации программы завязана на том, честный ли директор фонда; Весь порядок в мировом спорте завязан на одном человеке; Экономика завязана на АВТОВАЗе; Будущее Греции завязано на Европе*. В этих примерах связь между X-ом и Y-ом каузальная: X определяется Y-ом.

Типичные примеры на употребление в конструкции с винительным падежом включают два типа употреблений.

С одной стороны, это примеры вида *Спорт всецело завязан на государственное финансирование; Инвестиционное машиностроение завязано на проблему инвестиций; Финансовые потоки жестко завязаны на технологический процесс*, где связь между X-ом и Y-ом каузальная: Y определяет X.

С другой стороны, это примеры вида *Фирмы обычно завязаны на потребителя; Эффективный управленец должен быть напрямую завязан на результат; Художники завязаны на общение с профессиональной средой; Их продукция завязана на здешнюю моду*. В таких контекстах между X-ом и Y-ом имеется связь целеполагания: Y или нечто связанное с Y-ом является целью X-а или другого активного субъекта. В конструкции с винительным возможно употребление глагола в активном залоге, что подтверждает гипотезу о возможной активности агенса и о целенаправленности его действий; ср. примеры из НКРЯ:

(92) *В этом году «СТБ-турс» намерен также организовать специальную программу студенческого туризма, в рамках которой все затраты предполагается «завязать» на пластиковую карточку STUDENT* [Новости СБСАГРО (1997) // «Столица», 1997.05.13].

(93) *Америка готова говорить с нами отдельно, а с Китаем отдельно, стремясь понизить значение Китая, а Россию полностью завязать на себя* [Светлана Лурье. Жесткий разговор о любви (2003) // «Спецназ России», 2003.05.15].

Ср. также другие примеры, где валентность Y заполняется словом *результат*, обозначающим то, что получается в результате целенаправленных действий (об отличии целенаправленного *результата* от чисто каузального *следствия* см. [Богуславская, Левонтина 2004: 71]), где естественна конструкция с винительным и неестественна конструкция с предложным падежом:

(94) *Должна быть и мотивация у тех людей, которые остаются на государственной службе, они должны быть завязаны на результат* [Борис Грушин (ИТАР—ТАСС специально для КП) // Комсомольская правда, 2011.02.09].

(95) *Разработан ряд мер, начиная от новой схемы оплаты труда хоккеистов, в большей степени завязанной на результат и качество, нежели на фиксированный оклад* [Беляков К. Меньше оклад — больше премиальные // Советский спорт, 2010.04.02].

Как видно из примеров, конструкции имеют следующие интерпретации:

(96) *X завязан на Y-e* = 'Функционирование объекта X или характеристики ситуации X определяются лицом Y или ситуацией Y' (каузальная интерпретация, семантическая роль валентности Y — причина).

(97) *X завязан на Y* = 'Деятельность X или деятельность лица X ориентирована на достижение цели Y или функционирование объекта X или характеристики ситуации X определяются лицом Y или ситуацией Y' (целевая интерпретация, каузальная интерпретация, семантическая роль валентности Y синкретична: цель — причина).

При таком соотношении значений, во-первых, неудивительно, что конструкции с винительным падежом преобладают, поскольку они, в отличие от конструкций с предложным,

могут выражать оба значения. Явно агентивные контексты для конструкции с предложным падежом невозможны, ср. странность ^{??}*Америка хочет завязать Россию на себе*; ^{??}*Все затраты предполагается завязать на пластиковой карточке*.

4. Толкование и интерпретация глаголов с вариативностью

Пример *завязать* показывает, что в отношении толкований глаголов с двойной ролью возможно следующее решение: использовать в толковании семантический компонент, который может неоднозначно интерпретироваться (ср. компонент 'фактор', который семантически покрывает и причину, и цель), а различия в интерпретациях описывать как семантические модификации значения лексемы в определенных синтаксических условиях в духе работы [Апресян 1995].

Для толкований других рассмотренных глаголов, например *выгрузить* и *высадить*, оптимальными могут быть другие типы решений. *Высадить* и *выгрузить* в значении транспортировки людей или объектов можно толковать через дизъюнкцию как

(98) *X высадил (выгрузил) Y на W из Z* 'Человек X переместил человека или объект Y на поверхность W или в пространство W из транспортного средства Z'.

Однако семантические различия между реализациями с винительным и предложным падежами в контексте разных типов поверхностей и пространств также естественно описывать как правила семантической модификации.

Наконец, возможно решение, при котором за основу толкования берется не амбивалентный семантический компонент типа 'фактор' и не дизъюнкция, а тот компонент, который является для данной лексемы более базовым, а именно тот, который чаще оказывается в фокусе внимания. Так, для глагола *положить*, у которого реализация с винительным превышает реализацию с предложным приблизительно в десять раз (5 242 vs. 549 в НКРЯ), базовой является идея о том, что некоторый объект перемещается на некоторую поверхность или в некоторое пространство с какой-либо целью (иной, чем просто его размещение там). Ср. контексты типа *Положите рыбу на раскаленную сковородку и обжарьте с обеих сторон*; *Положите морковь на весы* (чтобы взвесить); *Положи одежду в шкаф* (чтобы был порядок); *Его положили на операционный стол* (чтобы сделать операцию). Соответственно, его можно толковать как

(99) *X положил Y на Z* 'Человек X переместил объект Y на поверхность Z, обычно для достижения какой-либо цели'.

Опять-таки, модификацию значения в предложном падеже можно описать в рамках семантических сдвигов в определенных синтаксических условиях: при выражении валентности Z именной группой в предложном падеже, целью субъекта становится размещение объекта Y на поверхности или в пространстве Z; ср.: *Положи книги где-нибудь на полке* (такая фраза невозможна, если говорящий призывает адресата навести порядок). Фразы типа [?]*Положи морковь на весах* или [?]*Положите рыбу на сковородке* вообще сомнительны, поскольку прагматически трудно представить себе, что перемещение объекта в этих случаях имеет целью его размещение на указанных поверхностях для последующего пребывания там.

Таким образом, решение о структуре толкования для каждого глагола должно приниматься индивидуально, в том числе с учетом частотности реализаций той или иной семантической роли. Для случаев, когда частотности приблизительно сбалансированы, возможен вариант дизъюнкции; для случаев, когда одна из реализаций сильно доминирует, она может быть принята за базовую. В некоторых случаях возможно использование семантически более широкого компонента, который покрывает разные случаи употребления.

Во всех этих случаях представляется, что аппарат правил модификации значений, предложенный в [Апресян 1995], является самым адекватным способом описания разнообразных

тонких семантических сдвигов, которые происходят с разными глаголами одного семантического класса в конструкциях с предложным и винительным падежами.

Безусловно, идеология модификации значений во многом близка идеологии грамматики конструкций (предвестником которой можно считать работу [Апресян 1967]).

Однако здесь несколько другой предмет описания, чем в классических работах по грамматике конструкций. Так, в [Goldberg 1995] описывается семантика разных конструкций, например, конструкции CAUSED MOTION (*Norman kicked the ball into the room*), а также явление коэрсии (coercion), которое имеет место при попадании в эту конструкцию глаголов из **других** семантических классов: *He sneezed the napkin off the table; The audience laughed the poor guy off the stage*.

В данной работе в фокусе внимания находятся возможные способы реализации валентности МЕСТА — конечной точки, которые в разной степени свойственны глаголам **одного** семантического класса — каузированного перемещения (или классов, которые в том или ином смысле близки ему), а также индивидуальные семантические сдвиги, которые происходят с каждым из глаголов при каждой из возможных реализаций.

Безусловно, здесь возможна некоторая степень обобщения, в частности, о стремлении реализаций с винительным к интерпретации целенаправленности, а реализаций с родительным — к интерпретации локализации, однако семантический сдвиг происходит на стыке семантики конструкции и лексической семантики, поэтому не может быть полностью описан и предсказан без анализа семантики конкретных глаголов.

В этом смысле анализируемые явления можно также рассматривать в парадигме системы и среды в духе Петербургской школы функциональной грамматики [Бондарко 2002: 193—194], где роль системы выполняет общее значение конструкций, а роль среды — лексическое значение глаголов. При этом в данной работе направление анализа обратное: от индивидуальных глаголов к интерпретациям конструкций.

Заключение

В заключение можно сказать следующее.

1. Двойные семантические роли и вызываемая ими морфосинтаксическая вариативность винительного и предложного падежей свойственны глаголам, которые в исходном значении принадлежат к пограничным семантическим классам, совмещающим разные компоненты значения — например, перемещение и размещение, перемещение и деформацию, перемещение и создание образа.
2. Семантические сдвиги в значениях глаголов, которые возникают при реализации разных ролей, отчасти определяются семантикой ролей (например, конечная точка vs. место), отчасти лексической семантикой глаголов (например, *выгрузить* vs. *высадить*).
3. Существуют некоторые семантические особенности реализации двойных ролей, общие для всех глаголов каузированного перемещения:
 - а) реализация роли МЕСТА требует, чтобы релевантная валентность выражалась существительным со значением пространства или большой поверхности, но не контейнера (*спрятаться в парке*);
 - б) реализация роли конечной точки требует, чтобы эта валентность выражалась существительным со значением контейнера или небольшой поверхности (*спрятать в банку, положить на подставку*);
 - в) контекст целенаправленных действий способствует выражению роли конечной точки, контекст нецеленаправленных — роли МЕСТА;
 - г) прошедшее время и совершенный вид у глагола, т. е. значение РЕЗУЛЬТАТА, коррелируют с ролью МЕСТА.
4. Степень семантической близости и нейтрализации ролей и невозможности провести семантическую спецификацию конечной точки и МЕСТА (ср.: *спрятаться*

- в песок / спрятаться в песке) коррелирует с частотностью: одинаковая частотная дистрибуция винительного и предложного свидетельствует о высокой степени нейтрализации.
5. Двойные роли в переносном значении присутствуют в первую очередь у глаголов, у которых развилось новое «виртуальное» значение (*положить в Интернет / в Интернете*).
 6. Степень нейтрализации у подобных глаголов весьма высока, поскольку, когда речь идет о виртуальных сущностях, семантическое противопоставление контейнера (коррелирует с реализацией роли конечной точки) и пространства (коррелирует с реализацией роли места) в значительной степени стирается.
 7. У других глаголов двойная роль конечной точки — места может в переносном значении переходить в роль цели — РЕЗУЛЬТАТА и сохранять семантическое противопоставление (глагол *завязать*).
 8. В целом двойные роли гораздо более характерны для исходных значений глагола, чем для переносных, поскольку в процессе семантической деривации семантическая неопределенность, свойственная исходным значениям, сменяется семантической специфицированностью, которая требует единой роли от каждой валентности и, соответственно, отсутствия морфосинтаксической вариативности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1967 — Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. [Apresjan Ju. D. *Ekspperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* [An experimental study of semantics of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974. [Apresjan Ju. D. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical semantics (Synonymic means of language)]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. [Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy: V 2 t. T. II: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works: In 2 vol. Vol. II: Integrated description of language and systematic lexicography]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1995.]
- Апресян 2006 — Апресян Ю. Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 15—27. [Apresjan Ju. D. Types of correlation of semantic and syntactic actants. *Problemy tipologii i obshchei lingvistiki*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. Pp. 15—27.]
- Апресян 2010 — Апресян Ю. Д. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Апресян Ю. Д. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Ju. D. Three-level theory of government: A lexicographic aspect. Apresjan Ju. D., Boguslavskii I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya*. Apresjan Ju. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- В. Апресян 2015 — Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 28—66. [Apresjan V. Ju. The valency of stimulus in Russian psych-verbs: Semantics-syntax interface. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2015. No. 1 (29). Pp. 28—66.]
- В. Апресян 2016 — Апресян В. Ю. Синкретичные семантические роли в переносных значениях // Ляпон М. В. (отв. ред.). Язык: поиски, факты, гипотезы. Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой. М.: ЛЕКСПУС, 2016. С. 273—284. [Apresjan V. Ju. Syncretic semantic roles in figurative meanings. *Jazyk: poiski, fakty, gipotezy. Sbornik statej k 100-letiju so dnja rozhdenija akademika N. Ju. Shvedovoj*. Lyapon M. V. (ed.). Moscow: LEXRUS, 2016. Pp. 273—284.]
- Богуславская, Левонтина 2004 — Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 68—88. [Boguslavskaya O. Yu., Levontina I. B. The meanings 'cause' and 'goal' in natural language. *Voprosy jazykoznanija*. 2004. No. 2. Pp. 68—88.]

- Бондарко 2002 — Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. [Bondarko A. V. *Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noi grammatiki (na materiale russkogo yazyka)* [The theory of meaning in the system of functional grammar (case study in Russian)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Виноградов 1986 — Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. [Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical theory of the word)]. 3rd ed., revised. Moscow: Vysshaya Shkola, 1986.]
- Князев 2007 — Князев Ю. П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics: The Russian language in typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2007.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Падучева 2010 — Падучева Е. В. Диатезы ментального глагола: прямая и параметрическая // От значения к форме, от формы к значению: Сборник в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.; Ярославль: Языки славянских культур, 2010. С. 461—467. [Paducheva E. V. *Diatheses of a mental verb: Direct and parametrical. Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu: Sbornik v chest' 80-letiya chlena-korrespondenta RAN A. V. Bondarko*. Moscow; Yaroslavl: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010. Pp. 461—467.]
- Плунгян 2002 — Плунгян В. А. К семантике русского локатива («второго предложного» падежа) // Семиотика и информатика. Вып. 37. М.: ВИНТИ, 2002. С. 229—254. [Plungian V. A. *Towards the semantics of Russian locative (“second prepositional” case). Semiotika i informatika*. No. 37. Moscow: All-Union Institute of Scientific and Technical Information, 2002. Pp. 229—254.]
- Резникова 2014 — Резникова Т. И. Слог у автора неплох, реально доставляет: о нестандартных семантических переходах в глагольной лексике (по данным интернета) // Рахилина Е. В., Ахапкина Я. Э. (ред.). Современный русский язык в Интернете. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 169—180. [Reznikova T. I. *Slog u avtora neplokh, real'no dostavlyayet: On non-standard semantic shifts in verbal lexicon (based on Internet data). Sovremennyi russkii yazyk v Internetne*. Rakhilina E. V., Akhapkina Ya. E. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2014. Pp. 169—180.]
- Розина 2005 — Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М.: Азбуковник, 2005. [Rozina R. I. *Semanticheskoe razvitie slova v russkom literaturnom yazyke i sovremennom slenge* [Semantic development of the word in the Standard Russian language and contemporary slang]. Moscow: Azbukovnik, 2005.]
- Baerman et al. 2015 — Baerman M., Brown D., Corbett G. *The syntax-morphology interface. A study of syncretism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- Croft 1991 — Croft W. *Syntactic categories and grammatical relations*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1991.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — Goldberg A. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Lakoff 1990 — Lakoff G. The syntax of metaphorical semantic roles. *Semantics and the lexicon*. Pustejovsky J. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1990. Pp. 27—36.
- Luraghi 2001 — Luraghi S. Syncretism and the classification of semantic roles. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2001. Bd. 54. No. 1. Pp. 35—51.
- Luraghi, Narrog 2014 — Luraghi S., Narrog H. Perspectives on semantic roles: An introduction. *Perspectives on semantic roles*. Amsterdam: John Benjamins, 2014. Pp. 1—22.

Статья поступила в редакцию 07.08.2016.

ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЭНКЛИТИКИ *ЖЕ*: КОРПУСНЫЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД*

© 2017

Евдокия Алексеевна Валова^{а, в},
Наталья Анатольевна Слюсарь^{а, в}

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; ^в Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 193231, Российская Федерация; ^в dunya_v@yahoo.com

В данной работе представлено исследование синтаксических свойств русской энклитической частицы *же*, построенное с использованием корпусного и экспериментального методов. В древнерусском языке расположение этой энклитики подчинялось закону Ваккернагеля. На основе данных Национального корпуса русского языка и проведенного нами эксперимента мы анализируем, какие позиции являются допустимыми и предпочтительными для частицы в современном русском языке, какие факторы оказывают влияние на выбор между ними и как менялось употребление энклитики с течением времени. Наше исследование направлено не только на изучение конкретного языкового явления, но и на то, чтобы показать преимущество совместного использования корпусного и экспериментального методов.

Ключевые слова: закон Ваккернагеля, клитики, корпусное исследование, порядок слов, русский язык, эксперимент

SYNTACTIC PROPERTIES OF THE RUSSIAN ENCLITIC *ŽE*: CORPUS-BASED AND EXPERIMENTAL APPROACHES

Evdokia A. Valova^{а, в}, Natalia A. Slioussar^{а, в}

^а National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation;

^в St. Petersburg State University, St. Petersburg, 193231, Russian Federation; ^в dunya_v@yahoo.com

In this paper, we analyze syntactic properties of the Russian enclitic particle *že* relying on corpus and experimental data. In Old Russian, the position of this enclitic obeyed Wackernagel's law in its strict version, but subsequently some variation became possible. We aim to identify possible and preferable positions of *že*, various factors influencing them, and diachronic tendencies using the National Russian corpus and an experiment. Our goal is not only to examine a particular linguistic phenomenon, but also to show that corpus and experimental methods can be fruitfully combined.

Keywords: clitics, corpus approach, experimental approach, Russian, Wackernagel's law, word order

Введение

В русском языке, как и во многих других, есть клитики — слова, не имеющие собственного ударения и подчиняющиеся акцентуации предшествующего или последующего слова (например, энклитика *бы* в *сказал бы*, проклитика *на* в *на полке*). Некоторые энклитики являются фразовыми, то есть относятся не к конкретному слову, а к предложению в целом

* Часть представленных в данной статье исследований была выполнена при поддержке гранта РНФ № 16-18-02071.

(например, *Я же говорил об этом! Говорил ли я об этом?*). В праиндоевропейском языке расположение таких энклитик подчинялось закону, сформулированному Я. Ваккернагелем [Wackernagel 1892]: они примыкали к первому фонетическому (полноударному) слову фразы. Система расстановки фразовых энклитик в древнерусском языке также соответствовала закону Ваккернагеля¹.

А. А. Зализняк в своей монографии, посвященной древнерусским клитикам, отмечает, что «остатки древней системы» есть и в современном русском языке, приводя в пример энклитику *же*. Однако «современный язык, в отличие от древнего, уже допускает постановку *же* не после одного, а после двух полноударных слов, если они образуют смысловое единство, например: *Иван Петрович же отказался; Железную дорогу же ему не оплатят*; и т. п.» [Зализняк 2008: 48].

В таких случаях речь идет о постановке *же* не после первого слова, а после первой синтаксической составляющей. Как показали работы, последовавшие за статьей Ваккернагеля, обе позиции для клитик — после первого фонетического слова и после первой составляющей — засвидетельствованы в различных языках мира, причем в каких-то допустимыми являются обе; см. [Spencer, Luis 2012; Циммерлинг 2012; 2013]. Мы будем называть их первой и второй позицией (как в примерах (1а) и (1б)).

(1) а. *Но глупый плачет от бедства, а умный ищет средства. Татьяна же Акимовна была женщина умная* [Н. Г. Помяловский. Махиллов (1855)].

б. *ФИФА унифицировала свой регламент по переходам еще в прошлом году. У национальных федераций же есть время на его адаптацию* [Мутко: В российском футболе появится статус свободного агента // Советский спорт, 2006.10.11].

Хотя сам факт распада древнерусской системы расстановки энклитик не вызывает сомнений, никто ранее не пытался провести детальный анализ этого явления на материале корпусных или экспериментальных данных. В частности, интересно проверить, действительно ли в тех случаях, когда клитики сохраняют ваккернагелевские свойства, вторая позиция с течением времени становится более распространенной, а также от каких факторов это зависит — возможно, не только от семантической связности элементов внутри синтаксической группы, о которой упоминает А. А. Зализняк в приведенной выше цитате. В нашей работе мы исследуем этот вопрос на примере энклитики *же*². Мы провели корпусное исследование на материале Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и обратились к интуиции носителей русского языка в рамках экспериментального исследования. Энклитика *же* была выбрана потому, что она лучше всего сохранила свои ваккернагелевские свойства [Зализняк 2008: 48]. Кроме того, рассмотрению различных значений *же* посвящена обширная литература [Raducheva 1987; Бонно, Кодзасов 1998], и интересно проследить, насколько выделенные в ней значения будут коррелировать с выявленными нами закономерностями.

Подчеркнем, что рассматриваемый в данной статье вопрос, безусловно, не единственный, на который необходимо ответить, чтобы понять, чем различаются свойства фразовых клитик в древнерусском и современном русском языке. Однако, как мы покажем ниже, на предпочтении первой или второй позиции влияет множество разнообразных факторов, поэтому мы полагаем, что этот вопрос имеет смысл рассматривать отдельно с достаточной степенью

¹ Как показано в различных работах на материале разных языков (на материале древнерусского, прежде всего, в книге [Зализняк 2008]), в расчет могут не приниматься определенные элементы в начале фразы, которые, в терминологии А. А. Зализняка, отделены от нее ритмико-синтаксическим барьером, например вынесенные вперед темы. Тогда ваккернагелевские клитики примыкают к первому слову после барьера.

² В словарях и грамматиках (ср., например, [Ушаков 1935; Ожегов 1989; РГ 1980]), *же* может считаться частицей или союзом, однако здесь мы не будем придерживаться подобного разделения и будем называть ее частицей.

подробности. Также следует заметить, что закон Ваккернагеля является объектом пристального внимания ученых, работающих в рамках различных лингвистических направлений (обзор целого ряда работ можно найти, например, в книге [Spencer, Luís 2012]). В частности, активно обсуждаются языки, где допустимы сильная и слабая ваккернагелевские позиции, например сербский [Halpern 1995; Progovač 1996; Bošković 2001] и др. Тем не менее, так как поставленный вопрос осмыслен в рамках различных подходов, а выявленная в результате многофакторная картина ни в одном из них не находит объяснения, мы приняли решение представлять проведенное исследование без опоры на ту или иную теоретическую концепцию.

Вторая цель, которую мы преследовали в этой работе, заключалась в том, чтобы сопоставить результаты корпусного и экспериментального исследований и показать, что именно в комплексе эти подходы позволяют получить наиболее точное представление об изучаемом языковом явлении. В 1950—1960-х гг. Н. Хомский в [Chomsky 1957; 1962; 1965] подверг корпусный метод яростной критике. Он полагал, что лингвистические данные надо получать, обращаясь к интуиции носителей языка, прежде всего в виде суждений о грамматической правильности тех или иных предложений (*grammaticality judgments*). Благодаря начатой Хомским дискуссии такого типа подход получил большую популярность в разных областях языкознания и оказался противопоставлен корпусному (следует заметить, что сам Хомский при этом не занимался разработкой и совершенствованием этого метода).

С тех пор и корпусный, и экспериментальный подход претерпели множество изменений и значительно усовершенствовались. Тем не менее большинство лингвистов до сих пор предпочитает проводить исследование с использованием какого-либо одного метода, пренебрегая другим. А в тех работах, где используются оба метода, данные из одного из источников почти всегда играют вспомогательную роль [Granger 1998; Källkvist 1998; Long, De Ley 2000; Pander Maat, Sanders 2001; Schauer, Adolphs 2006; Gilquin 2007; Siyanova, Schmitt 2008] и др. Например, по корпусу определяется частотность тех или иных языковых единиц, затем эти данные используются для того, чтобы предсказать время их прочтения и другие характеристики ответов участников эксперимента. Наша задача — показать, что корпусный и экспериментальный подходы позволяют посмотреть на исследуемое явление с разных сторон и значительно дополняют друг друга.

1. Корпусное исследование

Так как примеров с фразовым *же* в НКРЯ очень много, мы остановились на предложениях, где носителями энклитики являются два типа именных групп: комплекс имен собственных, как в примере (1а) выше, и сочетание прилагательного и существительного, как в примере (1б). Набор факторов, которые могут действовать в первой группе примеров, равно как и общее число таких предложений, ограничены (скажем, не идет речи о большей или меньшей семантической связности двух слов внутри именной группы). Поэтому нам показалось правильным начать с них, чтобы затем обратиться к более обширной и разнородной группе, включающей сочетания прилагательных и существительных.

При изучении предложений с прилагательными и существительными из рассмотрения были исключены примеры с отождествительным *же* (например, *такой же ответ*), а также примеры с прилагательными *следующий*, *ближайший*, *завтрашний* в значении «хронологически ближайший из возможных». В этих примерах рассматриваемая энклитика является локальной и относится непосредственно к предшествующему слову, а не к предложению в целом, а локальные энклитики не подпадают под действие закона Ваккернагеля. В нашу итоговую выборку вошло около 13 000 предложений из основного, газетного и устного подкорпусов. Предварительные результаты корпусного исследования были представлены в статьях [Валова 2014а; 2014б]³.

³ Заметим, в частности, что мы обнаружили в этих статьях ошибку в таблицах с данными, когда работали с собранными материалами, проводя дальнейшие расчеты и статистический анализ.

1.1. Примеры с *же* и двумя именами собственными

Все вошедшие в выборку примеры из основного корпуса были разделены на группы в соответствии с датой создания текстов. Для предложений, включающих имена собственные, были выделены временные интервалы в 50 лет. В таблице 1 показана частотность примеров с *же* в первой и второй позициях.

Таблица 1

Частотность примеров с *же*
в первой и второй позициях в комплексе имен собственных
в XVIII—XXI вв.: основной корпус

Временной интервал	Кол-во примеров с <i>же</i> в позиции 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в позиции 2	Общее кол-во примеров	Общее кол-во словоупотреблений в интервале
1701—1750	2 (100,0 %)	0 (0,0 %)	2	746 598
1751—1800	1 (100,0 %)	0 (0,0 %)	1	3 188 885
1801—1850	21 (95,5 %)	1 (4,5 %)	22	12 291 939
1851—1900	155 (97,5 %)	4 (2,5 %)	159	41 107 495
1901—1950	131 (88,5 %)	17 (11,5 %)	148	60 237 302
1951—2000	103 (86,5 %)	16 (13,5 %)	119	73 970 923
2001—н. вр.	37 (66,1 %)	19 (33,9 %)	56	283 906 971
Общее кол-во	450 (88,7 %)	57 (11,3 %)	507	475 450 113

Итак, мы можем наблюдать тенденцию к увеличению процента энклитик во второй позиции с течением времени. Взяв данные начиная с 1851 г. (до этого примеров недостаточно) и применив метод логистической регрессии, мы удостоверились в том, что эта тенденция статистически значима ($p < 0,01$). Тем не менее в большинстве случаев *же* находится в первой позиции. Также интересно отметить, что частотность *же* в сочетании с именами собственными в текстах корпуса с 1851 г. неуклонно снижается (как можно увидеть ниже, для сочетаний существительных и прилагательных подобной тенденции не наблюдается). Проиллюстрируем оба типа предложений примерами:

- (2) а. *Она была женщина очень умная и добрая, но решительная и своенравная и слушалась только Безака; с Верою же Ивановною и отцом моим была в непрерывной войне, прерывавшейся редкими кратковременными перемириями* [Н. И. Греч. Записки о моей жизни (1849—1856)].
- б. *К сожалению, до нас дошло только одно письмо к Верещагиной, относящееся к этому времени. Мария Александровна же уничтожила все, где в письмах к ней Лермонтов говорил о сестре ее Вареньке или муже ее* [П. А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова (1842)].

В устном подкорпусе нам встретилось всего пять релевантных примеров, из них один — с *же* во второй позиции; в газетном — 118 примеров, и в 84 из них *же* находилось во второй позиции. Отметим, что все примеры из этих подкорпусов относятся к самому позднему временному интервалу.

Опираясь на предыдущие исследования (прежде всего, [Paducheva 1987; Бонно, Кодзасов 1998; Зализняк 2008]), мы выделяли следующие значения фразового *же*: противительное, усилительное, пояснительное и присоединительное. Анализ выборки из основного корпуса в зависимости от значения частицы представлен в таблице 2.

Таблица 2

**Корреляция значения энклитики *же* и ее позиции
для сочетаний *же* с именами собственными: основной корпус**

Значение энклитики <i>же</i>	Кол-во примеров с <i>же</i> в позиции 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в позиции 2	Всего примеров
Противительное	401 (89,1%)	49 (10,9%)	450
Усилительное	34 (85,0%)	6 (15,0%)	40
Пояснительное	13 (86,7%)	2 (13,3%)	15
Присоединительное	2 (100,0%)	0 (0,0%)	2
Общее кол-во	450 (88,8%)	57 (11,2%)	507

Как показывает таблица 2, *же* встречается во второй позиции во всех рассматриваемых значениях, кроме присоединительного, про которое, впрочем, ничего нельзя с уверенностью утверждать ввиду небольшого количества таких примеров. Мы оценили выявленные различия между разными значениями *же* при помощи критерия хи-квадрат и установили, что они не являются статистически значимыми ($p > 0,05$). Примеры с противительным *же* в разных позициях приведены выше в (2а—б), в (3а—б) даны примеры с усилительным *же*.

- (3) а. *Кто женился? — Да Прохор же Васильевич, говорю я тебе* [А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)].
- б. *А почему фамилии нет? Кто это такая? — Да Смирнова же! Зоя Николаевна же она!* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)].

Важным фактором, блокирующим смещение энклитики *же* вправо, является наличие в предложении отрицания. В 27 из 28 подобных примеров в нашей выборке *же* занимало первую позицию:

- (4) *И кого уж было после этого выбирать, как не Налича? Ну не Петра же Сухова* [Бирюков Сергей. Россия выдвинула на «Евровидение» песню о несчастной любви // Труд-7, 2010.03.10].

Кроме того, *же* всегда оказывается в первой позиции, когда в предложении противопоставлены первые части двух именных групп (прежде всего, речь идет о случаях с разными именами и одинаковыми отчествами, как в примере (5)). Нам встретилось девять таких примеров в основном корпусе и один в газетном.

- (5) *Муза Николаевна совершенно не видела, что было около нее, Сусанна же Николаевна старалась не видеть* [А. Ф. Писемский. Масоны (1880)].

1.2. Примеры с *же*, прилагательным и существительным

При рассмотрении предложений с прилагательными и существительными мы ориентировались на временные интервалы в 25 лет. Частотность примеров с *же* в первой и второй позициях в основном корпусе представлена в таблице 3 (с. 38).

Как видно из таблицы 3, доля предложений с *же* во второй позиции растет (применение логистической регрессии к данным с 1876 г. даже свидетельствует о статистической значимости этого роста, $p < 0,01$). Но при этом эта доля остается настолько малой, что говорить о каких-то видимых изменениях, как в случае с именами собственными, не приходится. Ниже приведены примеры, иллюстрирующие расположение частицы *же* в двух рассматриваемых позициях.

Таблица 3 (ср. текст на с. 37)

**Частотность примеров с же в первой и второй позициях
в сочетаниях с прилагательными и существительными в XVIII—XXI вв.: основной корпус**

Временной интервал	Кол-во примеров с же в позиции 1	Кол-во примеров с же в позиции 2	Общее кол-во примеров	Общее кол-во словоупотреблений в интервале
1701—1725	28 (100,0%)	0 (0,0%)	28	299 586
1726—1750	64 (97,0%)	2 (3,0%)	66	447 012
1751—1775	86 (100,0%)	0 (0,0%)	86	1 350 157
1776—1800	91 (97,9%)	2 (2,1%)	93	1 838 728
1801—1825	116 (99,1%)	1 (0,9%)	117	2 822 603
1826—1850	272 (99,6%)	1 (0,4%)	273	9 469 336
1851—1875	724 (99,9%)	1 (0,1%)	725	19 974 570
1876—1900	966 (99,6%)	4 (0,4%)	970	21 132 925
1901—1925	1114 (99,3%)	8 (0,7%)	1122	28 728 005
1926—1950	850 (99,9%)	9 (0,1%)	859	31 509 297
1951—1975	589 (99,7%)	2 (0,3%)	591	27 993 715
1976—2000	1043 (98,1%)	20 (1,9%)	1063	45 977 208
2001—н. вр.	1551 (97,8%)	35 (2,2%)	1586	53 938 173
Общее кол-во	7494 (98,9%)	85 (1,1%)	7579	229 968 798

- (б) а. *Россия в этом объеме занимает меньше процента! Основную же роль играют США. Дальше Япония, Германия, Франция и т. д.* [Определить присутствие государства в экономике (2003) // «Время МН», 2003.08.07].
- б. *Бытует мнение: теория Эйнштейна настолько прочно срослась с современной наукой, что физики уже и думать позабыли о ее ниспровержении. Реальная ситуация же как раз прямо противоположная...* [К. Злосчастьев. Эфир возвращается? // «Наука и жизнь», 2007].

Следующей нашей задачей было установить возможную взаимосвязь между позицией энклитики *же* и ее значением. Корреляция значения *же* и ее позиции для основного корпуса представлена в таблице 4.

Таблица 4

**Корреляция значения энклитики же и ее позиции
для сочетаний же с прилагательными и существительными: основной корпус**

Значение энклитики же	Кол-во примеров с же в позиции 1	Кол-во примеров с же в позиции 2	Общее кол-во примеров
Противительное	6904 (99,1%)	64 (0,9%)	6968
Усилительное	390 (97,0%)	12 (3,0%)	402
Пояснительное	127 (94,1%)	8 (5,9%)	135
Присоединительное	73 (98,7%)	1 (1,3%)	74
Общее кол-во	7494 (98,9%)	85 (1,1%)	7579

Как показано в таблице 4, для всех значений *же*, кроме присоединительного, случаи размещения энклитики во второй позиции не являются единичными. Примеров с противительным *же* в выборке на порядок больше, чем всех прочих, вместе взятых (та же ситуация наблюдалась и в выборке с именами собственными), поэтому абсолютное число предложений с *же* во второй позиции также больше всего в этой группе. При этом в процентном

отношении они самые редкие, а наиболее частотными такие вхождения являются для пояснительного *же*. Примеры с противительным *же* в разных позициях были приведены выше в (6а—б), примеры с пояснительным *же* даны в (7а—б).

(7) а. *Иван, а как его Катя любит... Ну, прекрасный же человек...* [А. Н. Толстой. Хожение по мукам / Книга первая. Сестры (1922)].

б. *Заодно почитайте литературу и выясните, чем реклама отличается от информации. Элементарных вещей же не знаете* [Новая тема, которую никто пока не трогает (форум) (2008)].

Мы оценили статистическую значимость различий между разными значениями *же* (кроме присоединительного) при помощи критерия хи-квадрат (с поправкой Бонферрони для попарных сравнений). Различия между противительным и пояснительным, противительным и усилительным *же* оказались значимыми ($p < 0,01$). Различия между пояснительным и усилительным *же* значимости не достигает ($p > 0,05$).

Данные газетного подкорпуса представлены в таблице 5. Поскольку все входящие в него тексты относятся к самому позднему временному интервалу, мы отслеживали только связь позиции энклитики *же* с ее значением.

Таблица 5

**Корреляция значения энклитики *же* и ее позиции
для сочетаний *же* с прилагательными и существительными: газетный корпус**

Значение энклитики <i>же</i>	Кол-во примеров с <i>же</i> в позиции 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в позиции 2	Общее кол-во примеров
Противительное	4532 (97,0%)	138 (3,0%)	4670
Усилительное	279 (95,5%)	13 (4,5%)	292
Пояснительное	186 (93,0%)	14 (7,0%)	200
Присоединительное	37 (96,4%)	1 (3,6%)	38
Общее кол-во	5034 (96,8%)	166 (3,2%)	5200

Из таблицы 5 следует, что распределение интересующих нас примеров подобно тому, которое мы наблюдали в основном корпусе. Примеров с противительным *же* в выборке больше всего, при этом случаи отклонения от первой позиции наиболее частотны для пояснительного *же*, менее частотны — для усилительного и затем для противительного. С присоединительным *же* в газетном корпусе встретился всего один такой пример. Различия между группами с противительным и пояснительным *же* статистически значимы согласно критерию хи-квадрат с поправкой Бонферрони ($p < 0,01$), различия между другими группами незначимы.

В таблице 6 представлены данные устного подкорпуса (все интересующие нас примеры также относятся к концу XX — началу XXI в.).

Таблица 6

**Корреляция значения энклитики *же* и ее позиции
для сочетаний *же* с прилагательными и существительными: устный корпус**

Значение энклитики <i>же</i>	Кол-во примеров с <i>же</i> в позиции 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в позиции 2	Общее кол-во примеров
Противительное	21 (80,8%)	5 (19,2%)	26
Усилительное	30 (75,0%)	10 (25,0%)	40
Пояснительное	22 (68,7%)	10 (31,3%)	32
Присоединительное	0	0	0
Общее кол-во	73 (74,5%)	25 (25,5%)	98

Так же, как в основном и газетном корпусах, в устном корпусе процент отклонений от первой позиции является наибольшим для пояснительного *же*, наименьшим — для противительного. В силу малого числа примеров различия между группами не достигают статистической значимости ($p > 0,05$) согласно критерию хи-квадрат. Присоединительное *же* в искомым конструкциях в устном корпусе не встречается.

Проанализированные нами данные свидетельствуют о том, что помимо значения частицы существуют и другие факторы, влияющие на выбор позиции. Так, если в предложении есть отрицание, *же* почти всегда занимает первую позицию, как в примере (8); в нашей выборке таких примеров было 198 из 203. И, напротив, частица нередко оказывается во второй позиции, если именная группа представляет собой устойчивое словосочетание, как в примере (9).

- (8) *Ведь не для мировой же гармонии убивал Раскольников, а попросту для себя...* [Ю. В. Трифонов. Дом на набережной (1976)].
- (9) *Регистрирующий орган должен выявить, какие пункты устава не были приведены в соответствие с требованиями закона, арбитражные суды же должны все это проверить...* [Мария Демидова. Юридические лица: живые и мертвые (2003) // «Политком.ру», 2003.04.07].

Итак, в случае сочетаний прилагательного и существительного примеров с *же* во второй позиции заметно меньше, нежели в случае с именами собственными, и различия между разными временными интервалами мало незаметны. Однако очень весомы различия между основным, газетным и устным подкорпусом, обобщенные в таблице 7. Все три подкорпуса значительно отличаются друг от друга ($p < 0,01$ согласно критерию хи-квадрат с поправкой Бонферрони).

Таблица 7

**Частотность примеров с *же* в первой и второй позициях
в сочетаниях с прилагательными и существительными для разных подкорпусов**

Корпус	Кол-во примеров с <i>же</i> в позиции 1	Кол-во примеров с <i>же</i> в позиции 2	Общее кол-во
Основной	7494 (98,9 %)	85 (1,1 %)	7579
Газетный	5034 (96,8 %)	166 (3,2 %)	5200
Устный	73 (74,5 %)	25 (25,5 %)	98

В целом проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что в современном русском языке фразовая энклитика *же* систематически встречается во второй позиции во всех своих значениях и что за последние три столетия доля таких примеров росла. Тем не менее в большинстве предложений, особенно в примерах с прилагательными и существительными, частица занимает первую позицию.

2. Экспериментальное исследование

Во второй части нашей работы мы решили обратиться к интуиции носителей русского языка, проведя эксперимент. Исследовать экспериментально и сочетания двух имен собственных, и именные группы, включающие прилагательное и существительное, было бы слишком объемной задачей. Поэтому мы остановились на предложениях второго типа, так как это менее ограниченная группа примеров, позволяющая варьировать большее число факторов.

2.1. Метод

При выборе экспериментальной методики мы руководствовались следующими соображениями. С одной стороны, нас интересовало, какую из двух возможных позиций

в предложении, с точки зрения носителей языка, должна занимать энклитика *же*. Простейший метод для ответа на этот вопрос — предложить испытуемым предложения с двумя возможными позициями для частицы, обозначенными пробелами, и попросить их поставить *же* в ту, которая кажется им предпочтительной. Основным минус этого метода заключается в том, что, если испытуемые считают приемлемыми (или, наоборот, неприемлемыми) оба варианта, мы не получим об этом информации — только информацию о том, какой из двух вариантов кажется (несколько) лучше.

Сведения о приемлемости обоих вариантов можно получить, предложив испытуемым оценить их. В настоящее время в экспериментах обычно используются не бинарные оценки («правильно / неправильно», «приемлемо / неприемлемо»), а шкалы, которые позволяют отслеживать более тонкие различия. Основным минусом этого подхода можно считать то, что нельзя предъявить одному испытуемому оба варианта предложения (с *же* в первой и во второй позициях). Повторять стимулы в эксперименте не принято (это очень сильно заострило бы внимание участников на цели эксперимента). В связи с тем, что оба экспериментальных метода имеют свои плюсы и минусы, мы решили провести два эксперимента.

Важное отличие экспериментальных данных от корпусных заключается в том, что мы можем протестировать роль определенного набора факторов на заранее подготовленном однородном материале. Опираясь на результаты корпусной части работы, а также на собственную языковую интуицию, мы составили девять групп стимулов. Они представлены и проиллюстрированы примерами в таблице 8. Возможные позиции для частицы *же*, которые рассматривались в данной работе, обозначены скобками, для термина «именная группа» используется сокращение ИГ.

Как видно из таблицы 8, в эксперимент вошли предложения с частицей *же* в противительном, усилительном, пояснительном и присоединительном значениях. Внутри группы с противительным *же* было решено рассмотреть примеры с разным фокусом контраста (в которых противопоставлены именные группы — носители клитики, входящие в них прилагательные или клаузы в целом). В группе примеров с пояснительным *же* были примеры с отрицанием и с противопоставлением именных групп (мы хотели оценить, какую роль играет само наличие противопоставления, а какую — значение *же*). Что касается фактора отрицания, мы выбрали для его оценки предложения с пояснительным *же*, так как, судя по корпусному исследованию, оно чаще всего встречается во второй позиции, таким образом, роль отрицания должна быть особенно заметна. В последнюю группу стимулов вошли примеры, в которых именной группой — носителем клитики является устойчивое выражение или коллокация, а также аналогичные сочетания, демонстрирующие меньшую связанность.

Таблица 8

Типы стимульных предложений в эксперименте

Тип стимула	Примеры
<i>Же</i> в противительном значении, противопоставление клауз	<i>Я три года деньги коплю, деревянный (–) домик (–) всё дорожает и дорожает.</i>
<i>Же</i> в противительном значении, противопоставлены ИГ	<i>Ты как в воду глядел. Кирпичные многоэтажки никого не впечатлили, деревянный (–) домик (–) вызвал всеобщий энтузиазм.</i>
<i>Же</i> в противительном значении, противопоставлены прилагательные внутри ИГ	<i>Деревянный домик сгорел, каменные (–) дома (–) простоят еще много лет.</i>
<i>Же</i> в пояснительном значении	<i>Сфотографируй это! Деревянный (–) домик (–) такой красивый.</i>
<i>Же</i> в пояснительном значении, есть противопоставление ИГ	<i>Всё вышло, как ты хотел. Деревянный (–) домик (–) останется, а бетонные громадины снесут.</i>
<i>Же</i> в пояснительном значении, есть отрицание	<i>Чему ты радуешься? Не деревянный (–) домик (–) тут будет!</i>

Продолжение таблицы на с. 42

Продолжение таблицы 8 со с. 41

Тип стимула	Примеры
<i>Же</i> в усилительном значении, конструкция с вынесением ремы	<i>Красивый</i> (–) <i>домик</i> (–) <i>купили наши соседи!</i>
<i>Же</i> в присоединительном значении	<i>Чтобы что-то построить, надо было снести один деревянный домик или купить еще земли. Деревянный</i> (–) <i>домик</i> (–) <i>охранялся как памятник, и снести его было сложно.</i>
ИГ — коллокация или менее устойчивое выражение	<i>Клуб ищет еще 3—4 игроков. Учебный</i> (–) <i>процесс</i> (–) <i>еще не начат в связи с отсутствием инвентаря. Наша команда ищет еще одного участника. Учебные</i> (–) <i>полеты</i> (–) <i>еще не начаты, так как пароплан в ремонте.</i>

Помимо стимулов в эксперимент были включены филлеры — предложения, которые отвлекали респондентов от истинной цели эксперимента. В качестве филлеров были использованы предложения с частицами *бы* и *не*, как в примере (10), предполагающие выполнение такого же задания, как примеры с *же*, но на другом материале. Всего в эксперименте было 24 стимула из первых восьми групп, четыре пары стимулов с коллокациями и аналогичными менее устойчивыми словосочетаниями и 64 филлера.

(10) *Петя* (–) *может* (–) *успеть в магазин за подарками.*

Эксперимент состоял из двух частей. В первой части респонденты должны были разместить исследуемые частицы в предложениях, используя одну из двух предложенных позиций. Во второй части респондентам надо было оценить предложения по шкале от 1 до 5, где 1 — «предложение звучит плохо, я бы так никогда не сказал», а 5 — «предложение звучит хорошо, я сам мог бы так сказать». Для этой части эксперимента было составлено два экспериментальных листа (в первом листе первое предложение появлялось с *же* в первой позиции, во втором — во второй, следующий стимул в первом листе — с *же* во второй позиции, во втором — в первой и т. д.).

Анкетирование проводилось в сети интернет с использованием форм Google (https://www.google.com/intl/ru_ru/forms/about/), поскольку они позволяют удаленно опросить значительное количество респондентов. Для второй части эксперимента было необходимо разделить респондентов случайным образом на две приблизительно равные группы, поэтому мы предложили им выбрать вариант тестирования в зависимости от даты рождения. Респонденты, рожденные весной или осенью, проходили вариант 2а, тогда как рожденные зимой или летом — 2б. Для обеих частей была составлена инструкция, объясняющая, в частности, что этот эксперимент не тест на знание правил русского языка, который можно «провалить». Мы просили участников оценивать предложения исходя из их личных предпочтений, из того, как они сами говорят и что для них является приемлемым. Перед тем, как приступить к эксперименту, респонденты указывали свои возраст, пол и образование, а программа присваивала им кодовый номер.

В первой части эксперимента приняло участие 214 человек в возрасте от 14 до 80 лет, из них мужчин — 53, женщин — 161. Вторую часть прошел 181 человек, из них 101 человек в возрасте от 16 до 80 лет прошел вариант 2а (27 мужчин и 74 женщины) и 80 человек в возрасте от 16 до 78 лет вариант 2б (15 мужчин и 65 женщин). Уровень образования респондентов варьировал от незаконченного среднего до наличия ученой степени. Мы остановимся на этих характеристиках участников подробнее при анализе результатов.

2.2. Результаты

Сперва мы обсудим первые восемь групп стимулов, а затем примеры, содержавшие коллокации и менее устойчивые словосочетания. Результаты, полученные в обеих частях эксперимента, обобщены в таблице 9. Колонка «выбор позиции» отражает среднее количество

ответов «1» и «2» в первой части эксперимента, следующая колонка — процент выбора второй позиции. Средняя оценка первой и второй позиций, а также их разница приведены на основании второй части эксперимента.

Таблица 9

Результаты двух частей эксперимента для предложений без учета коллокаций

Тип стимула	Выбор позиции 1—2	% выбора позиции 2	Оценка позиции 1	Оценка позиции 2	Разница
<i>Же</i> в противительном значении, противопоставление клауз	1,6	58,9 %	3,6	4,0	-0,4
<i>Же</i> в противительном значении, противопоставлены ИГ	1,3	33,2 %	4,4	3,9	0,5
<i>Же</i> в противительном значении, противопоставлены прилагательные внутри ИГ	1,1	6,3 %	4,7	3,3	1,4
<i>Же</i> в пояснительном значении	1,9	85,3 %	2,4	3,9	-1,5
<i>Же</i> в пояснительном значении, есть противопоставление ИГ	1,5	51,9 %	2,8	3,1	-0,3
<i>Же</i> в пояснительном значении, есть отрицание	1,1	14,3 %	4,4	3,5	0,9
<i>Же</i> в усилительном значении, конструкция с вынесением ремы	1,0	3,7 %	4,5	2,6	1,9
<i>Же</i> в присоединительном значении	1,6	57,2 %	3,9	4,2	-0,3
ИГ — коллокация или менее устойчивое выражение	1,5	45,9 %	4,0	4,0	0,0
Все ответы	1,4	41,2 %	3,9	3,7	0,2

Сперва рассмотрим результаты первой части эксперимента. Используя метод логистической регрессии, мы оценили вероятность ответа «1» или «2» в зависимости от различных характеристик предложений. В некоторых случаях, когда в той или иной группе предложений средняя оценка была близка к 1,5, мы также оценили, отличается ли распределение ответов от случайного (т. е. проверили, можно ли говорить о том, что испытуемые предпочитают определенную позицию, или об отсутствии значимых предпочтений).

Три типа предложений с противительным *же* значимо отличаются друг от друга ($p < 0,01$). Вероятность выбора второй позиции выше всего при противопоставлении целых клауз (58,9%, распределение значимо отличается от случайного, $p = 0,04$). Она снижается при противопоставлении именных групп (33,2%) и становится очень низкой при противопоставлении прилагательных (6,3%).

Значимо отличаются друг от друга и три типа предложений с пояснительным *же* ($p < 0,01$). В примерах без противопоставлений и повторов очень высок процент выбора второй позиции (85,3%). Он падает, если в предложении появляются противопоставленные друг другу именные группы (51,9%, нет значимого отличия от случайного распределения, $p = 0,58$), и становится совсем низким, если предложение содержит отрицание (14,3%). Как мы отметим ниже, разбирая вторую часть эксперимента, к результатам, полученным для предложений с противопоставлением, надо относиться с осторожностью, потому что они в целом получили у респондентов достаточно низкие оценки.

Предложения с противительным и с пояснительным *же*, включающие противопоставление именных групп, значимо отличаются друг от друга (33,2% и 51,9% ответов «2»

соответственно, $p < 0,01$). Таким образом, мы можем наблюдать влияние различных факторов на ответы испытуемых: значения частицы *же*, наличия в предложении отрицания, наличия противопоставления. Причем оказывается очень важным, идет ли речь о противопоставлении прилагательных внутри тех именных групп, к которым примыкает клитика (это обособляет прилагательные от существительных на уровне актуального членения предложения и отражается на их просодических характеристиках), о противопоставлении именных групп или целых клауз. Значимость таких факторов, как значение частицы и фактор отрицания, мы могли наблюдать и на корпусных данных (влияние отрицания было сложно оценить статистически ввиду небольшого числа соответствующих примеров), в то время как роль фокуса противопоставления выявили только в экспериментальной части исследования.

В целом мы полагаем, что роль значения частицы правильнее оценивать на материале корпусных данных, где мы имеем дело с большими массивами примеров, порожденных в обстановке естественной коммуникации. Поэтому в эксперименте мы стремились не сравнить друг с другом все возможные значения, а скорее удостовериться, что этот фактор играет роль, и посмотреть, как он будет взаимодействовать с другими. Однако в корпусной части исследования мы не могли сделать определенных выводов относительно присоединительного *же*. Относительная частотность примеров с *же* во второй позиции была ниже, чем у пояснительного и усилительного *же*, и выше, чем у противительного, но их общее количество было слишком малым для анализа. Поэтому мы решили сравнить примеры с пояснительным, присоединительным и противительным *же* на материале экспериментальных данных (из рассмотрения были исключены предложения с отрицанием и противопоставлением прилагательных, так как в них действуют мощные независимые факторы). При анализе было выявлено то же распределение, которое наблюдается в корпусе (вторая позиция была выбрана в 68,6 %, 57,2 % и 46,1 % ответов соответственно), и различия между группами оказались статистически значимыми ($p < 0,01$).

На примере усилительного *же* мы планировали оценить не фактор значения (таких примеров достаточно в корпусе, и мы знаем, что усилительное *же*, наравне с пояснительным, чаще других встречается во второй позиции), а роль особой конструкции. Для этой конструкции характерен определенный интонационный контур и определенная интерпретация (именная группа — носитель энклитики является ремой, вынесенной в начало предложения). Результаты показали, что роль этого фактора весьма значительна. В таких предложениях процент выбора второй позиции был самым низким (3,7 %) и значимо отличался от предложений, содержащих отрицание (14,3 %, $p < 0,01$) — еще один мощный фактор, закрепляющий энклитику в первой позиции.

Перейдем к результатам второй части эксперимента. Прежде всего заметим, что результаты двух частей полностью согласуются друг с другом. Как видно из таблицы 9, если в первой части наблюдается даже незначительное предпочтение первой или второй позиции энклитики для какой-то группы предложений, эти предложения получают более высокие оценки с энклитикой в соответствующей позиции во второй части. Это можно считать дополнительным подтверждением валидности примененных методов и полученных с их помощью результатов.

Учитывая подобную согласованность, мы не повторяем для второй части эксперимента те сравнения, которые привели для первой, и сосредоточимся на другом вопросе. Можно заметить, что почти во всех случаях, даже если респонденты предпочитают определенную позицию энклитики, достаточно высокие оценки получает и тот вариант предложения, где она находится в альтернативной позиции. Это верно для всех примеров с противительным *же* (несколько в меньшей степени при противопоставлении прилагательных), для присоединительного *же* и, что было для нас неожиданным, даже для предложений с пояснительным *же* и отрицанием.

Как нам кажется, такую картину можно считать дополнительным свидетельством закрепления в современном русском языке второй позиции для энклитики: хотя у носителей есть определенные предпочтения, им кажутся вполне приемлемыми разные варианты

расположения частицы. В этом отношении показательно и то, что ни одно предложение не получило среднюю оценку ниже 2,4 по пятибалльной шкале. При этом среди предложений, которые использовались как филлеры, были и такие, которые получили средние оценки 1,2 и 1,3, что свидетельствует о том, что респонденты не были склонны оценивать высоко любые предложения и, если им что-то действительно не нравилось, ставили низкие оценки.

Наконец, отметим те варианты, которые получили оценки ниже трех. Во-первых, это пояснительное *же* в первой позиции (*Сфотографируй это! Деревянный же домик такой красивый.*) и усилительное в рамках особой конструкции во второй (*Красивый домик же купили наши соседи!*). Кроме того, предложения с пояснительным *же*, включавшие противопоставление именных групп, в целом получили невысокие оценки: 2,8 с *же* в первой позиции и 3,1 с *же* во второй, соответственно (*Всё вышло, как ты хотел. Деревянный (–) домик (–) останется, а бетонные громадины снесут*). Можно заключить, что они в целом не понравились испытуемым. Насколько мы можем судить, эти предложения звучали бы лучше с союзом *ведь* или вовсе без союзов и частиц. Однако для того, чтобы проверить эту гипотезу, а также исследовать вопрос о предпочтительности той или иной частицы или союза для других примеров, необходимо провести дополнительный эксперимент (мы планируем сделать это в будущем).

Перейдем к стимулам, содержащим коллокации и менее устойчивые словосочетания. Мы сравнили ответы на предложения внутри каждой пары и обнаружили значимые различия только для одной пары из четырех, приведенной в (11а—б) (50,0 % и 17,8 % ответов «2» соответственно, $p < 0,01$).

(11) а. *Подполковник меня открыто недолюбливал, старший (–) лейтенант (–) относился снисходительно и дружелюбно.*

б. *Я уверен, что поступлю в аспирантуру, старшие (–) товарищи (–) относятся к этому скептически.*

Как нам кажется, дело в том, что фактор устойчивости словосочетания сложным образом взаимодействует с фактором значения частицы. Например, в предложениях (11а—б) *же* выступает в противительном значении, и этот фактор склоняет респондентов в пользу первой позиции, в то время как наличие коллокации толкает к выбору второй. А в паре стимулов, приведенных в качестве примера в таблице 8, энклитика может быть интерпретирована как пояснительная или присоединительная. Оба эти значения не связаны с ярко выраженным предпочтением первой позиции у участников нашего эксперимента, и в результате роль фактора устойчивости оказывается малозаметной. К сожалению, проверить это предположение в рамках данного эксперимента невозможно, для этого потребовалось бы дополнительное исследование с большим количеством стимулов такого типа.

Следующей нашей задачей было установить, существует ли взаимосвязь между социолингвистическими характеристиками респондентов, такими как пол, возраст и уровень образования, и их ответами на экспериментальные задания. Было решено исследовать это на материалах первой части эксперимента. При этом мы объединили в одну группу респондентов, имеющих среднее и незаконченное среднее образование, поскольку их было небольшое количество.

Согласно результатам логистической регрессии, пол не влияет на общее распределение ответов ($p = 0,80$), процент выбора второй позиции у респондентов-мужчин и женщин отличается на долю процента: 41,1 % и 41,2 %. Влияние уровня образования статистически значимо ($p = 0,04$), а особенно заметно влияние возраста респондентов ($p < 0,01$). Средний процент выбора второй позиции для всех стимулов в зависимости от возраста и уровня образования представлен в таблицах 10 и 11. Интересно отметить, что позиционные предпочтения участников эксперимента младше 35 лет очень схожи между собой, несколько изменяются в группе 36—50 лет и очень сильно отличаются для респондентов старше пятидесяти.

Таблица 10

Зависимость ответов в первой части эксперимента от возраста респондентов

Возраст	< 18	18—23	24—35	36—50	51—69	> 69
Число участников	14	60	65	47	20	8
% выбора позиции 2	43,2 %	43,8 %	45,0 %	36,3 %	27,5 %	21,3 %

Таблица 11

Зависимость ответов в первой части эксперимента от уровня образования респондентов

Уровень образования	Незаконченное среднее и среднее	Незаконченное высшее	Высшее	Ученая степень
Число участников	16	59	119	20
% выбора позиции 2	47,6 %	41,2 %	37,6 %	37,8 %

Заключение

Подведем итоги проведенного исследования. Наша изначальная гипотеза заключалась в том, что по мере приближения к современному этапу фразовая энклитика *же* будет демонстрировать несколько большую позиционную свободу и допускать постановку как после первого слова фразы, так и после первой синтаксической составляющей (в позиции, которую мы также называем второй). Кроме того, мы планировали проанализировать на материале корпусных и экспериментальных данных, какие факторы влияют на частотность первой и второй позиции.

На данных Национального корпуса русского языка изначальная гипотеза подтвердилась лишь отчасти. Для тех случаев, когда носителем энклитики выступает сочетание двух имен собственных, действительно прослеживается подобная тенденция, хотя в большинстве корпусных примеров, в том числе относящихся к самому позднему периоду, *же* все равно находится в первой позиции. Для сочетаний прилагательного и существительного доля *же* во второй позиции также растет с течением времени, причем этот рост является статистически значимым. Однако при этом эта доля остается настолько незначительной (2,2 % в основном корпусе в примерах, датированных 2001 г. и позже), что соответствующие примеры почти незаметны на общем фоне.

В газетном корпусе несколько больше предложений с *же* во второй позиции, чем в основном, а устный корпус отличается от них очень сильно (для сочетаний прилагательных и существительных 1,1 %, 3,2 % и 25,5 % примеров с *же* во второй позиции соответственно). Кроме подобного различия между узусом письменного и устного русского языка, анализ корпусных данных показал, что на выбор позиции частицы влияет ее значение: чаще всего смещается вправо пояснительное и усилительное *же*, реже всего — противительное, хотя примеры с противительным *же* на порядок частотней всех прочих. Были выявлены и некоторые другие факторы (в частности, наличие в предложении отрицания, устойчивость словосочетания, которое является носителем клитики), однако оценить их влияние оказалось сложно ввиду малого числа примеров с *же* во второй позиции.

Вторым этапом исследования стал эксперимент, с помощью которого предполагалось дополнить данные, полученные на материале корпуса. В ходе эксперимента подтвердилась значимость таких факторов, как значение частицы и наличие в предложении отрицания, а также были идентифицированы новые: фокус противопоставления для противительного *же* и вхождение в конструкцию с выдвижением ремы. В целом эксперимент показал, что носители русского языка часто выбирают для *же* вторую позицию и в некоторых случаях даже оказывают ей безусловное предпочтение. Оценивая примеры с *же* в первой

и второй позиции, участники эксперимента часто ставили достаточно высокие оценки обоим вариантам, что также можно считать свидетельством распространения *же* во второй позиции. Кроме того, эксперимент показал, что эту позицию чаще выбирают более молодые и менее образованные носители языка. Таким образом, выбрав ограниченное множество примеров (с двумя типами именных групп), мы рассмотрели на материалах этой выборки роль целого ряда факторов, включая диахронические тенденции, различия между подкорпусами НКРЯ, социолингвистические характеристики участников эксперимента, некоторые синтаксические и семантические факторы и их взаимодействия.

Второй целью, которую мы ставили себе в рамках данной работы, было сопоставление на примере исследуемого материала корпусного и экспериментального подходов. Как мы показали выше, многие тенденции проявились и в корпусных, и в экспериментальных данных, что можно считать лишним доказательством того, что эти два метода не противоречат друг другу, а прекрасно совместимы. В определенных случаях они дополняют друг друга, что является особенно ценным. Так, корпусное исследование лучше подходит для того, чтобы судить о роли значения частицы для ее расположения в предложении, а экспериментальное позволило выявить несколько тенденций, которые мы не могли проследить на корпусных данных. В связи с этим мы полагаем, что наиболее полное представление о том или ином языковом явлении можно получить только путем использования обоих методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бонно, Кодзасов 1998 — Бонно К., Кодзасов С. В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере частиц «же» и «ведь») // Киселева К., Пайяр Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. С. 382—446. [Bonnot K., Kodzasov S. V. Semantic variation of discourse words and its influence on linearization and intonation (as exemplified by the particles *zhe* and *ved'*). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya*. Kiseleva K., Paillard D. (eds.). Moscow: Metatekst, 1998. Pp. 382—446.]
- Валова 2014а — Валова Е. А. Синтаксические свойства энклитической частицы *же* в диахроническом аспекте: корпусное исследование // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2014. № 10. С. 31—36. [Valova E. A. Syntactic features of the enclitic particle *zhe* in diachronic aspect: A corpus-based study. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2. Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2014. No. 10. Pp. 31—36.]
- Валова 2014б — Валова Е. А. Синтаксические свойства русской энклитической частицы *же* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III. Филология. 2014. № 4 (39). С. 16—33. [Valova E. A. Syntactic features of the Russian enclitic particle *zhe*. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Ser. III. Filologiya*. 2014. No. 4 (39). Pp. 16—33.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.] (дата обращения 31.09.2012).
- Ожегов 1989 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. [Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii Yazyk, 1989.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. II / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]: in 2 vol. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Ушаков — Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935. [Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1. M.: Gos. Izd-vo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovarей, 1935.]
- Циммерлинг 2012 — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 3—37. [Cimmerling A. V. Word-order systems in Slavic languages. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 5. Pp. 3—37.]

- Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А. В. Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов). СПб.: Алетейя, 2013. [Zimmerling A. V. *Issledovaniya po tipologii slavyanskikh, baltiiskikh i balkanskikh yazykov (preimushchestvenno v svete yazykovykh kontaktov)*. [Studies in the typology of Slavic, Baltic and Balkan languages (with primary reference to language contacts)]. St. Petersburg: Aleteiya, 2013.]
- Bošković 2001 — Bošković Ž. *On the nature of the syntax-phonology interface: Cliticization and related phenomena*. Amsterdam: Elsevier, 2001.
- Chomsky 1957 — Chomsky N. *Syntactic structures*. The Hague: Mouton, 1957.
- Chomsky 1962 — Chomsky N. Explanatory models in linguistics. *Logic, Methodology, and Philosophy of Science*. Nagel E., Suppes P., Tarski A. (eds.). Stanford (CA): Stanford Univ. Press, 1962. Pp. 528—550.
- Chomsky 1965 — Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 1965.
- Gilquin 2007 — Gilquin G. To err is not all. What corpus and elicitation can reveal about the use of collocations by learners. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 2007. Vol. 55. No. 3. Pp. 273—291.
- Granger 1998 — Granger S. Prefabricated patterns in advanced EFL writing: Collocations and formulae. *Phraseology. Theory, Analysis, and Applications*. Cowie A. P. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. Pp. 145—160.
- Halpern 1995 — Halpern A. *On the placement and morphology of clitics*. Dissertations in Linguistics. Stanford (CA): CSLI Publications, 1995.
- Källkvist 1998 — Källkvist M. Lexical infelicity in English: The case of nouns and verbs. *Perspectives on lexical acquisition in a second language*. Haastrup K., Viberg A. (eds.). Lund: Lund Univ. Press, 1998. Pp. 149—174.
- Long, De Ley 2000 — Long D. L., De Ley L. Implicit causality and discourse focus: The interaction of text and reader characteristics in pronoun resolution. *Journal of Memory and Language*. 2000. Vol. 42. No. 4. Pp. 545—570.
- Pander Maat, Sanders 2001 — Pander Maat H., Sanders T. Subjectivity in causal connectives: An empirical study of language in use. *Cognitive Linguistics*. 2001. Vol. 12. No. 3. Pp. 247—273.
- Paducheva 1987 — Paducheva E. V. La particule *že*: Semantique, syntaxe et prosodie. *Les particules énonciatives en Russe contemporain*. 1987. Vol. 3. Pp. 11—44.
- Progovać 1996 — Progovać L. Clitics in Serbian / Croatian: Comp as the second position. *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Halpern A., Zwicky A. (eds.). Stanford (CA): CSLI Publications, 1996. Pp. 411—428.
- Schauer, Adolphs 2006 — Schauer G. A., Adolphs S. Expressions of gratitude in corpus and DCT data: Vocabulary, formulaic sequences, and pedagogy. *System*. 2006. Vol. 34. Pp. 119—134.
- Siyanova, Schmitt 2008 — Siyanova A., Schmitt N. L2 learner production and processing of collocation: A multi-study perspective. *The Canadian Modern Language Review / La revue canadienne des langues vivantes*. 2008. Vol. 64. No. 3. Pp. 429—458.
- Spencer, Luís 2012 — Spencer A., Luís A. R. *Clitics: An introduction*. (Cambridge textbooks in linguistics). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Wackernagel 1892 — Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung. *Indogermanische Forschungen*. 1892. Vol. 1. S. 333—436.

Статья поступила в редакцию 01.03.2016.

БЫЛ ЛИ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫКОМ АКТИВНОГО СТРОЯ? (к типологии индоевропейского праязыка)*

© 2017

Константин Геннадьевич Красухин

Институт языкознания РАН, Москва, 119009, Российская Федерация; krasukh@mail.ru

В статье рассматривается обоснованность реконструкции в праиндоевропейском языке неноминативного (эргативного или активного) строя предложения. Основные аргументы таковы: бинаризм падежных окончаний, первичный бинаризм родов (одушевленный род противопоставлялся неодушевленному), бинаризм спряжения, в рамках которого противопоставлены активная vs. неактивная парадигма, глагольная форма действия vs. состояния. Кроме того, некоторые глаголы образуют пары, противопоставленные одушевленным и неодушевленным субъектами. Эргативная конструкция известна в хеттском языке. Однако сам по себе бинаризм не является достаточным основанием для доказательства доминативного прошлого языка. Упомянутые глаголы противопоставлены прежде всего лексическим значением. Хеттская же эргативная конструкция с падежным суффиксом *-ant-* скорее доказывает отсутствие эргативного падежа в праиндоевропейском, так как в других индоевропейских языках этот суффикс не имеет подобной функции.

Ключевые слова: индоевропейское языковое состояние, морфология имени, морфология глагола, реконструкция, эргативная конструкция

WAS PROTO-INDO-EUROPEAN AN ACTIVE LANGUAGE? (towards the typology of PIE)

Konstantin G. Krasukhin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation;
krasukh@mail.ru

The article treats the reconstruction of non-nominative (ergative or active) structure of Proto-Indo-European (PIE) syntax. The basic arguments are as follows: the double system of case endings (nominative vs. accusative); the primary double gender system in nouns (animate vs. inanimate nouns); double conjugations, where the active and the inactive paradigms are opposed (or verbal forms of action vs. state). Moreover, there are some verbal pairs, differing by animate / inanimate subject; and the ergative construction is attested in Hittite. But the opposition of several verbs 'be', 'stand', 'sit', 'lie' itself does not provide ample evidence for a non-nominative construction; the verbs in the pairs mentioned above differ in their lexical meaning, and the Hittite ergative with the case suffix *-ant-* can be rather regarded as evidence against the reconstruction of non-nominative construction in PIE: this suffix does not have a similar function in any other IE branch.

Keywords: ergative construction, nominal morphology, Proto-Indo-European, reconstruction, verbal morphology

*Светлой памяти Нинели Зейналовны Гаджиевой,
Георгия Андреевича Климова
и Мухадина Абубекировича Кумахова*

* Исследование было поддержано грантом Президента РФ, проект № 01-06-99508. В 1998 г. М. А. Кумахов задумал возродить серию «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей», основанную Н. З. Гаджиевой; по его просьбе и была написана данная работа. К сожалению, замысел не осуществился. При подготовке статьи к печати я постарался учесть новую литературу.

1. Введение

Гипотеза о доминативном прошлом праиндоевропейского языкового состояния ведет начало с 1901 г., когда в журнале «Indogermanische Forschungen» появилась небольшая статья голландского лингвиста К. Х. Уленбека [1950]. Уленбек сравнивал индоевропейский праязык с некоторыми кавказскими, где имела место эргативная конструкция предложения: субъект переходного глагола оформлен иначе, чем субъект непереходного; субъект непереходного глагола изоморфен прямому объекту переходного. Опираясь на распределение окончаний в праиндоевропейском (*-s — показатель номинатива несреднего рода, *-m / -∅ — аккузатив несреднего рода и номинатив-аккузатив среднего), Уленбек предположил, что в праиндоевропейском существовал эргативный строй предложения, причем *-s являлся флексией эргативного падежа, *-m — абсолютного. Идеи Уленбека нашли поддержку в трудах Х. Педерсена и А. Вайана [Pedersen 1907; Vaillant 1936], позднее — у У. Р. Шмальстига [Schmalstieg 1980; Шмальстиг 1989], А. Н. Савченко [1967; 1974]. О возможности такой реконструкции говорил и И. М. Тронский [1967]. Затем, в 60—70-е гг. XX в. в работах Г. А. Климова был исследован иной тип языка — активный. В его рамках противопоставлялись не переходность / непереходность, а активность / неактивность глагола; в зависимости от этого параметра осуществлялся выбор субъектных показателей [Климов 1973; 1977; 1983]. Языков этого типа немного, но Климов предположил, что многие эргативные и номинативные языки, в том числе и праиндоевропейский, в прошлом должны были иметь именно активный строй предложения. Идеи Г. А. Климова были поддержаны Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым [1984: 232—239], предложившими цельную реконструкцию праиндоевропейского как активного языка с отдельными эргативными чертами, Ю. С. Степановым [1989], реконструировавшим процесс перехода индоевропейского языкового состояния от активного строя к номинативному. В поддержку реконструкции активного строя в праиндоевропейском высказывался также У. Ф. Леман [Lehmann 1993]; она принята в учебнике Р. С. П. Бекеса [Beekes 2011: 215]. Асигматический номинатив ед. ч. Бекес выводит из индоевропейского абсолютного падежа, полагая, что эргатив оканчивался на *-os. Таким образом, лучше всего эта флексия сохранилась в генитиве, тогда как атематический номинатив допустил ее редукцию.

У. Шмальстиг [Schmalstieg 1984] тоже считал флексию генитива окончанием эргатива, но его реконструкция отличается от общепринятой. По его мнению, индоевропейская эргативная конструкция воспроизводится в пассиве с аукториальным падежом. Таким был генитив, который, однако, в большинстве индоевропейских языков в этой функции был заменен на инструменталь или предложную конструкцию (лат. *ab* с аблативом, греч. *ὀπό* с генитивом и т. д.). Древний генитив сохранился в лит. *máno kūrta* ‘мною сделано’, фонемно совпадающем с др.-перс. *manā kartam*. Также он функционирует при литовских глаголах, обозначающих воздействие извне: *žėmė lietaūs primirko* ‘земля намочла от дождя’ и т. д.

Еще более оригинальный взгляд на праиндоевропейскую эргативную конструкцию высказал К. Шильдс [Shields 1982]: по его мнению, в ней противопоставлялся эргативный падеж с нулевой флексией (вариант *-r, *-s) и абсолютный с -N. Этот последний, по мнению автора, проявляется в формах косвенных падежей типа др.-инд. *dāru* ‘дерево’ — род. п. ед. ч. *druṅáh, vāri* ‘вода’ — род. п. мн. ч. *vāriṅām*; из него же развилось окончание аккузатива *-m. Но, во-первых, язык с немаркированным эргативным падежом и маркированным абсолютным выглядит типологически уникальным; во-вторых, неясно, почему именно основа косвенного падежа должна восходить к форме абсолютива; в-третьих, индоевропейский аккузатив с окончанием *-m обозначал вовсе не прямой объект, а предел действия [Gonda 1957; Тронский 1967; Красухин 2005].

Аргументы же Бекеса и Шмальстига вызывают возражения по следующим причинам. Долгота гласных появляется в номинативе только у имен несреднего рода с основами на сонорный и -nt-: греч. *λύω* ‘развязывать’ — причастие м. р. *λύων* (< *lu-ont-s), ср. р. *λύон* (< *lu-ont-∅). Бекес выступает против общепринятой теории, согласно которой долгота последнего гласного перед сонорным в номинативе объясняется выпадением

конечного *-s. Он ссылается на формы акростатических генитивов типа др.-инд. (*pátir*) *dānn*, греч. *δεσ(πότης)* ‘(хозяин) дома’ (**dems*), на 2 л. ед. ч. атематических глаголов (лат. *fers* ‘ты несешь’), где нет ни выпадения *-s, ни удлинения гласного. Но, как отметил Й. Э. Расмуссен [Rasmussen 2001], формирование номинатива и акростатического генитива — процессы разного времени. Добавлю, что глагольная форма была более агглютинативной в праиндоевропейском (*b^hér-mi* < **b^hér-me* ‘носитель-я’), в связи с чем морфемный шов воспринимался четче, без допущения фузии [Красухин 2013]¹. Таким образом, аргументы Бекеса не опровергают традиционного взгляда на происхождение номинатива.

Что касается связи пассива и эргатива, то, согласно Шмальстигу, предложение типа лит. *Lietūs primėrkė žėmę* ‘Дождь намочил землю’ выводится из синтагмы с подлежащим в абсолютном падеже. Такое предложение, конечно, можно считать поздним: в литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что в праиндоевропейском позицию субъекта могло занимать только имя одушевленного предмета (см. [Степанов 1989: 35] со ссылкой на [Silverstein 1976]). Но и происхождение предложения типа лит. *Artójas sodina bulves* ‘Земледелец сажает картошку’, *Piemuð gāna gývulius* ‘Пастух пасет стадо’ труднообъяснимо, если предположить, что вначале в них присутствовал пассивный оборот. Таким образом, предложенные реконструкции (назовем их неклассическими), не основаны на убедительных аргументах.

1.1. Доказательства индоевропейского доминативного прошлого в классической реконструкции суть следующие.

А. Несомненные бинарные оппозиции в имени и глаголе. Об имени см. выше; для глагола восстанавливаются две парадигмы спряжения, к одной из них восходят окончания презенса и аориста, к другой — медиа и перфекта. Такая реконструкция была независимо предложена Х. Стангом и Е. Куриловичем [Stang 1932; Kuryłowicz 1932] и затем использована сторонниками доминативного прошлого.

Б. Оппозиция активности / неактивности охватывает не только грамматический, но и лексический уровень. В частности, известны глаголы, которые могут сочетаться только с именами «активного» класса и парные им, сходные по семантике, но сочетающиеся с «инактивными» именами (см. 2.1—2.8).

В. Слабая представленность глагола ‘иметь’ в древних индоевропейских языках: отсутствие общего этимона, преобладание посессивных конструкций с глаголом ‘быть’, именем владельца в косвенном падеже и именем обладаемого предмета в номинативе (типа русск. *у меня есть книга*)².

Г. Отдельные данные, как будто свидетельствующие о взаимозависимости морфологического оформления имени и глагола. Например, в хеттском языке имена среднего рода (инактивные, по общему мнению) в сочетании с активным глаголом переходят в несредний род и приобретают формант *-ant*: *uatar* ‘вода’ — *uetenent*, *eshar* ‘кровь’ — *eshanant*, *sehur* ‘моча’ — *sehunant*, *uttar* ‘слово’ — *uddanant*, *utne* ‘страна’ — *utneant*, *nepis* ‘небо’ — *nepisant*.

¹ Заметим, что флексии падежей множественного числа формировались, по-видимому, в то же время, что и формы атрибутов, именуемых в Эрлангенской школе «акростатическими генитивами». Поэтому окончание вин. п. мн. ч. *-*ons* < *-*om-s* не превратилось в *-ōm* / *-ōn*. Но и в этом случае окончание имени более фузионно, чем флексия атематического глагола, поскольку флексия *-s как показатель 2 л. мн. ч. первична, а омонимичный формант *-s как показатель множественного числа — весьма вторичен.

² Отсутствие или слабая представленность глагола ‘иметь’ характерна и для русского языка. Происхождение самого глагола *иметь* из *имати* ‘брать’ очевидно, как и предпочтение посессивной конструкции с *быть*. Очевидно, тотальное распространение ‘иметь’ характерно для стандартного европейского типа языков (SAE). Преобладание глагола ‘иметь’ над посессивным ‘быть’ также связано с общей ориентацией индоевропейских языков Европы на обобщение в качестве субъекта предложения именно агенса, на устранение безличных конструкций. Это и составляет одну из важнейших черт SAE, см. [Kuržová 1999]. Но существовал ли изначально индоевропейский праязык с номинативной конструкцией? На этот вопрос мы и поищем ответ.

Имена среднего рода вообще редко становятся в позицию субъекта; оказавшись в ней, они сочетаются по преимуществу с неактивными предикатами, стоящими обычно в форме медиопассива: *eshar kisari* ‘кровь появляется’, *lamman kittari* ‘имя имеет место’ и т. д. [Laroche 1962: 36—37]. Такая сочетаемость легко объясняется семантикой имени. В целом же можно утверждать, что однозначной связи активности / инактивности имени с такими же характеристиками глагола для праиндоевропейского пока никто не установил [Красухин 1985; 1990]. И синтаксис хеттских имен на *-ant*, коррелирующих с именами среднего рода, допускает и иное толкование. Приведем некоторые наиболее показательные примеры, см. [Laroche 1962; Tchekhoff 1978; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 303—304]:

ХЕТТСКИЙ

- (1) *kuedani uddani uuanun nu-mu TUL-anza punisdu uitenanza* (КВо X 45 II 32 sq)
‘по какому делу я пришел, пусть спрашивает меня источник и вода’;
- (2) *eshanahza eshanas inan karapzi*
‘кровь прекращает болезнь крови’³;
- (3) а. *man-an-za-kan sehunanza-pit tamaszı* (I ВоТ I 36 I 34)
‘если моча его сама по себе давит’;
б. *na-at-za ammel uddantes tarahhir*
‘и их мои слова покорили’;
- (4) *na-an-za ser nepisanza tarahdu* (KUB XVII 8 IV 9)
‘и ее (болезнь) Небо да победит’.

Однако существуют два обстоятельства, мешающие признать за этими конструкциями статус праязыковых. Во-первых, суф. *-ant-* ни на хеттском, ни на общеиндоевропейском уровне не может быть признан однозначно активным. Его функции очень разнообразны: посессивная, экспрессивная, плюральная и т. д. [Solta 1958]. В самом хеттском он образует активные причастия от непереходных глаголов и пассивные от переходных (*kunanza* ‘убитый’, *appanza* ‘захваченный’). Во-вторых, хеттский существовал в окружении малоазийских языков с эргативной конструкцией предложения. Функция суф. *-nt-* как «активизатора» могла развиваться под влиянием хаттского субстрата или хурритского адстрата. Более подробно значение и функция этого суффикса в хеттском и общеиндоевропейском будет рассмотрена в разделах 2.8.1—3.

2. Анализ

2.1. Теперь перейдем к четырем приведенным Гамкрелидзе и Ивановым парам глаголов со значением основных внешних состояний субъекта, в которых левый член относится к «активному» спряжению (то есть к атематическому), а правый — к «неактивному» (тематическому, медиопассивному или хеттскому спряжению на *-hi*):

Таблица 1

‘быть’	<p>*<i>es-</i>: др.-инд. <i>ásti</i>, хетт. <i>eszi</i>, греч. <i>εἶμι</i>, лат. <i>est</i>, лит. <i>ėsti</i>, слав. <i>ieсть</i>, гот. <i>ist</i></p>	<p>*<i>bhū-</i>: др.-инд. <i>bhávati</i> ‘становиться’, лат. <i>fui</i>, лит. <i>buvai</i> ‘я был’, греч. <i>φύω</i> ‘расти(ть)’</p>
--------	--	--

³ Этот пример особенно показателен, так как одно и то же имя представлено в «активном» и «инактивном» варианте: *eshananza / eshanas*.

'сидеть'	* <i>es-</i> : др.-инд. <i>áste</i> , греч. <i>ἵσται</i>	* <i>sede-</i> : др.-инд. <i>sīdāti</i> , греч. <i>ἵζω</i> 'сажать', <i>ἵζομαι</i> 'сидеть' (< * <i>si-sd</i>), лат. <i>sedēre</i> , гот. <i>sītan</i> , слав. <i>сѣсти</i>
'лежать'	* <i>ses-</i> : хетт. <i>sesti</i> , др.-инд. <i>sásti</i> 'спать'	* <i>kei-</i> : вед. <i>śáye</i> , послевед. <i>śete</i> , авест. <i>saete</i> , греч. <i>κεῖται</i> , хетт. <i>kittari</i> , лув. <i>ziia</i>
'стоять'	* <i>stah-</i> : др.-инд. <i>tisthati</i> , греч. <i>ἵστημι</i> 'ставить' (<i>ἕστην</i> 'я стал'), лат. <i>stare</i> , гот. <i>standan</i> , слав. <i>смаіаѣ</i>	* <i>or-</i> : хетт. <i>arhahari</i> 'я стою', лат. <i>oriōr</i> 'я возникаю', греч. <i>ᾤρτο</i> 'поднялся'

Следует, однако, сказать, что эта таблица довольно противоречива. Одна и та же морфема (окончание медиопассива **-to*) оказалась в разных столбцах: др.-инд. *áste*, греч. *ἵσται* отнесено к «активу», хетт. *arta*, *artari*, как и греч. *ᾤρτο* — к «инактиву». Кроме того, греческому и древнеиндийскому глаголу со значением 'сидеть' соответствует хетт. *esari*, *esa* — медиопассив спряжения на *-hi*. Сопоставлением с ним объясняется и долгота гласного в грекоарийской форме: это перфект от глагола **es-* 'быть'; в хеттском он сохранил свою начальную флексию, в древнеиндийском при наличии парадигматического перфекта *ása* 'он был' у глагола *ás-* 'сидеть' медиальная флексия заместила перфектную. Нечто аналогичное произошло и в греческом, ср. и.-е. **e-es-e* > греч. **ηε*, ср. имперфект *ἦε* 'он был'. С другой стороны, корень **sed-* иногда может обозначать и активное действие, ср. лат. *sido* 'сажать' и производное от него *sedeo* 'сидеть'. Значение же корней **es-* и **bhū-* различалось не как активность и пассивность, а как бытие и состояние; по-видимому, сперва корень **bhu-* означал 'произрастать' (ср., помимо греческого, также слав. *былие* 'трава', кстати, фонемно совпадающее с греч. *φύλλον* < **bhuljon* 'лист'). Что же касается корня **or-* (**h₂er-*), то он получил значение 'стоять' только в хеттском, в остальных же языках этот этимон всегда означает 'поднимать(ся)'. Наша задача заключается именно в том, чтобы рассмотреть причины изменения в значении этого глагола. Обратимся к его морфологии и семантике.

2.2. Спрягается он как обычный медиопассив глаголов на *-mi*: единственное отличие от глаголов на *-hi* здесь заключается в 3 л. ед. ч. с дентальной флексией (*-ta-ri* vs. *-a-ri*). Значение же контекстов Э. Ной разделил на три большие группы: 'стоять', 'вставать, устанавливать себя' и 'быть, становиться поставленным' [Neu 1968a: 120].

В первой группе можно выделить следующие оттенки:

1) 'стоять':

- (5) ХЕТТСКИЙ
ANA^DUTU^{SI}-kan anda assuli naistati kattimi assuli **artati** (KUB XXXII 130, 27 ff.)
'и к богу Солнца ты себя с добром приведешь, и при мне с добром стоять будешь';

2) 'присутствовать, оказываться':

- (6) ХЕТТСКИЙ
SUM-ir-uat-si kuuari nuua kas kassa **aranta** (KUB XIII 4 III 37 ff.)
'когда они дали это ему, и один, и другой оказались (рядом)';

3) в особую группу можно выделить контексты, где речь идет о небесных светилах:

- (7) ХЕТТСКИЙ
 MUL^{HLA} *muua aranda* (KUB IX 28 III 11)
 ‘и звезды еще стояли’.

В отличие от первых двух контекстов, здесь глагол обозначает некоторое состояние, осуществление которого является частью общего и неизменного природного процесса, не зависящего от деятельности определенного актора.

Вторая группа:

- (8) ХЕТТСКИЙ
 INA KUR^{LU} *KUR-ii kuuapi paimi numu kattimi assuli artati* (KUB XXXII 130, 29f)
 ‘Когда я уйду в горную страну врагов, ты предстанешь передо мной с добром’.

Третья группа не всегда может быть отличима от первой. Так, один и тот же контекст по-разному переводится Э. Ноем и Й. Фридрихом:

- (9) ХЕТТСКИЙ
 GIS^D INANNA^{HLA} *andurza karu arantari* (KUB II 6 IV 11)
 ‘музыкальные инструменты стоят впереди (то есть стояли раньше) внутри’ [Friedrich, Kammenhuber 1978: s.v. *ar*]; ‘музыкальные инструменты были раньше внутри поставлены’ [Neu 1968a: 23].

Так же амбивалентен и другой контекст:

- (10) ХЕТТСКИЙ
 SA^D URU^{URU} *Hatti^{NA} huuasi INA^E tarnui artari* (KUB XI 22 I 2f)
 ‘камень-*huuasi* бога грома страны Хатти в дом-*tarnu* доставлен / в доме-*tarnu* стоит’.

Этот краткий, проведенный на основании изданий Фридриха и Ноя обзор показывает, что значение ‘стоять’ у глагола *artari* не первично. Неподвижное состояние, обозначаемое им, явно мыслится как результат некоторого процесса, инициированного актором или средой, или актором в отношении самого себя. Иными словами, и в этой глагольной форме явно прослеживается более старое значение ‘двигаться, подниматься’. Ср. еще сочетания с наречиями: *kattan ar-* ‘входить’, *kattan arha ar-* ‘отходить к кому-либо’.

2.2.1. Рассмотрим теперь родственные глагольные формы в хеттском. Глагол *ari* принадлежит к спряжению на *-hi* (1 ед. ч. *arhi*, 2 ед. ч. *arti* и т. д.) и означает ‘достигать, приходить’ (отличается от *paimi* примерно как нем. *gehen* ‘идти’ от *kommen* ‘приходить’). Он может фигурировать с локативом и без локатива:

- ХЕТТСКИЙ
 (11) *mahhanmaua URU^{URU} Hatti aruen* (StBoT 4.60)
 ‘и мы тогда пришли в страну Хатти’;
 (12) *nu GIM-an URU^{URU} Hateziua aruen* (KUB IX 16 I13)
 ‘и затем мы пришли в город Хатецива’.

В противопоставлении *paimi*:

- (13) ХЕТТСКИЙ
man DUMU-as URU^{URU} Misturaha paizzi man-as URU^{URU} Karikuriska ari LU^{LU} GUDU memai (KUB XVII 9 II 16 ff.)
 ‘когда ребенок идет в страну Мистураха и приходит в страну Каркуруиска, говорит человек-GUDU’.

Локатив может обозначать и лицо:

- (14) ХЕТТСКИЙ
nutta UD^{um} *SIMTIKA ari* (КВо IV 10, Vs.5)
 ‘и к тебе приходит день смерти’.

Глагол приобретает значение ‘появляться, возникать’:

- (15) ХЕТТСКИЙ
mahhanmassan 7 DUG^{LIS.GAL} *ari nu* SAL^{MES} *katres TUG-an saranzi* (КВо V 1 III 51 ff.)
 ‘и когда 7-я кожа появляется, *katres* разрывают покрывало’.

Сопоставление глаголов *arta(ri)* и *ari*, как представляется, ясно свидетельствует о том, что первый из них обозначает результат действия или процесса, а второй — само действие / процесс. Глагол же *arnuzi* ‘приносить, доставлять’, вне всякого сомнения, выражает каузацию этого процесса. Возможно, с этим корнем связан еще один глагол: *arai*, который в спряжении на *-hi* означает ‘подниматься’ (*arai* ‘он поднимается’, 3 ед. ч. прет. *arais*), а в спряжении на *-mi* — ‘останавливать’ (*arai*zi, прет. *arait*). Первый глагол часто встречается в сакральных текстах:

- ХЕТТСКИЙ
 (16) ^m*Askali uddar arais* (BoTU 12 C Vs 23)
 ‘против Аскали молитва поднялась’ (старохеттский текст);
 (17) *KAXU-SU-mazakan pian arha nais n-as arais* (KUB XVI 46 I 14 f.)
 ‘и жертвенных птиц он взял, и поднялся’.

Действие здесь является частью общего процесса, инициированного божественной силой. Правда, А. Клуххорст [Kloekhorst 2008] не признает родства *arai* и *artari*. Первый глагол он возводит к **h₁er-* (*ἐρχομαι*), второй к *h₃er-*. Но, например, авторы [LIV] полагают, что хетт. *arta(ri)* восходит все-таки к **h₁er-*. С моей точки зрения, формальная и семантическая близость обоих глаголов не позволяет разделять их по разным корням. Что же касается глагола *arai*zi, то старое значение ‘поднимать’ проявляется в некоторых его формах: причастие *arant-* ‘высший, руководитель’ (< ‘поднятый’).

2.3.1. Именно это значение является базовым для индоевропейского корня **or- / r-*: греч. *ὄρνυμι*, др.-инд. *ṛnóti* пофонемно совпадают с хетт. *arnumi*; императив *ṛnuddhi* = *ὄρνυθι* = *arnut*. Соответственно греч. *ὄρτο* и др.-инд. *árta* соотносятся с хетт. *arta*, а тематический аорист *ὄρορε* и перфект *ὄρωρε* морфологически близки к *ari*. Все три формы имеют в основном интранзитивно-медиальное значение и не противостоят друг другу, подобно хетт. *arta(ri) / ari*. Тем не менее разница между ними имеется. Медиальный аорист может относиться к одушевленному и неодушевленному имени, ср.:

- ГРЕЧЕСКИЙ
 (18) *ὄρτο*... *᾿Ωδυσσεύς* ‘поднялся Одиссей’ (θ 3, χ 348), *᾿Ελατρεύς* ‘Элатрей’ (θ 111), *κῆρυξ* ‘вестник’ (ξ 449), *᾿Ανδραίμονος υἱός* ‘сын Андремона’ (ξ 364);

С другой стороны, ср. пример (19).

- (19) *γέλως ὄρτο* ‘поднялся смех’ (θ 343), *κλαυγῆ* ‘шум’ (ξ 412), *ἔμερος* ‘желание’ (π 215).

При *ὄρορε* существуют следующие субъекты:

- (20) *χαλεπὸς δὲ τις ὄρωρε δαίμων* (ψ 222)
 ‘некий тяжкий демон поднялся’;
 (21) *ὄρωρε θεῖος ἀοιδός* (θ 539)
 ‘поднялся божественный певец’.

Иногда этот глагол может быть переходным, но его субъектом остается неантропная сущность:

- (22) *τὴν δὲ τοὶ ρέξαι θεὸς ὄρωρε ἔργον ἀεικέες* (ψ 222)
‘и ее бог поднял на это нечестивое дело’;
- (23) *οὐκ οἶδ’ ἢ τίς μιν θεὸς ὄρωρε, ἦε’ καὶ αὐτοῦ* (δ 712)
‘не знаю, бог ли какой его поднял, или он сам себя’.

Перфект *ὄρωρε* и плюсквамперфект *ὄρώρει* не бывают переходными; в остальном же их значение очень близко тематическому аористу. К примеру:

- (24) *κόμπος...ὄρωρε* (θ 386), *κόναβος* (κ 122), *βοή* (ω 48), *ὄρύμαγδος* (ω 70)
‘шум поднялся’;
- (25) *γαῖαν ὁμοῦ καὶ πόντον ὄρώρει δ’ οὐρανόνθεν νύξ* (ε 294, ι 69, μ 315, ο 462)
‘над землею, как и над морем, встала с неба ночь’.

Формула (25) напоминает хетт. MUL^{HLA} *niua aranda* ‘звезды вот стоят’. Интерес представляет этот же перфект и плюсквамперфект в гомеровских гимнах:

- (26) *κράτος δ’ ἀπ’ ἀθανάτοιο, πολὺς γ’ ἀπὸ κόσμος ὄρωρε* (VII 42)
‘сила бессмертного, великий мир возник’;
- (27) *ἄνθερι τηλεθάων, χαριεῖς δ’ ἐπὶ καρπὸς ὄρωρε* (XXIII 4)
‘в цветке расцветая, появился благодный плод’.

Подытоживая, мы можем определить значение различных вариантов глагола следующим образом. Форма *ὄρω* обозначает однократное достижение некоторого состояния, которое могло явиться результатом как действия субъекта, так и лица, не совпадающего с ним. Тематический же аорист и перфект указывают на то, что имеет место некий по большей части непрерывный процесс (или временная точка в процессе), не зависящий от действий человека. Это может быть природный процесс (произрастание плода, движение небесных светил, даже возникновение мира) или волеизъявление божественной сверхъестественной силы (бога или демона). Наконец, значение перфекта в гомеровских гимнах амбивалентно: оно может быть переходным и непереходным (что связано с общей тенденцией развития перфекта в греческом — от глагола состояния к обычному претериту [Chantraine 1927]). Глагол может быть понят в контексте как ‘появился’ и ‘появляется’, ‘существует в результате возникновения’. Значение процесса особенно актуально в XXIII гимне, где речь идет о чудесных превращениях на корабле, на котором плыл Дионис.

2.3.2. Ведическое *árta* по значению близко к полностью изоморфному греч. *ὄρω*; его значение можно передать как ‘появиться, прийти, возникнуть’, но также и ‘погибнуть’. Субъектами при нем могут быть: 1) имена людей, 2) имена природных процессов, 3) имена абстрактных сущностей. К контекстам первого типа отнесем:

ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

- (28) *prá śárdha árta prathamám vipanyám ŕtasya yónā vṛṣabháásya nīlē | spārhó yúvā vibhāvā saptá priyáśo ’janayanta vṛṣne* (IV 1, 12)
‘толпа появилась первым движением во вместилище закона, в чрево быка, желанная, юная, могучая; семь любимых для быка родились’;
- (29) *ácha kavim... útibhis tám isaṇo dyumnáhūtau ní māyāvān ábrahmā dásyur arta* (IV 16, 9)
‘мудрецу... на помощь к нему устремись с боевым кличем; пусть падет Дасью, полный хитростей, лишенный священных слов’ (Гельднер переводит *dásyur arta* как ‘Dasyu soll erliegen’ [Geldner 1951—1957]).

Тем самым можно видеть разнообразие значений ведического глагола: не только ‘подниматься’ или ‘приходить, возникать’, но и ‘падать’. Форма аориста означает вхождение в одномоментное состояние как результат не только подъема, но и падения.

Контексты второго типа:

(30) ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

mā no asmīn maghavan pṛtsū āmhasi nahī te antaḥ śavasah parīṅśe / ākrandāyo nadhyó rōruvad vānā kathā ná kṣoṅṛ bhiyāsā sám ārata (I 54, 1)

‘ты, богато дарящий, да не (оставь) нас в этой беде, нет конца твоей силе; ты заставил реки шуметь, шумные деревья. Как людям не сгрудиться от страха?’ [Елизаренкова 1989—1999].

Контексты третьего типа:

ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

(31) a. *úd asya śuśmād bhānūr nārta* (VII 34, 7)

‘от этого натиска поднялся, как луч света’;

b. *vidyūto marūto jājjhatīr iva / bhānūr arta tmānā divāḥ* (V 52,6)

‘как смеющиеся, блестящие Маруты, луч с неба своей силой поднялся’ или ‘после этого Маруты пришли, как смеющиеся (женщины); само по себе появилось сияние неба’ [Geldner 1951—1957].

(32) *nēśat tāmo dūdhitam rōcata dyaur úd devyā uśāso bhānūr arta* (IV 1, 17)

‘унесло мрачную тьму, рассвело небо, возник свет божественной зари’.

Субъектом этой глагольной формы выступает также ‘звук’:

(33) ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

tāva dyumānto arcāyo grāvevocyate bṛhāt / utó te tanyatūr yāthā svānó arta tmānā divāḥ (V 25, 8)

‘Твои сияющие лучи громко звенят, как давящий камень. Звук своей силой поднимается, как гром с неба’.

В данном контексте понятия ‘звук’ и ‘луч’ оказались тесно связаны. Связь эта прослеживается и на этимологическом уровне. Имя *svānas* восходит к корню **suel-* / *suen-*: лат. *sol*, гот. *sunno*, греч. *ἥλιος* (<**sauelijos*) ‘солнце’. К тому же этимону восходят как др.-инд. *svār*, *sūrya* ‘солнце’, так и *svarate* ‘звучать’. Глагол же *arta* при таких субъектах может быть интерпретирован одновременно как процессный, так и пунктуальный: ‘поднялся’ и ‘возник’. Для характеристики формы *arta* в ведическом существенна ее многозначность: ‘подниматься, приходить; останавливаться; прекращаться’.

Нематериальные сущности в сочетании с данным глаголом образуют формулу *bhanūr / svānas (tanyatūḥ) arta (tmānā divāḥ)* ‘луч / шум (гром) поднялся (своей силой с неба)’. Сопоставление с хетт. MUG^{HLA} *artari* ‘звезды стоят’ и греч. *νύξ ὄρωρε* ‘ночь настала’ позволяет реконструировать формулу на праиндоевропейском уровне. Ее можно представить так, обозначив прописными буквами компонент, находящийся параллели только в семантике, а строчными — формально реконструированный компонент: **CAELESTE or-/r-* ‘небесное явление поднялось, возникло’⁴.

⁴ Формулы, реконструированные на семантических основаниях, конечно, значительно менее надежны, чем содержащие общие корни, подобные классическим **kléuos n-g^{uh}d^hitóm*. Тем не менее в книге Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [1984: 833] приводится параллель ведической и норвежской формулы: *majjā majjñā sam dhīyatām* ‘кость с костью да соединится’ (Атхарваведа) и *ledge marv i marv* ‘сложил косный мозг с костным мозгом’, ср. [de Vries 1957: 169]. И словосочетание в хеттском, гомеровском греческом и ведическом, в котором появление небесного тела выражается одним и тем же глагольным корнем, вполне может рассматриваться как формульное.

2.4. Таким образом, оппозиция *ari / artari* в хеттском как будто может быть проецирована на праиндоевропейский уровень. Попробуем разобраться в ее характере. Хеттское *artari* — презенс, тогда как др.-инд. *árta* и греч. *ἄρτο* — аористы. В этом качестве они обозначают ту часть процесса, которую Г. Кёлльн назвал «критической точкой» («момент изменения в процессе» [Kølln 1969: 43]). Соответственно, презенс может обозначать либо достижение этой точки (первая фаза процесса), либо состояние после критической точки. Все три фазы можно проиллюстрировать латинским *iacio* ‘я бросаю’ — *iēci* ‘я бросил’ — *iaceo* ‘я лежу’. Вышеприведенные контексты показывают, что основное значение *arta(ri)* — 3 (нахождение в состоянии), и отчасти 1 фаза процесса а для *ari* — только первая (достижение состояния).

2.5. 40 лет тому назад Э. Риш сопоставил *arta(ri)* и вед. *árta* и пришел к выводу о том, что индоевропейский меди́й также мог обозначать завершенность действия или состояния [Risch 1975]. Очевидно, это значение выражал именно аффикс **-to*⁵. Аналогично Риш рассматривает хеттскую же форму *lukta* ‘рассвело’. Ей же посвящено небольшое, но очень содержательное исследование К. Хоффмана [Hoffmann 1975]. Этой хеттской форме соответствует вед. *arukta*, которое, однако, не засвидетельствовано в самхитах и появляется только в араньяках (*sám... arukta* (TA IV 7, 6) ‘вот рассвело’). Однако пассивный аорист *aroci* и причастие *rucana* в Ригведе известны; они заставляют предположить наличие атематического аориста (**-rok / -rukta < *-leuk-t / -luk-to*). Такой аорист противостоит презенсу *rócate* ‘светится’.

2.6. В хеттском засвидетельствованы также форма *lukzi* (презенс, новохеттский период), *lukta*, *luktat* (формальный медиопассив) ‘светиться’ и *lukkizzi* ‘зажигать’. Завершенность действия, выраженного формой *lukta / lukkatta*, вполне очевидна в формуле *man lukkatta(-ma)* ‘когда рассвело’:

- (34) ХЕТТСКИЙ
*man lukkattati*⁶ URU *Zalpa pait* (КВо III 38 Vs 2)
 ‘когда рассвело, он пошел в город Цальпа’ (завершение процесса предшествует претеритальному действию).

В следующем контексте оба рассмотренных глагола встретились вместе:

- (35) *lukta-ma INA UD II.KAM kuitman* ^DUTU-*us nuua artari* (KUB XXIX 4 I 55)
 ‘и рассвело, когда на второй день бог Солнца не встает’.

По сути дела, второй глагол обозначает следствие (отрицаемое) из первого. Первый же выражает некоторое стабильное состояние; поэтому всю конструкцию допустимо перевести так: ‘и утром на второй день бог Солнца не встает’.

Перфективные формы противостоят неперфективным *ari*, *lukkizzi*. Они на синхронном уровне сильно отличаются друг от друга морфологически и семантически, но в диахроническом плане обнаруживают общее происхождение. Глаголы на *-hi* репрезентируют индоевропейский перфект; 3 л. перфекта — это чистая глагольная основа с вокальным ауслаутом. Из нее же происходит тематическое спряжение: «Das Form **g^{uh}ené* [‘убитый’. — К. К.] als eine Quelle des Perfekts, des Mediums und der thematischen Konjugation» [Watkins 1969: 45]. Согласно Е. Куриловичу [Kuryłowicz 1956: 41—44], прилагательное типа **lik^ué*

⁵ С нашей точки зрения, простые глагольные индоевропейские корни сами по себе не выражали актуальных различий. Эту функцию несли только глагольные аффиксы.

⁶ Впрочем, статус формы *lukkattati* спорен. Э. Ной [Neu 1980: 16—19] упоминает наречие *lu-uk-kat-ta*, образованное благодаря переразложению именной основы *lukat* ‘(на следующее) утро’ (засвидетельствованной в форме *lu-uk-kat / lu-uk-ka-ti*). Впрочем, он же указывает на омонимичность наречия *lu-uk-kat-ta* и аналогичного же медиопассивного глагола. Первое встречается в среднехеттских текстах, второй — и в древнехеттских.

‘оставленный’ легло в основу медиопассивного аориста, затем и других глагольных форм с тем же аусласом. Путем переразложения это *-e превратилось и в тематический гласный (см. подробно об этом в [Красухин 1987]). Ю. С. Степанов [1989: 28] считал происхождение глагольных форм из «рассогласованных прилагательных» возможным, но не доказанным. С нашей точки зрения, гипотезу Куриловича можно обосновать сравнением литовских наречий, происходящих из форм среднего рода, с глаголами, выражающими состояние. Не углубляясь в эту тему, развитую в [Krasukhin 2012], отметим, что наречие и глагол в предложениях лит. *šiandiēn šalta* ‘сегодня холодно’ и *šiandiēn šāla* ‘сегодня морозит’ имеют сходную морфологию, семантику и синтаксическое управление.

Формы типа **ore*, **luke*, лежащие в основе хеттских глаголов, обозначали внутреннее состояние и потенции субъекта. Будучи введены в систему презенса, они получили значение длежащего действия / процесса [Georgiev 1975]. Поэтому из них образовывались дуративы, чье значение усиливалось оппозицией форм с перфективными аффиксами. Каждая словоформа может сохранять черты значения своего прототипа, поэтому греческий аорист *ἄωρε* и перфект *ῥωρε* обозначают процесс, не зависящий от волеизъявления человека: непреходящее движение природных сил или деятельность надчеловеческих существ.

Простые тематические формы, обозначавшие природное, духовное или телесное состояние, по-видимому, не содержали изначально черт, которые заставляли бы трактовать их именно как глаголы или прилагательные. По мнению Ф. Бадер [1989], **-é* — это древнейшая медиальная флексия, которая была затем заменена формантом *-tó*. На наш взгляд, эти формы вовсе не равнозначны: первая из них, как было показано выше, не указывает на завершенность действия, а вторая указывает. Но их оппозиция могла ослабевать, что наглядно иллюстрирует собранный К. Уоткинсом материал о вариантах корня **luk-* [Watkins 1971: 69]:

Таблица 2

Имя	Примеры	Глагол	Примеры
<i>*l(e)uk-é / -ó-</i>	греч. <i>λευκός</i> ⁷ , вед. <i>ruśá</i> ‘белый, светлый’	<i>*léuk-e / -o</i>	вед. <i>rócate</i>
<i>*leuk-to</i>	др.-в.-нем. <i>liocht</i> ‘свет’ ⁸	<i>*luk-tó</i>	хетт. <i>lukta</i>
<i>*leuk-ó-to</i>	гот. <i>liuhap</i> , хетт. <i>lukat</i> ‘свет’ (‘утро’)	<i>*luk-o / -e-to</i>	хетт. <i>lukkatta(t)</i>

Кроме того, хетт. глагол *lukkizzi*, по-видимому, репрезентирует полную ступень корневого вокализма. Оппозиция же полной и нулевой ступени также иногда реализовалась как оппозиция длительного и однократного действия. В древнегреческом с помощью нулевой ступени образуется тематический аорист: *κτείνω* — *ἔκτανον* ‘убивать’, *πέρω* — *ἔπαρον* ‘разрушать’; аорист с нулевой ступенью может быть непреходящим: *ἔρειπω* ‘ударять’ — *ἔριπον* ‘я упал’, *ἔρεινω* ‘разрушать’ — *ἤρινον* ‘я разрушился’, *τρέφω* ‘кормить’ — *ἔτραφον* ‘я вырос’. Индийские презенсы с нулевой ступенью (тип *tudáti*, или VI класс) иногда в контексте могут приближаться по значению к аористам:

(36) ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

dákṣam te bhadrám ábhārṣam párá yáḁṣmaṁ suvāmi (RV X 137, 4)

‘доброе и светлое я тебе принес, лихорадку изгоняю / изгнал’.

Л. Рену [Renou 1925] полагает, что параллелизм глаголов позволяет приписать др.-инд. презентной форме *suvāmi* аористическое значение. Возможна и такая интерпретация. Форма *ábhārṣam* обозначает действие, завершенное перед началом основного действия, *suvāmi* — приближение к критической точке. В другом приведенном Л. Рену примере однородность претерита и презенса бесспорна:

⁷ В греческом варианте **léuke-* преобразовался в активный глагол *λέυσσω* < **λεγκιω* ‘видеть’. Такова судьба большинства форм на *-e* в древнегреческом: они перешли в активное тематическое спряжение.

⁸ Древневерхнемецкое и готское имена суть абстрактные понятия. Поэтому в них ударение, как показывает закон Вернера, стоит слева от суффикса. Тем же объясняется и их полная ступень.

(37) ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

kaṁadyúvaṁ vimadáyohathur yuvám viṣṇāpívam víśvakāyáva sṛjathah (X 65, 12)
 ‘вы привели Камадью к Вимадаёе, Вишнапу к Вишвакаёе вы пустили’.

Презенсы с нулевой ступенью обозначают терминативное действие / процесс, который в контексте может сжаться до критической точки⁹.

2.7. Флексия **-tó* в сочетании с нулевой ступенью корня является аспектообразующим элементом. Оппозиция **-é / -tó* может быть восстановлена и для глагольных имен. Окситонные имена можно разделить на два класса: корневые и маркированные суффиксом структуры *-CV-*. Первые нейтральны в отношении аспекта: вед. *rucá* ‘блестящий’, *yodhá* ‘воин’, греч. *φορός* ‘несущий’, *τροχός* ‘колесо’, *τομός* ‘нож’. Вторые же тяготеют к выражению завершённого претерпевания. В балто-славянском они образуют страдательные причастия прошедшего времени: лит. *i-piltas* ‘наполненный’, слав. *bumъ*; в других языках — пассивные прилагательные: греч. *σχιστός* ‘расщепленный’, др.-инд. *jātáh* ‘рожденный’. В древнеирландском отчетлива оппозиция пассива презенса **-er* и перфекта **-to-*: *no-berar* (< **nu-bhere-r*) ‘он несом’ — *ro-bert* (< **(p)ro-bher-to*) ‘он принес’¹⁰. Функциональное сходство медиопассивного претерита и причастия на *-tó-* наглядно демонстрирует следующий ведический контекст:

(38) ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

brāhmaṇo 'asya mūkham āsīd bāhū rājanyāh kṛtāh / ūrū tād āsya yād vaiśyah padhbhyām śūdrō ajāyata / candrāmā mānaso jātās cāksoh sūryo ajāyata (RV X 90, 12—13)
 ‘рот стал брахманом (глагол), руки царями сделались (причастие), из бедер вайшьи [родились], из ног шудры родились (глагол), из духа родилась (причастие) луна, из глаз его солнце родилось (глагол)’.

2.8. Итак, значение и функционирование хетт. *artari* объясняется не пережитками инактивного строя, а сложным комплексом причин. Иными словами, по крайней мере два аргумента в пользу реконструкции активного строя оказываются недостаточно убедительными.

На несколько иных основаниях к сходным выводам пришла Б. Дринка [Drinka 1999]. Она отметила некоторые существенные несоответствия индоевропейского праязыка эталону активного строя и прежде всего гораздо большую свободу в сочетании субъекта и предиката. Со ссылкой на статью Дж. Никольс [Nichols 1992] Б. Дринка подчеркивает, что языки активного строя характеризуются маркированностью главного члена предложения (*head-marked*), тогда как праиндоевропейский, наоборот, отличался маркированностью зависимого члена предложения (*dependent-marked*). Также в индоевропейских языках существуют специальные способы маркирования определения: оно может стоять в косвенном падеже или приобретать специальный аффикс (как правило, постпозитивный); именно так образованы балто-славянские членные прилагательные, отличающиеся от простых своей подчеркнутой определительностью (а значит, непредикативностью). Что же касается слабой представленности глагола ‘иметь’, то, как отмечал Э. Бенвенист [1974], этот глагол принадлежит к числу поздних во многих языках мира.

Вообще Б. Дринка в своем исследовании руководствуется чрезвычайно плодотворным, на наш взгляд, тезисом: чистых типологических типов не существует. Это значит, что в одном языке могут сосуществовать черты различного строя предложения. И «неэталонные» черты могут порой проявляться в языке неожиданно. Например, в русских именных

⁹ Мы оставляем в стороне вопрос об изначальной семантике аориста в Ригведе. См. об этом [Gonda 1957; Dahl 2010].

¹⁰ Пассивное причастие в претерите иногда меняет свой залог и становится показателем актива. Повидимому, дентальный суффикс прошедшего времени в германских языках является по происхождению таким же причастием.

конструкциях давно уже были установлены явления, напоминающие эргативное предложение. Если при имени действия стоит только один актант, то он маркируется родительным падежом, будь то субъект или объект действия (*посещение отца* может быть трансформом двух различных предложений: *Отец посетил кого-либо* и *Кто-либо посетил отца*). Если же при отглагольном имени присутствуют имена, обозначающие субъект и объект, то первый оформляется иначе, с помощью творительного падежа: *посещение отцом сына* vs. *посещение сыном отца*. Изучившие это явление А. С. Чикобава [1952] и В. Г. Гак [1972] с полным основанием видели здесь аналог эргативного строя. Но это, конечно, не значит, что русский язык относится к эргативным. Черты различного строя сосуществуют в одном языке. Автор этих строк предположил, что подобные «эргативные» черты языка развиваются там, где глагольная морфология утратила залоговую оппозицию: так, отглагольное имя в русском языке может означать и действие, и претерпевание [Красухин 2013].

2.8.1. Именно с этой точки зрения, на наш взгляд, и следует рассматривать проблему хеттского «эргатива», которая собрала довольно значительную литературу. Исследовавший первым это явление Э. Ларош отметил, что имена на *-nt-* в хеттском вовсе не обязательно коллективные¹¹. Упомянутые в начале нашей работы хетт. *eshananza*, *uetenanza*, *sehunanza* обозначают вполне единичные сущности (в отличие от коллективных имен типа *uiddār* < **u(e)dór* ‘воды’). Следовательно, основная функция этих имен — выражение субъекта при переходных глаголах. Имена же среднего рода вообще, как мы уже отмечали, редко занимают позицию подлежащего. По данным Э. Лароша [Laroche 1962: 38—39], большая группа имен, обозначающая неодушевленные предметы и абстрактные понятия (хетт. *pahhur* ‘огонь’, *eshar* ‘кровь’, *huuassi* ‘стела’, *taru* ‘дерево’, *nepis* ‘небо’, *tekan* ‘земля’ — всего 19 имен), может быть субъектом только в именных предложениях и при предикатах типа ‘быть, иметь место, становиться’, а также ‘гореть’ (огонь), ‘течь, брызгать’ (кровь), ‘сохнуть’ (дерево). Таким образом, оппозиция имен на *-ant-* и среднего рода могла носить синтаксический характер. Можно сказать и так: суф. *-ant-* снимает ограничения на сочетаемость, накладываемые лексическим значением имени.

Причину такого распределения Ларош видит в воздействии суб- и адстрата. Следует заметить, что в адстратном хурритском языке строй предложения определяет эргативная конструкция, так что в нем абсолютным падежом маркируется субъект и стативного, и активного, но непереходного глагола: а) хуррит. *aste un-ett-a* ‘женщина шла’; б) *senniwwu-s aste sar-us-a* ‘мой брат позвал женщину’. В предложении (а) субъект выражен нулевой флексией имени, а глагол снабжен показателем субъектного спряжения *-a*; в предложении (б) субъект маркирован эргативным аффиксом *-s*, объект стоит в абсолютиве, а глагол имеет показатель переходного претерита *-us-* и субъекта *-a*. Сам Ларош, приводя хурритские параллели, отрицает возможность их непосредственного влияния на хеттский «эргатив»: контакты хурритов с анатолийцами начинаются примерно с XVI в. до н. э., тогда как указанное явление следует отнести к общеанатолийской эпохе (не позже III тыс. до н. э.). Дело в том, что имена на *-nt-* с подобной же функцией суффикса имеются и в лувийском: *tarusa-* vs. *tarusant-* ‘статуя’, также *tapassanti* ‘небо’ (= хетт. *nepis* / *napisanza*), *tiiamanti* ‘земля’ (хетт. *tekan*) [Laroche 1962: 43]:

(39) лувийский

assa-mma elelhandu tainati mallitati taintii-ata malli aiaru tarapuua hurita tatariiamna / assa-tti elhadu tapassantis tiiamantis taintiiata aiaru malli-tii-ata aiaru (KUB XXXV 54 II 42—44)

‘пусть они смоют масло и мед с губ, масло и мед превращаются в яд, ложь, проклятие; пусть небо и земля сотрет это с губ, превращаются (так) масло и мед’.

¹¹ В отличие от тохарских, где с помощью суф. *-nt-* образуются множественные числа: *akru* ‘слеза’ — мн. ч. *akrunt*, тох. A *wal*, B *walo* ‘царь’ — мн. ч. AB *lant*.

Таким образом, имена с суф. *-ant-* обозначают не просто землю и небо, но сущности, наделенные магической силой. Также отметим, что лувийскому деривату *tiammanti* соответствует хеттский композит *tagan-zipa*. Это говорит о том, что общая тенденция к образованию одушевленных имен для выражения активных сущностей могла реализоваться в разных анатолийских языках по-разному. Сравним еще: хетт. ^E*hilammar* (ср. р., гетероклитическая основа) ‘крепостные ворота’ — *hilamnanza* (общ. р., производное) ‘то же’ (KUB XVII 10 IV 11) — ^d*hilanzipa* ‘дух двора’ (композит).

2.8.1.1. Клод Чехофф [Tchekhoff 1978] полагает, что хеттский «эргатив» — это общиндоевропейское наследие, а суф. *-ant-* выполняет функцию перевода имен в разряд одушевленных. В приводимых им типологических параллелях особенно примечательно то, что во многих языках эргативного типа неодушевленные и одушевленные имена-агенты маркируются по-разному. Так, в баскском языке возможна конструкция, где *-k* — показатель эргатива, *-kin* — инструменталя, а *motikwa* ‘мальчик’ — основа имени без выраженного грамматического показателя:

(41) БАСКСКИЙ

<i>gisona-k</i>	<i>ildu</i>	<i>motikwa</i>	<i>kanita-kin</i>
человек-ERG	убивать-PRET	мальчик-AVS	камень-INSTR

‘Человек убил мальчика камнем’.

Показательно, что имя *kanita* не может сочетаться с окончанием эргатива, поэтому его агентивность выражена флексией инструменталя. В адыгейском языке с показателем эргатива могут сочетаться имена, обозначающие постоянную действующую силу:

(42) АДЫГЕЙСКИЙ

а. <i>šable-m</i>	<i>sozə-r</i>	<i>ye-wəč’ə-g</i>
молния-ERG	женщина-AVS	SUB-убивать-PRET

‘Молния женщину убивает’;

б. <i>šežeye-m</i>	<i>ye-wəč’ə-g</i>	<i>’ale-r</i>
нож-ERG	SUB-убивать-PRET	мальчик-AVS

‘Нож поразил мальчика’.

Но если перед нами имя, для которого действие не является основной функцией, то оно не может стоять в эргативе. В адыгейском был бы невозможен оборот **šəgə-m ye-wəč’ə-g l’ə-r* ‘Дерево убило человека’, но только *šəgə-r q’əyš’əy l’ə-r ye-wəč’ə-g* ‘дерево (+ артикль) упало, человек (+ артикль) убить (= человека убило)’. При наличии одушевленного субъекта-агента орудийное имя получает дополнительный показатель инструменталя:

(42) АДЫГЕЙСКИЙ

в. <i>l’ə-m</i>	<i>pxa’ase-m-č’e</i>	<i>šəgə-r</i>	<i>ye-zoe</i>
человек-ERG	плуг-ERG-INSTR	земля-AVS	SUB-обрабатывать

‘Человек плугом землю обрабатывает’.

Как можно понять, К. Чехофф предполагает существование подобной эргативной конструкции и в праиндоевропейском. Однако различие неодушевленных и одушевленных имен свойственно отнюдь не только эргативным языкам. В русском языке неодушевленные имена свободно стоят в позиции субъекта, но трансформационные тесты (перевод сказуемого в пассив и безличную форму) показывают глубокое отличие орудийных имен от имен подлинного деятеля, ср.:

(43) а. *Мужчина убил женщину*

→ *Женщина убита мужчиной* vs. **Женщину убило мужчиной*;

б. *Молния убила человека* → *Человек убит молнией* + *Молнией убило человека*.

Типологическое отличие русского языка от адыгейского состоит в следующем. Второму типу трансформации (творительный падеж при безличном глаголе) подвержены только те неодушевленные имена, которые возможны в ситуации стихийных событий. Например, предложение *Топором убило человека* возможно лишь в том случае, если топор случайно упал сверху на человека (а не был направлен кем-то). И совершенно невозможна трансформация сказуемого в безличный глагол при одушевленном субъекте.

2.8.1.2. Э. Бенвенист, опубликовав свою работу о хеттских именах на *-ant-* в том же номере журнала «BSLP», что и Э. Ларош, существенно откорректировал его выводы. Он показал, что эти имена не могут быть отождествлены со стоящими в эргативном падеже. Во-первых, суф. *-ant-* очень редко присоединяется к одушевленным именам. Во-вторых, он как настоящий суффикс распространился на всю основу, так, номинативу *hameshanza* ‘весна’ соответствует генитив *hameshandas*, датив *hameshandi*, аккузатив *hameshandan*; то же относится и к другим именам. В-третьих, тот же суффикс присоединяется и к основам имен несреднего рода: *tuzzi* ‘войско’ — *tuzziianza*, *tuekkas* ‘тело’ — *tuekkanza* ‘союз’, *sazsa* ‘ложе’ — *sastanza* (встречается и в виде шумерограммы ^{GIS}INA-*anza*)¹². В-четвертых, бросается в глаза производность основ, к которым присоединяется этот суффикс: *eshar* — *eshanas* — *eshananza*, *pir* — *parnas* — *parnanza*, *hastais* — *hastiias* — *hastiianza* ‘кость’ (первая форма — номинатив, вторая — генитив, в котором представлена основа косвенного падежа). Таким образом, имена на *-ant-* не могут быть отождествлены с падежными формами: это обычный словообразовательный класс. Примеры Лароша, как подчеркивает Бенвенист, действительно указывают на то, что имена на *-ant-* переходят в общий род и обозначают активно действующие сущности. Но в этом качестве они могут свободно сочетаться с именами без данного суффикса:

- (44) ХЕТТСКИЙ
taganzipas huimpas É. ŠÁ-nanza GUNNI-anza 4 halhaldummariias éhilas KÁ (GAL)
^{HLA}-*as arha tarandu* (KUB VII 41 I 19—21)
 ‘земля, брус (?), комната, прихожая, четыре колонны пусть их прочь отпустят!’

Здесь есть группа имен на *-ant-*, форма *taganzipas* (*tagan* — косвенная основа от *tekan* ‘земля’ + *-zipas* < *sepa* ‘дух’), но также и простые имена *huimpas*, *halhadummariias*. Далее, принципиальное значение имеет то обстоятельство, что имена на *-ant-*, обозначающие части тела и постройки, часто встречаются в двух определенных текстах: первые — в KUB IX 4, вторые — в KUB XVII 10 IV. Оба текста представляют собой ритуалы, где эти сущности фигурируют как активно действующие силы, объекты просьб и ожиданий:

- (45) ХЕТТСКИЙ
 а. *parnanza tarnau* (строка 9)
 ‘дом да отгонит (злые силы)’;

¹² Об этом говорил еще Й. Фридрих [1952: § 53]: суф. *-ant-* иногда модифицирует значение имени, иногда нет. Согласно Г. Кронассеру [Kronasser 1966: 263], первичные имена и производные с *-nt-* можно разделить на три группы. 1. Первичные среднего рода vs. производные общего рода: хетт. *antuhsatar* ‘страна, село’ — *antuhsannanza* ‘страна; село; население’, *lingai* — *linkiiant* ‘клятва’, *happes-sar* — *happissant-* ‘член, часть тела’, *ishuuan* — *ishuuanza*, *hapusa* — *hapusanza*, *harganan* — *hargananza* (и имя общего рода *hargananis*) ‘то же’, *tapuwas* — *tatuwassanza* ‘сторона; ребро’. 2. Первичное и производное имя общего рода: *sankuuais* — *sankuuanza* ‘ноготь’, *kalulupa-* — *kalulupant* ‘палец’. Показателен пример ^{LU}*sankunni* — *sankiniiant-* ‘жрец’, имя, заимствованное из шумерского ^{LU}SANGA (возможно, через аккадское *šangu*). 3. Первичное имя обнаруживает колебания, форма *-ant-* — только общего рода: *lutta* — *luttant* ‘битва’. Таким образом, перед нами обычное явление: утеря семантической оппозиции у некоторой части первичных и производных имен. Впрочем, в этой связи и Ларош, и Кронассер подчеркивают, что имена на *-nt-*, образованные от одушевленных, встречаются в молитвах и текстах о жрецах.

- б. ^{GIS}*luttanza tarnau* (строка 10)
‘окно да отгонит’;
- в. *hilammanza tarnau* (строка 11)
‘ворота да отгонят’.

Такое же значение имена на *-ant-* имеют в (46).

ХЕТТСКИЙ

- (46) *nu alpas GIG-an UL tarahzi n-an-za ser nepisanza tarahdu kattan-a-za MI-is KI-as (= ta-ganzipas) tarahdu* (KUB XVII 8 IV 9—10)
‘И заклинание болезнь не побеждает. Пусть ее небо победит, пусть внизу ее темная земля победит!’ [Laroche 1962: 37]
- (47) *n-us attas nepisanza EGIR-an tarna* (KUB XV 34 IV 32)
‘и их, о отец-небо, назад забери!’ [Ibid.]

Иными словами, функцию суф. *-ant-* вслед за Бенвенистом можно определить как персонифицирующую, проявляющуюся прежде всего в магических обрядах. Это связано, очевидно, с тем, что наделение неодушевленных предметов одушевленностью мыслилось как магия. Сравним эти конструкции с процитированной лувийской.

2.8.1.2.1. В пользу наличия в хеттском эргативной конструкции решительно высказались Х. Хоффнер и К. Мельчерт [Hoffner, Melchert 2008: 72 ff.]. Они рассматривают ее как своеобразный вариант расщепленной эргативности (split ergativity), затрагивающей только имена среднего рода и коллективные: от ^{SAL}*hazkara* (общ. р.) ‘женщина в храме’ (основа *hazkari / ai-*) образовано коллективное имя ^{MUNUS.MES}*hazkari-* (ср. р.) ‘группа женщин-музыкантов в храме’, суф. *-ant-* переводит это имя в общий род. ^{MUNUS.MES}*hazkarāiianza*. Но и коллективное имя, относясь к среднему роду, обозначает одушевленную сущность; следовательно, суффикс меняет не значение, а только род имени. Напротив, имена общего рода, даже и обозначающие неодушевленные сущности, не нуждаются в таком суффиксе: *aimpa* ‘ноша’, *agala* ‘борозда’, *peruna* ‘скала’, *aruna* ‘море’ и т. д. Они могут сочетаться с переходными глаголами без ограничения. Строй синтаксиса в хеттском авторы определяют как расщепленно эргативный, так как эргативная конструкция характерна только для имен среднего рода, тогда как имена общего рода и местоимения образуют номинативно-аккузативную конструкцию. Заметим, что такая расщепленная эргативность для индоевропейских языков типологически выглядит довольно уникальной. Как правило, «split» распределяется по глагольным временам: номинативно-аккузативное предложение в презенсе, эргативное в претерите. Таков синтаксис хинди, маратхи и некоторых других новоиндийских языков [Елизаренкова 1967], новоперсидского, курдского и некоторых других новоиранских языков [Пирейко 1967]. Иными словами, эргативная конструкция развивается на базе временной системы (ср. с типологическими параллелями [Dixon 1994: 97—101]). Особенно разнообразны субъектно-объектные отношения в грузинском, где в трех основных временах присутствуют три различных строя предложения (номинативный в презенсе, эргативный в аористе, посессивный в перфекте).

По мнению А. Хэррис и Л. Кемпбелла [Harris, Campbell 1995: 243—249], эргативная конструкция в неэргативном языке развивается на базе пассива (в новых индийских и иранских языках) и номинализации (авторы приводят пример из карибских индейских языков; мы выше указали сходные конструкции в русском языке); ср. [Dixon 1979]. Напротив, антипассив приводит к устранению эргативной конструкции. Для хеттского же языка вводится понятие «переосмысление инструменталю как эргатива» (см. ниже). Отметим, что эргативная конструкция в новых индоевропейских языках развивается с учетом всех факторов: при пассивных страдательных причастиях прошедшего времени совершенного вида.

Р. Диксон [Dixon 1994] обращается и к расщепленной эргативности, развившейся благодаря особенностям семантики имен и местоимений. Он опирается на так называемую

именную иерархию (*nominal hierarchy*), то есть список имен и местоимений, наиболее и наименее способных исполнять роль агенса, субъекта в эргативном предложении [Silverstein 1976]. В интерпретации Диксона она выглядит так: местоимение 1 л. > 2 л. > указательное местоимение, 3 л. > собственные имена > нарицательные имена со следующей градацией: имена людей > одушевленные > неодушевленные. Рассматривая типы расщепленной эргативности, исследователь показывает, как во многих языках местоимения образуют номинативную конструкцию, имена — эргативную, у одушевленных имен и местоимений появляется особая форма для выражения прямого дополнения, отличная от абсолютного падежа (как правило, маркирующегося нулевым окончанием). Однако примеров перехода из неактивного класса в активный (без существенного изменения семантики) Диксон не приводит.

Таким образом, хеттская эргативная конструкция выглядит необычно. Г. Хоффнер и К. Мельчерт возражают несогласным с необходимостью ее постулировать следующим образом. Отсутствие специальных показателей для переходного спряжения связывается именно с «расщепленным» характером хеттской эргативности (что несколько спорно, см. ниже). Хоффнер и Мельчерт также стараются дезавуировать аргумент о том, что суф. *-ant-* является словообразовательным: необходимым условием его появления у имен среднего рода они считают наличие переходного сказуемого, которое не может сочетаться с подлежащим среднего рода. Именно в данной функции суф. *-ant-* является грамматическим показателем. Положение о хеттском эргативном падеже принято в словаре А. Клуххорста [Kloekhorst 2008].

2.8.1.2.2. Аргументы Хоффнера и Мельчерта (и некоторых других исследователей) повторены в работе [Teffteller 2015], где сделан весьма примечательный вывод. Суф. **-ont-* в качестве специальной морфемы несреднего рода и тем паче показателя эргативного падежа не засвидетельствован ни в одной группе индоевропейских языков, кроме анатолийской. Такую его функцию следует считать инновацией. Она возникла, очевидно, в тот период, когда анатолийский праязык отделился от общеиндоевропейского. Предлагались два маршрута прихода индоевропейцев в Малую Азию: через Балканы и Кавказ. На Кавказе существует большое количество языков эргативного строя; очевидно, именно контакт с ними развил в хеттском начатки эргативной конструкции. Такая постановка вопроса, разумеется, ставит точку в дискуссии о «дономинативном прошлом» праиндоевропейского языкового состояния: если бы оно действительно имело место, едва ли праанатолийскому языковому состоянию понадобилось превращать изначально словообразовательный суф. **-ont-* в показатель эргатива. Скорее бы старые падежные флексии **-s* и **-m/-∅* функционировали как эргативный и абсолютный падежи.

Допустим, что поддержанный А. Теффеллером и наиболее распространенный взгляд на локализацию индоевропейской прародины ошибочен; праиндоевропейцы были аборигенами Анатолии — западной [Renfrew 1987] или восточной [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. Изменит ли это взгляд на реконструкцию дономинативного строя? Едва ли. Основные противоречия остаются в силе. Сформулируем их так.

А. Большинство реконструкций праиндоевропейского эргативного или активного строя признают **-s* окончанием эргативного / активного падежа, **-m/-∅* — абсолютного. Но хеттский, как и другие индоевропейские языки, не обнаруживает следов подобного распределения.

Б. Единственной чертой, которая может восходить к дономинативному прошлому, в хеттском является невозможность функционирования имени среднего рода как субъекта при переходном глаголе.

В. Для преодоления такой невозможности используется изначально словообразовательный суф. *-ant-*, имеющий широкий спектр значений в хеттском.

Г. Подобное его употребление не зафиксировано в других группах индоевропейских языков. Иными словами, пережиточное значение выражено новым грамматическим способом. Это возможно лишь в условиях языкового контакта. В случае автохтонности анатолийцев все равно следует предположить влияние соседних языков. Но приход индоевропейцев из Северного Причерноморья через Кавказ в Малую Азию подтверждается множеством

археологических и лингвистических данных. И развитие эргативных черт в анатолийских языках объясняется именно контактами их общего праязыка с северокавказским адстратом.

2.8.1.3. В хеттском существовали различные способы одушевления неодушевленного имени: словосложение (*tagan-zipa*), суф. *-ant-* и тематизация (с флексией *-s*). Здесь прежде всего необходимо отметить имя *parnas*, производное от *pir* ‘дом’ и синонимичное *parnanza*; в КВо X 45 IV возможны разночтения [Laroche 1962: 31]:

- (48) ХЕТТСКИЙ
kassa-za URU-az (= -as) parnanza (var. *parnas-sa*) UDU.A. LUM DU-ru nu LIL-ri
 MI-in KI-an *argaru*
 ‘пусть город и этот дом¹³ в козла обратятся, и пусть темную землю в степи будут рыть!’

Другой пример перехода имени в одушевленный класс путем тематизации — *pahhuenas*, форма, являющаяся одновременно генитивом от *pahhur* ‘огонь’ и тематическим номинативом (49a). Эта форма вполне синонимична основе на *-ant-* (49б):

- (49) ХЕТТСКИЙ
 а. [*man*] *antuhs[an] huuahh[urтин] p[ah]huenas epzi* (KUB VIII 36 VsIII 1—2)
 ‘когда человека за горло огонь берет’ [Tchekhoff 1978: 229];
 б. *mān...* ^DIM-*as man-an ualahzi pahhuenanza man-an arha uarnuzi* (КВо XXXII 14 I 6—8)
 ‘но, когда бог Тешшуб ее [гору] разрушит, огонь ее полностью сожжет’ (хетто-хурритская билингва).

На этот грамматический способ следует обратить особое внимание. Дело в том, что тематизация как способ образования одушевленных имен достаточно распространена в хеттском языке. Такие имена соотносятся с первичными атематическими в плане содержания как имя носителя признака с именем самого признака, имя члена класса с именем класса: *uastul* ‘грех’ — *uastulas* ‘грешник’, *taiazil* ‘кража’ — *taiazilas* ‘вор’ [Фридрих 1952: 131]. Такое же значение имеет тематизация имен и в других индоевропейских языках [Krasuchin 1996: 61—62]. Следовательно, *pahhuenas* изначально было именем индивида, входящего в класс, обозначаемый именем *pahhur*. Такая несложная параллель помогает понять и функции имен на *-ant-* в хеттском. Очевидно (это можно заключить по аналогии с именами на *-as*), такие имена обозначали единичные и структурированные предметы, в отличие от первичных имен, указывавших на более расплывчатые сущности. Возможность такого развития функции этого суффикса подтверждается и внешним сравнением. Он, по-видимому, является расширением простого суф. **-n-*¹⁴, который образует в древнегреческом имена собственные: *φίλος* — *Φίλων*, *ἄγαθος* — *Ἀγαθών* [Solta 1958]. Он же может образовать и имена одушевленных сущностей (лат. *humus* ‘земля’ — *homo* < **hemōn* ‘человек’; по тому же типу образовано и др.-ирл. *duine*). Иными словами, индивидуализирующая функция этого суффикса несомненна.

Отметим и следующее. Большинство производных имен на *-ant-* известно в форме именительного падежа. Косвенные падежи образуют следующие имена: хетт. *kāsza* ‘голод’ (производное на *-nt-* — в аккадо-хеттском словаре *kastanza* ‘голод’ и инструментале *kisantit*, ср. (50); *hamesha-* ‘весна-раннее лето’, *zena-* ‘лето-ранняя осень’, *gima-* ‘зима’.

¹³ Здесь имя *parnanza* / *parnas* соединено с вполне неактивным предикатом DU-ru (= *kisaru*) ‘пусть сделается’.

¹⁴ Суф. *-n-*, подобно *-nt-*, может выступать и как причастный: греч. *κτιζω* ‘населять’ — микен. *kitiesi* = *κτιενσι* (PY Na 520) ‘они населяют’, репрезентирующее чистую основу *κτι-* (ср. др.-инд. *ksiyānti* ‘они живут’) — отглагольное имя *περικτιόνες* ‘переселенцы’.

У некоторых формы без *-nt-* встречаются только в косвенных падежах: род. п. *hameshas*, дат.-мест. *hameshi*, абл. *hameshiiaz*; дат.-мест. *gim(m)i*.

- (50) ХЕТТСКИЙ
kistantit harkiianzi (KUB XVII 10 I 17—18)
 ‘с голоду умирают’

Представим материал в виде таблицы 3 (*gimm-* ‘зима’, *hamesha-* ‘весна-раннее лето’, *zena-* ‘позднее лето-осень’, *kast-* / *kist-* ‘голод’).

Таблица 3

Без <i>-nt-</i>	<i>-nt-</i>	Без <i>-nt-</i>	<i>-nt-</i>	Без <i>-nt-</i>	<i>-nt-</i>	Без <i>-nt-</i>	<i>-nt-</i>
N. —	<i>gimmanza</i>	—	<i>hameshanza</i>	—	<i>zenanza</i>	<i>kāsza</i> , <i>kaszas-a</i> ¹⁵	—
G. —	<i>gimmantas</i>	<i>hamēshas</i>	<i>hameshandas</i>	<i>zēnas</i>	<i>zenandas</i>	—	—
D.-L. <i>gimmi</i> , <i>gimi</i>	<i>gimmanti</i>	<i>hameshi</i>	<i>hameshanti</i>	<i>zēni</i>	<i>zenanti</i>	<i>kasti</i>	—
A. —	<i>kimmantan</i>	<i>hameshan</i>	<i>hameshantan</i>	—	—	<i>kastan</i>	—
I. —	—	—	—	—	—	<i>kasstit-a</i>	<i>kistantit</i> ¹⁶
Ab. —	—	—	—	—	—	—	—

Имя *kast-* относится к общему роду, родовая же принадлежность *gimm-*, *hamesha-*, *zēna-* неизвестна. Суф. *-nt-* здесь явно служит для перевода этих имен в одушевленный род. Заслуживает внимания то, что именно такие имена морфологически активны.

Формы датива-локатива без *-nt-* выступают в качестве наречий: *hameshi / zeni / gimi kisari* ‘это случается весной / осенью / зимой’. Как подлежащие же функционируют формы с *-nt-*: *mān hameshanza / zenenza / gimanza kisari* ‘весна / осень / зима настает’. В ведическом санскрите можно наблюдать похожую картину: имена времен года без суф. *-nt-* обозначают только соответствующее время, с суффиксом — также времена, выступающие как потенциально активные сущности. С одной стороны — *vásar* ‘весной’, *heman* ‘зимой’, с другой — *śatām jiva śarādo vārdhamantaḥ śatām hemantan chatām u vasantan* (X 161, 4) ‘(пусть) живут сто лет процветающих, сто зим, сто весен’. Суф. *-nt-* в ведическом вовсе не грамматикализован; снабженные им имена *hemantaḥ*, *vasantaḥ* свободно сочетаются с *śarādaḥ*.

В общем, ни хеттский суф. *-ant-*, ни его прототип не отражают доминантивного прошлого в праиндоевропейском. Скорее, можно говорить о том, что в хеттском этот именной индивидуализирующий персонифицирующий суффикс стал более грамматичным, чем в праиндоевропейском. Это, в полном согласии с теорией смешанных типов языка, создало конструкции, напоминающие активный строй предложения. В последнем по времени описании этого суффикса Ф. Юзефсон [Josephson 2004] выделяет следующие его функции: индивидуальная и топикализующая. Так автор разъясняет разницу между *murtanza / murta* ‘род древесины’ в тексте из Машата, ср.:

- (51) ХЕТТСКИЙ
 а. *zik-mu mzus ŠEŠ.DUG.G[A-YA] murtanza EGIR-pa... hatrai* (72 rev. 34 ff.)
 ‘ты, брат мой Цус, пиши мне на тему *m.*’;
 б. *nasta murta tuelma karassandu* (obv. 9)
 ‘и твою *m.* пусть они спилят’.

Таким образом, Юзефсон видит здесь обособление, выделение имени с помощью суф. *-ant-* как потенциально субъектного. В сочетании с прилагательными он тоже придает им оттенок индивидуализации, ср.:

¹⁵ *-a* — утвердительный постфикс ‘и’.

¹⁶ Основа со ступенью *-e-* производна, как и *uitenant-* от *uatar*.

(52) ХЕТТСКИЙ

а. *dannarandan* DUG.GAL *harzi* (KUB XX 25 obv. 11—12)
 ‘он держит бокал пустым’;

б. III GAL GIR₄ *dannaras danzi nu 1-EN* GAL GIR₄ *IŠTU GEŠTIN sunanzi* (KBo II 4 II 7—8)
 ‘берут три пустых бокала и одну вином наполняют’.

На этом примере остановимся несколько подробнее. Ф. Юзефсон видит здесь «специализирующее» значение суф. *-ant-*; из его примера и интерпретации (*dannarandan* ‘an empty one’ при наличии определяемого) следует только то, что прилагательное приобрело оттенок предикативности. Видимо, это развитие значения единичности и особости.

Интересной особенностью хеттского, как мы отмечали, является наличие пассивных причастий на *-nt-*. Очевидно, это значение, при всех его противоречиях с данными других языков, является развитием общей идеи принадлежности, которая просматривается в этом суффиксе. Ср. **ker-* ‘рог’ — нем. *Rind* (< **kr-ent-*) ‘рогатый скот’, др.-инд. *jarant-* (греч. *ῥέρον, οντος*) ‘старик’ (*járati* ‘разрушать, делать хрупким, старым’), лит. *lŷnanti dienà* ‘дождливый день’; см. подробнее [Watkins 1969: 142—145; Schmalstieg 1984: 11]. Эти авторы полагают, что хеттский сохраняет здесь архаизм, однако Г. Курцова [Kurzová 1999: 511—512] справедливо указывает на то, что отглагольные имена часто оказываются амбивалентными в отношении диатезы¹⁷.

Вообще для анализа значения суф. *-ant-* в хеттском полезно вспомнить теоретические основы изучения словообразования, выработанные в рамках Московской фортунаговской школы. Существуют две разновидности словообразования: **деривация**, или создание слов для новых понятий, и **моция**, или создание слов для иных классов известных понятий [Широков 2003: 261 и сл.]. К моционному типу словообразования относятся: имена с уменьшительно-ласкательным суффиксом, имена со значением существ иного пола: *кум* — *кума*, *лис* — *лиса* / *лисица*, *продавец* — *продавица*. Сюда же можно отнести и супплетивизмы типа *брат* — *сестра*, *мать* — *отец*. Между дериватами и моционными формами нет непроходимой границы. Если имя *венгерка* обозначает женщину венгерской национальности, то оно связано с словом *венгр* отношениями моции. В значении же ‘слива’, ‘род танца’, ‘куртка со шнурами’ оно является безусловным дериватом. И именной суф. *-ant-* в хеттском может быть охарактеризован как моционный, переводящий имена из среднего рода в общий. Но он может выступать и в качестве деривационного: *utne* (ср. р.) ‘страна’, а производное *utneiiant* и может означать ‘страна’ (общ. р.) и ‘население’.

2.8.2. Вопрос о хеттской эргативной конструкции специально рассматривался в статье А. Гаррета [Garrett 1990], который пришел к выводу о переосмыслении здесь инструментала, именуя таковым, впрочем, аблатив. Логика Гаррета такова: форма в данном падеже выражает именно орудийную функцию, что характерно для неодушевленных имен при предложениях с неактивными (неодушевленными) субъектами: хетт. *n-at uitenanza parkunuzi* ‘это водой очищается’ → *n-at uitenanza parkunuzi* ‘это вода очищает’. Заметим, что форма *uitenanza* — это и не аблатив. Однако пока оставим эти возражения для того, чтобы оценить идеи Гаррета в целом. Он исходит из того, что инструменталь при переходных глаголах играет роль добавочного действия и при трансформации может сделаться основным деятелем:

(53) *John opened the door with the key* → *The key opened the door.*
 ‘Джон открывает ключом дверь’ → ‘Ключ открывает дверь’.

¹⁷ Таким образом, развитие из одной формы глаголов как действительного, так и страдательного залога демонстрируют не только реконструированные тематические протоглаголы типа **lik^ué* (у Куриловича) или **g^hené* (у Уоткинса), но и вполне реальные причастия с суф. *-nt-*. Сюда же можно прибавить и герундий в английском.

Такие имена орудий и переосмысляются как эргатив. А. Хэррис и Л. Кэмпбелл возражают против его утверждения о том, что подобную трансформацию имена могут претерпеть только при переходных глаголах, указывая на ее возможность и при абсолютном употреблении подобных глаголов [Harris, Campbell 1995: 420]:

(54) а. *John writes with the pen* → *This pen writes well.*
 ‘Джон пишет ручкой’ → ‘Эта ручка пишет хорошо’.

б. *John cuts with the dull knife* → *This dull knife cuts poorly.*
 ‘Джон режет тупым ножом’ → ‘Этот тупой нож режет с трудом’.

Заметим также, что подлежащие в трансформированных предложениях суть орудийные имена, но стоят отнюдь не в творительном падеже. Он выражен предлогом *with*. Очевидно, Гаррет понимает инструментальность шире — как имманентную характеристику орудийных имен. Но хеттский суф. *-ant-* трудно охарактеризовать как орудийный. По-видимому, для этого эргатива приходится признать типологически редкий путь развития: 1) позиция субъекта переходного глагола возможна только для имен общего (одушевленного) рода (не обязательно обозначающих одушевленные сущности!), 2) суф. *-ant-* переводит неодушевленные имена в разряд одушевленных. Другими способами могли быть тематизация (с прибавлением флексии общего рода *-s*) и словосложение основы косвенного падежа с именем *sepa* ‘дух’. Как видим, перед нами наглядный пример граматикализации: превращение словообразовательного суффикса и отдельного слова в словоизменительную морфему.

2.9. В упоминавшейся статье Б. Дринки наряду с критическими замечаниями в адрес теории активного строя содержится и осторожное признание его возможности [Drinka 1999]. По мнению исследователя, в праиндоевропейском могло иметь место нечто вроде «расщепленной активности» (*split activity*), по аналогии с расщепленной эргативностью. Ее следы автор находит в морфологии индоевропейского перфекта. Эту категорию Б. Дринка восстанавливает по схеме Э. Ноя [Neu 1968b; 1976]. Согласно Ною, первичная оппозиция индоевропейского глагола была не аспектуальной, а залоговой: актив противопоставлялся перфекту-стативу. Затем вместе с развитием оппозиции первичных и вторичных окончаний в активе, в системе перфекта-статива тоже развилась оппозиция презенса и не-презенса. Она выразилась в смене тембра гласного, см. таблицу 4.

Таблица 4

Число и лицо	Древняя стадия		Новая стадия			
	Актив	Перфект	Актив		Перфект	
			Презенс	Не-презенс	Презенс	Не-презенс
1 ед. ч.	*-m	*-Ho	*-mi	*-m	*-Ha	*-Ho
2 ед. ч.	*-s	*-tHo	*-si	*-s	*-tHa	*-tHo
3 ед. ч.	*-t	*-o	*-ti	*-t	*-e	*-o
3 ед. ч.	*-nt	*-ro	*-nti	*-nt	*-Vr	*-or

Б. Дринка считает, что перфект-статив мог первоначально сочетаться с неактивным субъектом. Следы стативного перфекта достаточно хорошо известны; они неоднократно описывались в классических работах [Wackernagel 1904; Renou 1925; Chantraine 1927; Перельмутер 1977]: это непереходные перфекты, образованные от переходных глаголов, ср. ведийск. *tanóti* ‘тянуть’ — *tatāna* ‘он вытянут’, *vindāti, cétati* ‘находить’ — *véda, cikéta* ‘он знает’, *juṣāti* ‘вкусать’ — *jujōṣa* ‘он наслаждается’; также перфекты с ярко выраженной стативной семантикой *cakāna* ‘он подобен’, *bibhāya* ‘он боится’, *tasthau* ‘он неподвижен’, *śasrāya* ‘он оставлен’, *anaśa* ‘он имеет’, *babhūva* ‘он есть’ (*bhāvati* ‘становиться’). Ср. об этом [Kiparsky 1998; Kümmel 2000]. Довольно много таких перфектов в древнегреческом: *φθειρω*

‘разрушать’ — *ἔφθορα* ‘он разрушен’, *ἄλλυμι* ‘губить’ — *ἄλωλα* ‘я погиб’, *τεύχω* ‘строить’ — *τετευχώς* ‘построенный’, *πείθω* ‘убеждать’ — *πέποιθα* ‘я убедился’; см. ранее перфект *ἔρωρε*. В подтверждение распространенного мнения о развитии специфически перфектного значения завершенности из стативного Б. Дринка приводит данные из североамериканского языка мохаук. Здесь перфекты, обозначающие состояние, возникшее в результате прошедшего действия, маркируются префиксом *wa-*, характерным для глаголов, обозначающих неконтролируемый процесс: мохаукск. *wa-k-ah-tʰuue* ‘я ушел’ (перфект) — *wa-k-enhra:thʰ* ‘я сероволос’, *uk-wa-tʰhré:ʔuehskeʔ* ‘я овдовел(а)’. Подобно праиндоевропейскому, показатель стативности здесь распространяется от собственно стативных глаголов на глаголы, обозначающие события в прошлом как источник положения дел в настоящем.

Другой след возможной активной конструкции предложения Б. Дринка видит в медиальном залоге глагола, полагая, что ряд глаголов со значением активного действия и существования относятся к категории *activa tantum* (‘быть, идти, есть’), тогда как стативные глаголы (‘рождаться, владеть, наслаждаться’) — это *media tantum* [Бенвенист 1974]¹⁸. И Э. Бенвенист в своей классической работе делает вывод о том, что медиальный залог означает, что действие — это нечто внутреннее по отношению к субъекту. Попутно отметим, что некоторые глагольные семы могут быть связаны как с *activa*, так и с *media tantum*: греч. *εἶμι* ‘идти’ лишено медиального залога, а *ἔρχομαι* — активного. В латыни хорошо известны отложительные глаголы *gradior* ‘шагать’, *utor* ‘пользоваться’. Среди таких глаголов встречаются вполне переходные: греч. *δέχομαι* ‘брать’. Это обстоятельство было очень удачно объяснено Ю. С. Степановым [1989], который показал, что группа глаголов *media tantum* была образована двумя категориями: с одной стороны, стативными глаголами, с другой — глаголами, обозначающими действие или процесс, важный для человека; ср. [Bakker 1994]. Они могут быть вполне активны, и их значение сопоставимо с так называемым медиум заинтересованного лица типа греч. *θύεται*, др.-инд. *yájate* ‘он совершает жертвоприношение’. С точки зрения Б. Дринки, опирающейся на большую лингвистическую традицию, медиальная флексия происходит из перфектной, подвергшейся влиянию активного залога [Drinka 1999: 483—485]. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

2.10. Прежде всего, разделение перфекта на претеритальный с флексиями **-Ho*, **-tHo*, **-o* и презентный (**-Ha*, **-tHa*, **-e*) не мотивировано фактами ни одного индоевропейского языка. Окончание **-e* представлено в греческом перфекте, его следы находят и в латыни; **-o* — в хеттском медиопассиве спряжения на *-hi*, окончания которого, по общему мнению, отражают именно индоевропейский перфект. Кроме того, в древнегреческом и восточнобалтийском тематическом презенсе, который также связан с перфектом, 3 л. ед. ч. также обнаруживает вариации, не связанные с временной оппозицией: греч. *-ei* vs. лит. *-a* < **-o*.

Далее, происхождение медиальных флексий из перфектных вызывает серьезные сомнения как с формальной, так и с семантической точки зрения. По мнению Ноя (см. также [Neu 1967; 1968a; 1968b]), презентный медиум образовался от презентного перфекта, и поэтому его флексии выглядят как **(m)ai*, **-sai*, **-tai* (греч. *-μαι*, *-σαι*, *-ται*, др.-инд. *-e*, *-se*, *-te*), а непрезентный — от претеритального перфекта, поэтому окончание 2 л. выглядит как **-so* (греч. *-σο*, др.-инд. *-sa*), а 3 л. — **-to* (*-το*, *-ta*). Итак, не сохранившись в перфекте, темпоральная оппозиция наглядна в производных формах медиума, что само по себе несколько странно. Древнеиндийское *-se*, *-te* может восходить как к **-sai*, **-tai*, так и к **-soi*, **-toi*.

¹⁸ Исправим попутно некоторые неточности в списке Бенвениста: греч. *ἔδει* ‘он ест’ вовсе не *activum tantum*: в аттическом диалекте гораздо больше распространено медиальное *ἔδομαι*; тем более не является всегда активным др.-инд. глагол *dadāti* ‘давать’: в Ригведе представлены медиальные формы *dhatte*, *dadhate*, *dade*. Первая означает, как правило, ‘принимать, приобретать’, вторая — ‘сохранять (где-либо)’, третья — ‘быть данным’. Также греч. *ἔπομαι* ‘следовать’, однокоренной глагол к др.-инд. *sacate*, лат. *sequor*, приводимым Бенвенистом, имеет активный аналог *ἔπω* ‘хлопотать, быть занятым’ (правда, не все этимологи убеждены в родстве этих глаголов).

В древнегреческом же наряду с *-tai* имеется аркадо-кипрская флексия *-toi*. Она отличается от претеритальной только наличием маркера презенса *-i*. Именно поэтому М. С Руиперес [Ruiperez 1952] предположил, что ахейские диалекты сохранили исконное окончание медиального залога. Через год были расшифрованы крито-микенские таблицы, где в языке XV в. до н. э. медий выражался исключительно флексией *-to* (*-toi*). Ной полагает, что эта флексия развилась из *-tai* благодаря последовательному сужению гласных в аркадо-кипрских диалектах, и приводит кипрский опптив *kenoitu* (= *genoitu*, общегреч. *γένοιτο*) ‘пусть станет’, аркад. *ωνεσαντω* = *ωνήσαντο* ‘они помогли’. В других диалектах сузившиеся гласные дифтонга перешли в передний ряд: общегреческое *-tai*, *-vtai* > беотийское *-θη/-τη*, *-vθη/-vτη*, фессалийское *-τει*, *-vτει*. Действительно, стяжение *o > u* в ахейских диалектах засвидетельствовано: аркад. *ἀλύ*, микенская приставка *apu* — общегреческое *ἀλό*. Но переход *ai > oi* как будто ни в одном диалекте не отражен. В ахейских (аркадо-кипрском и микенском) диалектах засвидетельствован инфинитив медиопассива *-σθαι* и аориста *-σαι*, хотя, согласно постулированному Ноем процессу, они должны были бы выглядеть как **-σθοι*, **-σοι*. Вообще, переход *o > u* вовсе не предполагает аналогичного *ai > oi*: ср. лат. *lupos > lupus*, но *aquai > aquae*. Таким образом, все возражения Ноя против исконности ахейского *-toi* не выглядят убедительно.

2.11. Так же сомнителен и другой тезис: медиальная флексия происходит из перфектной. Он восходит к высказывавшимся в начале 30-х гг. XX в. Стангом [Stang 1932] и Куриловичем [Kurýłowicz 1932] идеям о том, что медий — это «перфект в презенсе» (то есть настоящее время и особая стативная диатеза). Но это утверждение недостаточно мотивировано. Перфектно-презентные глаголы хорошо известны в германских языках, они действительно обозначают, как правило, внутреннее состояние субъекта (в этом смысле их можно назвать носителями «перфектной диатезы»), но их морфология ничего общего не имеет с медиопассивом. То же можно сказать и о латинских и греческих *perfecta tantum*, обозначающих процесс или состояние отнесенное к настоящему: греч. *οἶδα* ‘знаю’, *ἀνωγα* ‘приказываю’, лат. *memini* ‘помню’, *odi* ‘ненавижу’.

Семантика медиа вовсе не ограничивается непереходностью и стативностью: даже на примере *media tantum* мы видим, что это не совсем так. Напротив, более обоснованной представляется та точка зрения, согласно которой медий обозначает, прежде всего, заинтересованность субъекта в действии: это и самонаправленное действие, или прямо-возвратный залог (*я моюсь* = *я мою себя*), действие, совершаемое в свою пользу (греч. *λοβομαι τὰς χεῖρας* ‘я мою себе руки’), действие, обозначающее устойчивый признак субъекта (*человек ругается*; *курица несется*; греч. *πολιτεύομαι* ‘быть гражданином’ в отличие от активного *πολιτεύω* ‘жить в полисе’). Г. Хирт [Hirt 1907] четко показал, что медий образован из актива посредством передвижения акцента с корня на последний гласный флексии (**-t vs. *-tō*¹⁹). Это ударное окончание и стало базой медиальной парадигмы. А. Эрхарт [Erhart 1975; 1989], Р. Штемпель [Stempel 1996] и автор этих строк [Красухин 1987] связали это передвижение с базовой семантикой медиа: выражение действия, в котором заинтересован сам субъект²⁰. Медий на **-tō* не происходит из перфекта, а сближается с ним в некоторых функциях (обозначение непереходных глаголов и глаголов состояния).

Таким образом, ни морфология, ни семантика индоевропейского медиа не несет каких-то специфических отпечатков активного строя. Происхождение флексии **-tō* из **-t_(o)*,

¹⁹ Ср. др.-инд. *śṛṇóti* ‘слышать’ — *śṛṇutē* ‘прислушиваться’ (*indro dhūnim ca cūmurim ca dambhāyāi chraddhāmanasyā śṛṇute dabhūṭaye* (RV X 113, 9) ‘Индра, Дхуни (дымящегося) и Чумури сокрушая, к Дабхити прислушивается’); *ácat* ‘он наблюдал’ (*yadā samaryām ví aced jghāvā* (IV 24, 8) ‘когда он, неистовый, взглянул на битву’) — *cítē* ‘показывается’ (*cítē tgád vām surādhasā rāṭih sumatir aśvinā* (X 143, 4) ‘Показывается вам, щедрые Ашвины, дар и благоволение’).

²⁰ Обзор всей проблематики праиндоевропейского медиа увел бы нас слишком далеко. См., помимо указанных в тексте, работы [Перельмутер 1977; 1995; Fox, Hopper 1994].

помимо наглядности оппозиции типа *ádhāt / ádhita* (с четкой параллелью в беотийском *αυεθε* / греч. *ἔθετο*), подтверждается и несомненной параллелью с именными суффиксами, где **-t-* обозначает имя деятеля, **-tó-* — страдательное причастие (*śrnóti* ‘слышать’ — *devaśrūt* ‘слушающий бога’, *śrutáh* ‘слышный’). Отметим также ряд весьма удачных, на наш взгляд, попыток подвергнуть критике реконструкцию эргативного строя в праиндоевропейском. Так, А. Рамси полагает, что полное отсутствие эргативной конструкции в большинстве индоевропейских языков свидетельствует о том, что субъектно-объектные отношения выражались совершенно иначе: порядком слов (уровень предложения, *phrase level*), собственно морфологией (уровень слова, *word level*). Эргативная же конструкция предполагает согласование на уровне синтагмы (*clause level*); следов этого в индоевропейских языках нет [Rumsey 1987: 315]; см. также [Villar 1990].

3. Заключение

Итак, суммируем. Во-первых, в праиндоевропейской реконструкции невозможно выявить зависимость субъекта предложения от типа глагола. Во-вторых, в некоторых новых индоевропейских языках развилась расщепленная эргативность на базе пассивных причастий перфекта, что надо считать поздним явлением. В-третьих, эргативные черты хеттского языка довольно своеобразны, но их нельзя проецировать на праиндоевропейский уровень. Таким образом, не найдено оснований для восстановления неноминативного строя в индоевропейском предложении²¹.

В заключение отметим, что существует попытка представить предложения с субъектом в косвенном падеже, имеющиеся во многих индоевропейских языках, как аналог или наследие активного или эргативного строя предложения. Этой проблеме, а также генезису эргативного строя мы надеемся посвятить специальную публикацию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABS — абсолютив
 ERG — эргатив
 INSTR — инструменталис
 PRET — претерит
 SUB — субъект (показатель субъектного спряжения)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бадер 1989 — Бадер Ф. Флексии сигматического аориста // Новое в зарубежной лингвистике. 1989. Вып. XXI: Новое в зарубежной индоевропеистике. С. 331—350. [Bader F. Flexions of the sigmatic aorist // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. 1989. No. XXI: *Novoe v zarubezhnoi indoeuropeistike*. Pp. 331—350.]
- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. [Benveniste É. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress, 1974.]
- Гак 1972 — Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Шаумян С. К. (ред.). Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 367—395. [Gak V. G. On the problem of semantic syntagmatics. *Problemy strukturnoi lingvistiki 1971*. Shaumyan S. K. (ed.). Moscow: Nauka, 1972. Pp. 367—395.]
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. [Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropskii yazyk i indoeuropeitsy* [The Indo-European language and the Indo-Europeans]. In 2 vol. Tbilisi: Tbilisi Univ. Publ., 1984.]

²¹ Ряд проблем эргативной конструкции в протоиндоевропейском и анатолийских языках рассматривается также в работах [Sylvain 2007; Bavant 2008; Melchert 2011; Шацков 2011; Goedgedbuure 2012].

- Елизаренкова 1967 — Елизаренкова Т. Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках // Жирмунский В. М. (отв. ред.). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. С. 116—125. [Elizarenkova T. Ya. The ergative structure in Modern Indian languages. *Ergativnaya konstruktziya predlozheniya v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunskii V. M. (ed.). Leningrad: Nauka, 1967. Pp. 116—125.]
- Елизаренкова 1989—1999 — Елизаренкова Т. Я. (перев. и комм.). *Ригведа*. В 3 т. (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1989—1999. [Elizarenkova T. Ya. (transl. and comments). *The Rigveda*. In 3 vol. (Ser. «Literaturnye pamyatniki».) Moscow: Nauka, 1989—1999.]
- Климов 1973 — Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М.: Наука, 1973. [Klimov G. A. *Ocherk obshchei teorii ergativnosti* [An outline of the general theory of ergativity]. Moscow: Nauka, 1973.]
- Климов 1977 — Климов Г. А. Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977. [Klimov G. A. *Tipologiya yazykov aktivnogo stroya* [A typology of languages with active structure]. Moscow: Nauka, 1977.]
- Климов 1983 — Климов Г. А. Принципы контенсивной типологии. М.: Наука, 1983. [Klimov G. A. *Printsipy kontensivnoi tipologii* [Principles of contentive typology]. Moscow: Nauka, 1983.]
- Красухин 1985 — Красухин К. Г. К истокам и функции индоевропейского родительного падежа // Вестник Московского университета, Серия 9 «Филология». 1985. № 3. С. 78—85. [Krasukhin K. G. On the origin and function of the Indo-European genitive. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. «Filologiya»*. 1985. No. 3. Pp. 78—85.]
- Красухин 1987 — Красухин К. Г. К вопросу о взаимоотношении индоевропейского активного и среднего залога // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 21—32. [Krasukhin K. G. On the correlation of the Indo-European active and medium voices. *Voprosy jazykoznanija*. 1987. No. 6. Pp. 21—32.]
- Красухин 1990 — Красухин К. Г. Некоторые проблемы реконструкции индоевропейского синтаксиса (в связи с выходом книги Ю. С. Степанова «Индоевропейское предложение») // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 71—84. [Krasukhin K. G. Some problems of syntactic reconstruction in Indo-European. *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 6. Pp. 71—84.]
- Красухин 2005 — Красухин К. Г. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М.: Наука, 2005. [Krasukhin K. G. *Ocherki po rekonstruktsii indoeuropeiskogo sintaksisa* [Essays on reconstruction of the Indo-European syntax]. Moscow: Nauka, 2005.]
- Красухин 2013 — Красухин К. Г. К вопросу о строе предложения индоевропейских языков // Демьянков В. З., Азарова Н. М., Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. (ред.). Языковые параметры современной цивилизации: Сборник трудов первой научной конференции памяти академика Ю. С. Степанова. М.: Институт языкознания РАН, ИП Шилин И. В. («Эйдос»), 2013. С. 116—126. [Krasukhin K. G. On sentence structure in the Indo-European languages. *Jazykovye parametry sovremennoi tsivilizatsii: Sbornik trudov pervoi nauchnoi konferentsii pamyati akademika Yu. S. Stepanova*. Dem'yanov V. Z., Azarova N. M., Feshchenko V. V., Bochaver S. Yu. (eds.). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, IP Shilin I. V. («Eidos»), 2013. Pp. 116—126.]
- Перельмутер 1977 — Перельмутер И. А. Общендоевропейский и греческий глагол. Л.: Наука, 1977. [Perel'muter I. A. *Obshcheindoeuropeiskii i grecheskii glagol* [The Proto-Indo-European and the Greek verb]. Leningrad: Nauka, 1977.]
- Перельмутер 1995 — Перельмутер И. А. Залог древнегреческого глагола. СПб.: Институт лингвистических исследований, 1995. [Perel'muter I. A. *Zalog drevnegrecheskogo glagola* [The voice of the Ancient Greek verb]. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, 1995.]
- Пирейко 1967 — Пирейко Л. А. К вопросу об эргативной конструкции в иранских языках // Жирмунский В. М. (отв. ред.). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. С. 135—141. [Pireiko L. A. On the ergative structure in Iranian languages. *Ergativnaya konstruktziya predlozheniya v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunskii V. M. (ed.). Leningrad: Nauka, 1967. Pp. 135—141.]
- Савченко 1967 — Савченко А. Н. Эргативная конструкция в праиндоевропейском языке // Жирмунский В. М. (отв. ред.). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. С. 74—91. [Savchenko A. N. The ergative structure in the Proto-Indo-European language. *Ergativnaya konstruktziya predlozheniya v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunskii V. M. (ed.). Leningrad: Nauka, 1967. Pp. 74—91.]
- Савченко 1974 — Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Высшая школа, 1974. [Savchenko A. N. *Sravnitel'naya grammatika indoeuropeiskikh yazykov* [A comparative grammar of the Indo-European languages]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1974.]

- Степанов 1989 — Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Высшая школа, 1989. [Stepanov Yu. S. *Indoeuropeiskoe predlozhenie* [The Indo-European sentence]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1989.]
- Тронский 1967 — Тронский И. М. О доминативном прошлом индоевропейских языков // Жирмунский В. М. (отв. ред.). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. С. 91—95. [Tronskii I. M. On the prenominal past of the Indo-European languages. *Ergativnaya konstruktziya predlozheniya v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunskii V. M. (ed.). Leningrad: Nauka, 1967. Pp. 91—95.]
- Уленбек 1950 — Уленбек Х. К. Agens и Patiens в праиндоевропейском // Кондрашов Н. А. (ред.). Эргативная конструкция предложения. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. С. 101—103. [Uhlenbek Ch. C. Agent and Patient in Proto-Indo-European. *Ergativnaya konstruktziya predlozheniya*. Kondrashov N. A. (ed.). Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1950. Pp. 101—103.]
- Фридрих 1952 — Фридрих Й. Краткая грамматика хеттского языка. М.: ИИЛ, 1952. [Friedrich I. *Kratkaya grammatika khettskogo yazyka* [A concise Hittite grammar]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Чикобава 1952 — Чикобава А. С. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1952. [Chikobava A. S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to the study of language]. Moscow: Uchpedgiz, 1952.]
- Шацков 2011 — Шацков А. В. Эргативный падеж в хеттском языке // Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. VII. № 1: Colloquia Classica et Indo-Germanica V. СПб.: Наука, 2011. С. 143—152. [Shatskov A. V. The ergative case in Hittite. *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvicheskikh issledovaniy RAN*. Vol. VII. No. 1: *Colloquia Classica et Indo-Germanica V*. Kazanskii N. N. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2011. Pp. 143—152.]
- Широков 2003 — Широков О. С. Языковедение: Введение в науку о языке. М.: Добросвет, 2003. [Shirokov O. S. *Yazykovedenie: Vvedenie v nauku o yazyke* [Linguistics: Introduction to the study of language]. Moscow: Dobrosvet, 2003.]
- Шмальstieg 1989 — Шмальstieg В. Р. Морфология глагола // Новое в зарубежной лингвистике. 1989. Вып. XXI: Новое в зарубежной индоевропейистике. С. 262—330. [Schmalstieg W. R. Verbal morphology. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. 1989. No. XXI: *Novoe v zarubezhnoi indoeuropeistike*. Pp. 262—330.]
- Bakker 1994 — Bakker E. J. Voice, aspect, and Aktionsart: Middle and Passive in Ancient Greek. *Voice: Form and function*. Fox B. A., Hopper P. J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 23—48.
- Bavant 2008 — Bavant M. Proto-Indo-European ergativity... still to be discussed. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*. 2008. Vol. 44. No. 4. Pp. 433—447.
- Beekes 2011 — Beekes R. S. P. *Comparative Indo-European linguistics: An introduction*. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Chantraine 1927 — Chantraine P. *Histoire du parfait grec*. Paris: Klincksieck, 1927.
- Dahl 2010 — Dahl E. *Time, tense and aspect in Early Vedic grammar: Exploring inflectional semantics in the Rigveda*. Leiden: Brill, 2010.
- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity. *Language*. 1979. Vol. 55. No. 1. Pp. 59—138.
- Dixon 1994 — Dixon R. M. W. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Drinka 1999 — Drinka B. Alignment in Early Proto-Indo-European. *Language change and typological variation: In honor of Winfred P. Lehmann on the occasion of his 83rd birthday. Vol. II: Grammatical universals and typology*. (JIES Monographs 31.) Washington D.C.: Institute for the Study of Man. Pp. 484—500.
- Erhart 1975 — Erhart A. Der indoeuropäische Akzent und seine Funktionen. *Studia Minora Facultatis Philologicae Universitatis Brunensis*. 1975. Bd. 22/23. S. 19—29.
- Erhart 1989 — Erhart A. *Das indoeuropäische Verbalsystem*. Brno: Universita L. E. Perkuně, 1989.
- Fox, Hopper 1994 — Fox B. A., Hopper P. J. (eds.). *Voice: Form and function*. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Friedrich, Kammenhuber 1978 — Friedrich J., Kammenhuber A. *Das hethitische Wörterbuch*. Bd. I. Heidelberg: Carl Winter, 1978.
- Garrett 1990 — Garrett A. The origin of NP split ergativity. *Language*. Vol. 66. No. 2. Pp. 261—296.
- Geldner 1951—1957 — Geldner K. F. *Der Rig-Veda, aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt, und mit einem laufenden Kommentar versehen*. 4 vols. (Harvard Oriental Series 33—36.). Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1951—1957.
- Georgiev 1975 — Georgiev V. I. Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien. *Balkansko ezikoznanie*. 1975. Bd. 18. No. 3. S. 5—56.

- Goedgedbuure 2013 — Goedgedbuure P. Split-ergativity in Hittite. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*. 2013. Bd. 102. No. 2. S. 270—303.
- Gonda 1957 — Gonda J. The character of the Sanskrit Accusative. *Miscelánea homenaje a André Martinet "Estructuralismo e Historia"*. Catalán D. (ed.). Canarias: Biblioteca Filológica, Universidad de La Laguna. Pp. 47—65.
- Harris, Campbell 1995 — Harris A. C., Campbell L. *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
- Hirt 1907 — Hirt H. Über den Ursprung der Verbalflexion im Indogermanischen. *Indogermanische Forschungen*. 1907. Bd. 17. No. 1. S. 36—84.
- Hoffmann 1975 — Hoffmann K. Hethitisch *luk(k)-, lukki-*. Hoffmann K. *Aufsätze zur Indoiranistik I*. (Hrsg.). Wiesbaden.: Reichert, 1975. S. 251—257.
- Hoffner, Melchert 2008 — Hoffner H. A. Jr., Melchert C. H. *A grammar of the Hittite language. Part 1: Reference Grammar*. Winona Lake (IN): Eisenbrauns, 2008.
- Josephson 2004 — Josephson F. Semantic and typology of Hittite *-ant*. *Indo-European word formation: Proceedings of the conference held at the University of Copenhagen, October 20th — 22nd 2000*. Clackson J., Olsen B. A. (eds.). Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2004. Pp. 91—118.
- Kiparsky 1998 — Kiparsky P. Aspect and event structure in Vedic. *The Yearbook of South Asian Studies and Linguistics 1998*. Singh R. (ed.). London: Sage Publ. Pp. 29—61.
- Kloekhorst 2008 — Kloekhorst A. *Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon*. Leiden: Brill, 2008.
- Kølln 1969 — Kølln H. *Opposition of voice in Greek, Baltic, and Slavic*. København: Munksgaard, 1969.
- Krasuchin 1996 — Krasuchin K. G. Studien zur Beziehungen zwischen indoeuropäischen Verben und Nomina. *Indogermanische Forschungen*. 1996. Bd. 101. S. 28—48.
- Krasukhin 2012 — Krasukhin K. G. Indo-European conjugation: History and pre-history. *The Indo-European verb: Proceedings of the conference of the Society for Indo-European Studies, Los Angeles 13—15 September 2010*. Melchert C. H. (ed.). Wiesbaden: Reichert, 2012. Pp. 179—189.
- Kronasser 1966 — Kronasser H. *Etymologie der hethitischen Sprache. Bd. 1: Zur Schreibung und Lautung des Hethitischen. Wortbildung des Hethitischen*. Wiesbaden: Otto Harassowitz, 1966.
- Kuryłowicz 1932 — Kuryłowicz J. Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. Vol. 33. Pp. 2—4.
- Kuryłowicz 1956 — Kuryłowicz J. *L'apophonie en indo-européen*. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1956.
- Kurzová 1999 — Kurzová H. Syntax in Indo-European morphosyntactic type. *Language change and typological variation: In honor of Winfred P. Lehmann on the occasion of his 83rd birthday. Vol. II: Grammatical universals and typology*. (JIES Monographs 31.) Washington D.C.: Institute for the Study of Man. Pp. 501—520.
- Kümmel 2000 — Kümmel M. J. *Perfekt im Indoiranischen*. Wiesbaden: Otto Harassowitz, 2000.
- Laroche 1962 — Laroche E. Un "ergatif" en Indo-European d'Asie Mineure. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. Vol. 57. Pp. 23—43.
- Lehmann 1993 — Lehmann W. P. *Theoretical bases of Indo-European linguistics*. London: Routledge, 1993.
- LIV — Rix H. (ed.). *Das Lexikon der indogermanischen Verben*. Aufl. 2. Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Melchert 2011 — Melchert C. H. The problem of the Ergative Case in Hittite. *Grammatical case in the languages of Middle East and Europe. Acts of the International Colloquium "Variations, concurrence et evolution des cas dans divers domaines linguistiques", Paris, 2—4 April 2007*. Fruyt M., Mazoyer M., Pardee D. (eds.). (Studies in Ancient Oriental Civilization 64.) Chicago: The Oriental Institute, 2011. Pp. 161—167.
- Neu 1967 — Neu E. Die Bedeutung der Hethitischen für die Rekonstruktion des frühindogermanischen Verbalystems. *Indogermanische Forschungen*. 1967. Bd. 72. S. 221—238.
- Neu 1968a — Neu E. *Hethitischer Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen*. Wiesbaden: Otto Harassowitz, 1968.
- Neu 1968b — Neu E. *Interpretation der hethitischen mediopassiven Verbalformen*. Wiesbaden: Otto Harassowitz, 1968.
- Neu 1976 — Neu E. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalystems. *Studies in Greek, Italic, and Indo-European linguistics offered to Leonard R. Palmer*. Murpurgo-Davies A., Meid W. (eds.). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck, 1976. Pp. 239—254.
- Neu 1980 — Neu E. *Studien zum endungslosen "Lokativ" des Hethitischen*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck, 1980.
- Nichols 1992 — Nichols J. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1992.

- Pedersen 1907 — Pedersen H. Neues und Nachträgliches. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1907. Bd. 40. S. 129—217.
- Rasmussen 2000 — Rasmussen J. E. The growth of IE ablaut: Contrastive accent and Vṛddhi. *Proceedings of the Eleventh Annual UCLA Indo-European Conference, Los Angeles, June 4—5, 1999*. Jones-Bley K., Huld M. E., Della Volpe A. (eds.). Washington: Institute for the Study of Man, 2000. Pp. 231—240.
- Ruipérez 1952 — Ruipérez M. S. Desinencias medias primarias indoeuropeas sg. 1. ^a *-(m)ai, 2. ^a *-soi, 3. ^a *-(t)oi, pl. 3. ^a *-ntoi. *Emerita*. 1952. Vol. 20. Pp. 8—31.
- Renfrew 1987 — Renfrew C. *Archaeology and linguistics: The puzzle of Indo-European origins*. New York: Cambridge Univ. Press, 1987.
- Renou 1925 — Renou L. Le type védique tudāti. *Mélanges linguistiques offerts à M. J. Vendryes par ses amis et ses élèves*. Bally Ch., Basset A. (éds.). Paris: Champion, 1925. Pp. 309—316.
- Risch 1975 — Risch E. Zur Entstehung des hethitischen Verbalparadigmas. *Flexion und Wortbildung. Akten der V. Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft*. Rix H. (Hrsg.). Heidelberg: Carl Winter, 1975. S. 247—258.
- Rumsey 1987 — Rumsey A. The chimera of Proto-Indo-European ergativity. *Lingua*. 1987. Vol. 71. Pp. 297—318.
- Shields 1982 — Shields K. Jr. *Indo-European noun inflection: A developmental history*. University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1982.
- Schmalstieg 1980 — Schmalstieg W. R. *Indo-European linguistics: A new synthesis*. University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1980.
- Schmalstieg 1984 — Schmalstieg W. R. The Genitive with verbs denoting 'to fill': Partitive or Ergative? *Baltistica*. 1984. Vol. XX. No. 2. Pp. 136—140.
- Sylvain 2007 — Sylvain P. *L'alignement syntaxique dans les langues indo-européennes d'Anatolie*. Wiesbaden: Otto Harassowitz, 2007.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R. M. W. (ed.). Canberra: Australian National Univ., 1976. Pp. 112—171.
- Solta 1958 — Solta G. R. *Gedanken über nt-Suffix*. Wien: Rohrer, 1958.
- Stang 1932 — Stang Ch. Perfectum and Medium. *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*. 1932. Vol. 6. Pp. 29—39.
- Stempel 1996 — Stempel R. *Die Diathese im Indogermanischen: Formen und Funktionen des Mediums und ihre sprachhistorischen Grundlagen*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck, 1996.
- Tchekhoff 1978 — Tchekhoff C. Le double cas-sujet des inanimés: Un archaïsme de la syntaxe hittite? *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 1978. Vol. 73. Pp. 225—241.
- Teffeteller 2015 — Teffeteller A. Anatolian morphosyntax: Inheritance and innovation. *Perspectives on historical syntax*. Viti C. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2015. Pp. 155—184.
- Vaillant 1936 — Vaillant A. L'ergatif indo-européen. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 1936. Vol. 37. Pp. 93—108.
- Villar 1990 — Villar F. On the origin of person marking in Indo-European verbal system. *Baltistica*. 1990. Vol. XXVI. No. 1. Pp. 4—14.
- de Vries 1957 — de Vries J. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. II. Aufl. 2. Berlin: de Gruyter, 1957.
- Wackernagel 1904 — Wackernagel J. *Studien zum griechischen Perfekt*. Göttingen: Dieterich, 1904.
- Watkins 1969 — Watkins C. *Indogermanische Grammatik. Bd. III: Formenlehre. T. I: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion*. Heidelberg: Carl Winter, 1969.
- Watkins 1971 — Watkins C. Hittite and Indo-European studies: The denominative stative in -ē-. *Transactions of the Philological Society*. 1971. Vol. 70. Pp. 51—93.

Статья поступила в редакцию 26.02.2016.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИМЕН В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ (на мазандеранском и гилякском материале)*

© 2017

Владимир Борисович Иванов^{a, @},
Лейли Рахимовна Додыхудоева^b^a МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; ^b Институт языкознания РАН, Москва, 119009, Российская Федерация; @iranogus@mail.ru

В мазандеранском и гилякском языках традиционно постулируется три падежа: именительный (с нулевым окончанием), родительный (с показателем *-e / -ə*) и винительно-дательный (маркируемый послелогом *-re / -a* ~ перс. *-rā*). Прочие послелогии в падежную систему не включаются. В данной статье предлагается беспадеежное описание грамматики мазандеранского и гилякского языков с обратной изафетной связью и послелогии. Делается попытка связать прямой персидский изафет (характерный для юго-западных иранских языков) и обратное изафетное маркирование в мазандеранском и гилякском языках в единую систему.

Ключевые слова: гилякский язык, изафетная конструкция, клитика, косвенное дополнение, мазандеранский язык, падеж, прямое дополнение, синтаксис, фразовый аффикс

SYNTACTIC RELATIONS OF NOMINALS IN THE NORTH WESTERN IRANIAN LANGUAGES (with special focus on Mazandarani and Gilaki)

Vladimir B. Ivanov^{a, @}, Leyli R. Dodykhudoeva^b^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; ^b Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; @iranorus@mail.ru

Traditionally, three cases are postulated in Mazandarani and Gilaki, namely the nominative, the genitive (marked by *-e / -ə*) and the accusative / dative (marked by the postposition *-re / -a* ~ Persian *-rā*). Other postpositions are not included into the case system. In this article, a caseless description of the Mazandarani and Gilaki grammar with inverse ezāfe connection and postpositions is suggested. Direct, as in Persian (typical for southwestern Iranian languages), and inverse ezāfe marking as in Mazandarani and Gilaki are unified into a single system.

Keywords: case, clitic, direct object, ezāfe construction, Gilaki, indirect object, Mazandarani, phrasal affix, syntax

1. Введение

Мазандеранский и гилякский — два близкородственных языка, которые входят в северо-западную подгруппу иранских языков; на них говорят около 2,5 и 3 млн. человек соответственно.

Мазандеранский язык (МЯ) с его диалектами распространен в прикаспийской провинции Мазандеран (Иран) и ее окрестностях (древнее название провинции — Табаристан, а МЯ — табари). К числу его разновидностей относят равнинные идиомы городов: Сари,

* Исследование было поддержано грантом РФНФ № 13-04-12016в.

Баболь (Бандпей), Бабольсар, Амоль, Горган и еще около полутора десятка населенных пунктов [Kalbāsi 2009: 779]. Практически его разновидностью является также и шамерзади (в городе Шахмирзад остана Семнан) [Расторгуева, Эдельман 1982: 447; Расторгуева 1999в: 135]. Однако носители последнего не причисляют свой язык к мазандеранскому, хотя с мазандеранцами на нем устанавливают полное взаимопонимание. И. Калбаси [Kalbāsi 2009: 535] определяет его как диалект мазандеранского. В иранистике выделяют также близкий к мазандеранскому диалект велатру [Расторгуева, Эдельман 1982: 447; Расторгуева 1999а: 141], который функционирует в поселке городского типа Велаят-е Руд к северу от Караджа¹.

Гилякский язык (ГЯ) с его диалектами распространен в иранской прикаспийской провинции Гилян и ее окрестностях. В отечественной иранистике язык называется гилянским, что, на наш взгляд, не вполне корректно. Предлагается отличать топоним «гилянский» (Gilani), то есть относящийся к провинции Гилян, от этнонима «гилякский» (Gilaki), то есть относящийся к гилякам (Gilak) — самоназванию народности, населяющей Гилян. Гилянцами называют все население Гиляна независимо от национальности (гиляков, персов, талышей). Такое противопоставление, принятое в зарубежной иранистике (см. [Расторгуева 1999б: 112]), представляется более верным.

ГЯ, как и другие прикаспийские языки (мазандеранский, талышский), имеет равнинную и горную разновидности. К первой относят диалекты городов: Решт (считается ведущим диалектом ГЯ), Лахиджан, Лангеруд, Дейлеман, Астара, Энзели, Рудбар, Рудбане, Рудсар, Сияхкал, Зиябар, Казиян [Kalbāsi 2009: 744]. Между МЯ и ГЯ отмечены промежуточные варианты: в Келадаште (район г. Чалуса) и в Тонекабоне. Оба этих района административно входят в состав провинции Мазандеран. Горные варианты МЯ и ГЯ называются *gāleši* (от слова *gāleš* 'пастух')². Значительное число разновидностей МЯ (в большей степени) и ГЯ (в несколько меньшей степени) находятся в опасности исчезновения.

В монографиях известных российских и советских авторов [Арендс 1941; Пейсиков 1959; Рубинчик 2001] была разработана стройная система описания персидского синтаксиса от уровня словосочетания до уровня сложного предложения. Параллельно и независимо синтаксис иранских языков разрабатывался как в самом Иране, так и за его пределами. Из работ, выполненных на персидском языке, отметим [Nātel Xānlari 1990; Meškāt-od-Dini 1995; Faršidvard 2003; Anvari, Ahmadi Givi 2010; Bāteni 2014; Afrāši 2015].

На английском языке широко известны работы [Karimi 2003; Karimi, Brame 2012]. Большое значение для разработки конкретного вопроса о падежах в ГЯ и МЯ имеют обобщения, накопленные в процессе исследований большого числа типологически разных языков и изложенные в коллективной монографии [Malchukov, Spencer 2008]. Поскольку близкородственные юго-западные иранские языки (персидский, таджикский и дари) являются литературными и государственными, они оказывают существенное влияние на остальные языки региона. Поэтому с некоторыми оговорками и ограничениями результаты, полученные в указанных исследованиях, могут быть применены к большинству других иранских языков. В данной работе мы рассматриваем только поверхностные падежи (глубинные падежи в иранских языках — это предмет отдельного исследования).

В XIX в. И. Н. Березин увидел в ГЯ двухпадежную систему (именительный и винительный падежи; последний назывался также косвенным падежом) [Beresine 1853: 59]. В той же книге тот же автор для МЯ вводит трехпадежную систему (именительный, косвенный, дательный) [Beresine 1853: 80].

¹ Сами жители этого поселка, носители местного наречия, которых осталось очень мало, называют язык, на котором разговаривают, гилякским. На момент написания статьи нам не удалось найти определений его генетических связей в иранской лингвистической литературе.

² Согласно точке зрения, высказанной в работе [Baxšzād Mahmudi 2006: 2], фирузкухи, сангесари, мазандеранский язык и шамерзади — это диалекты гилякского языка, в то время как по словам нашего информанта из Шахмирзада, сангесари для него непонятен, а мазандеранский — понятен.

Примерно 80 годами позже двухпадежная система Березина для ГЯ была пересмотрена, и другая, трехпадежная система (именительный, родительный, винительно-дательный) была введена в западной иранистике в 1930 г. [Christensen 1930: 78]. Тем самым А. Кристенсен унифицировал падежи для ГЯ и МЯ. С тех пор эта единая для двух языков система стала считаться общепринятой.

Позже российские иранисты приняли ее практически без изменений [Пахалина, Соколова 1957³; Расторгуева и др. 1971; Керимова, Расторгуева 1975; Керимова и др. 1980; Расторгуева, Эдельман 1982; Расторгуева 1999б; 1999в] и распространили ее на велатру и шамерзади. В нее вошли следующие падежи: именительный (с нулевым окончанием), родительный (с показателем *-e / -ə*) и винительно-дательный (маркируемый послелогом *-re / -a ~ pers. -rā*). Западноевропейские иранисты с незначительными вариациями в наименовании падежей придерживаются ее и в настоящее время⁴ [Lecoq 1989: 304, 306].

Если не считать работу иранского лингвиста М. Пурхади [Purhādi 2006], который вводит дополнительный (четвертый) падеж для личных местоимений в ГЯ⁵, последние 85 лет эта система не пересматривалась. При ближайшем ее рассмотрении, однако, читатель обнаруживает аномальные черты косвенных падежей (родительного и винительно-дательного) по сравнению с их аналогами в известных падежных системах. Этим особенностям падежей в МЯ и ГЯ и посвящено дальнейшее изложение.

Данная статья написана по результатам полевого исследования, которое проводилось в 2013—2014 гг. в северных прикаспийских провинциях Ирана (Гиляне, Мазандеране, Голестане, Семнани и остане Тегерана). Когда источник примеров не указан, они либо сконструированы авторами, если это касается персидского языка, либо получены от информантов, если это касается МЯ и ГЯ.

2. Изафетная конструкция и родительный падеж

Прежде чем приступить к анализу падежной системы в северо-западных МЯ и ГЯ, остановимся на общих положениях, в том числе установленных на хорошо изученных языках, таких как родственные юго-западные персидский, таджикский, дари. По определению, падежному маркированию при именной связи подвержено зависимое слово [Плунгян 2000: 162; Blake 2004: 1].

- (1) персидский
mive-ye tāze
 фрукт-изг свежий
 ‘свежие фрукты’

Таким образом, например, персидский изафетный показатель *-e / -ye* в атрибутивном словосочетании (1) не является падежным окончанием, так как в словосочетании он оформляет

³ В данной работе именительный падеж называется прямой формой, винительно-дательный — объектной, а родительный — атрибутивной; причем только для мазандеранских существительных (без указания говора или диалекта) вводятся две атрибутивные формы: принадлежностная и качественная [Пахалина, Соколова 1957: 82]. Последние две формы различаются только конечным гласным: */e/ ↔ /ɛ/*. Как было показано в работе [Иванов 2014], в известных нам разновидностях мазандеранского языка есть только один *e*-образный гласный (фонемы */ɛ/* нет). Таким образом, существование двух разновидностей так называемой атрибутивной формы на нашем материале не подтвердилось.

⁴ П. Лекок именительный падеж называет прямым, винительно-дательный — просто винительным, а наряду с родительным употребляет термин «посессивный».

⁵ В принципе, такой подход возможен, ср. мнение А. А. Зализняка [2002: 622]: «По своим синтаксическим свойствам местоимения могут очень сильно отличаться от существительных и поэтому, как показывает практика описаний, для них в большей мере, чем для какой-либо другой группы склоняемых слов, может быть оправдано признание особой падежной системы, отличной от падежной системы остальных слов».

стоящее первым вершинное слово *mive* ‘фрукт’, а не следующее за ним зависимое слово *tāze* ‘свежий’. Такой порядок следования вершинного и зависимого слов мы будем называть **прямым** изафетом.

Реже встречаются случаи, когда первым в персидском изафетном словосочетании стоит определяющее (зависимое) слово [Пейсиков 1959: 93]. Такой порядок следования зависимого и вершинного слов мы будем называть **обратным** изафетом:

- (2) ПЕРСИДСКИЙ
tak-e deraxt-hā
 один-IZF дерево-PL
 ‘одиночные деревья’

Некоторые из таких случаев можно объединить в модели, в которых первый элемент: а) имеет значение ‘весь, целый’ (3); б) является прилагательным в превосходной степени с партитивным значением ‘наиболее примечательный из следующих предметов’ (4)⁶; в) является порядковым числительным в датах вследствие усечения стоявшего перед ним слова *ruz* ‘день’ (5—7):

- (3) ПЕРСИДСКИЙ
jomle-ye kārgar-ān
 весь-IZF рабочий-PL
 ‘все рабочие’
- (4) *zibā-tarin-e šahr-hā*
 красивый-SPRL-IZF город-PL
 ‘красивейший из городов’
- (5) *sevvom-e āzar*
 третий-IZF азар
 ‘третьего азара’
- (6) ТАДЖИКСКИЙ
тамом-и умр
 весь-IZF жизнь
 ‘вся жизнь’
- (7) ДАРИ
‘otum-e xalq
 весь-IZF народ
 ‘весь народ’

См. также примеры Л. С. Пейсикова [1959: 18, 93]:

- (8) ПЕРСИДСКИЙ⁷
sāyer-e kešvar-hā
 остальной-IZF страна-PL
 ‘остальные страны’

⁶ Современные носители персидского языка предпочитают не употреблять этот тип изафетной конструкции, передавая ее описательными методами. Например, вместо (4) скажут:

- (i) *yek-i az zibā-tarin šahr-hā*
 один-ART из красивый-SPRL город-PL
 ‘один из красивейших городов’

⁷ Далее для сокращения изложения в качестве примеров юго-западных структур берутся только персидские словосочетания. Словосочетания в таджикском и дари с точки зрения синтаксиса принципиально не отличаются и имеют лишь частные фонетические и узуальные отличия.

Изафетная конструкция в примере (8) существует и в ГЯ при той же последовательности элементов (см. ниже).

В приведенных примерах изафетный показатель оформляет зависимое слово, что может быть диагностировано опущением одного из элементов конструкции в предложении. Зависимое слово может быть опущено без нарушений в синтаксисе предложения, а главное слово не может (процедура описана в работе [Тестелец 2001: 87]). В примере (9а) представлено предложение с полным словосочетанием, в (9б) — предложение с усеченным первым элементом изафетного словосочетания, в (9в) — предложение с усеченным вторым элементом изафетного словосочетания:

(9) ПЕРСИДСКИЙ

а. *sāyer-e kešvar-hā=rā nām bord*
 остальной-IZF страна-PL=SPEC.DIR.OBJ имя нести.PST.3SG

‘(Он) перечислил остальные страны’.

б. *kešvar-hā=rā nām bord*
 страна-PL=SPEC.DIR.OBJ имя нести.PST.3SG

‘(Он) перечислил страны’.

в. **sāyer=rā nām bord*
 остальной=SPEC.DIR.OBJ имя нести.PST.3SG

Ожидаемая интерпретация: ‘(Он) перечислил остальной’.

Поскольку предложение со вторым усеченным членом нарушает строй языка, мы заключаем, что в данном случае первый элемент изафетного словосочетания определяет второй, а не наоборот, то есть здесь мы наблюдаем случай изафетной связи, но зависимостного маркирования. Другими словами, здесь изафетный показатель оформляет распространяющее слово (характер этого оформления уточняется ниже).

Если же описанную процедуру (9) применить к обычному изафетному словосочетанию, то подтверждается зависимость второго элемента, например: предложение с полным словосочетанием (10а), предложение с усеченным первым элементом изафетного словосочетания (10б), предложение с усеченным вторым элементом изафетного словосочетания (10в).

(10) ПЕРСИДСКИЙ

а. *mive-ye tāze=rā xarid*
 фрукт-IZF свежий=SPEC.DIR.OBJ купить.PST.3SG

‘(Он) купил свежие фрукты’.

б. **tāze=rā xarid*
 свежий=SPEC.DIR.OBJ купить.PST.3SG

Ожидаемая интерпретация: ‘(Он) купил свежий’.

в. *mive=rā xarid*
 фрукт=SPEC.DIR.OBJ купить.PST.3SG

‘(Он) купил фрукты’.

В примере (10) усечение первого элемента (*mive* ‘фрукт’) приводит к аграмматизму, значит, он является главным в словосочетании, то есть здесь мы имеем дело с изафетной связью и вершинным маркированием.

В разобранных выше примерах (2—9) на зависимостное маркирование в изафетном словосочетании в иранских языках юго-западной подгруппы можно было бы назвать форму *sāyer-e* (остальной-IZF) падежом (например, сопряженным). Однако этого не делают, чтобы сохранить системность терминологии для вершинного и зависимостного маркирования в изафетном словосочетании. Иными словами, независимо от того, каков порядок слов

в изафетном словосочетании — прямой или обратный, в юго-западных языках его с категорией падежа не связывают⁸.

Если мы имеем дело с зависимостным маркированием, то встает вопрос, изафет ли это? Однако в отношении иранских языков, где изафетная конструкция держится на узкоспециализированном изафетном показателе *-ə / -e / -i*, который иных функций в языке не имеет, ответ на него можно признать утвердительным.

Более того, в персидском разговорном языке возможны случаи, когда оба соединенных изафетным показателем слова семантически равны с точки зрения главенства и второстепенности. К ним относится «разговорная» превосходная степень (intensive reduplication, в персидской терминологии — *ta'kid* «подчеркивание») [Ghaniabadi et al. 2006: 6; Khajian, Alinezhad 2010: 172]), которая формально представляет собой изафетную редупликацию [Иванов 2015: 229]: *sangin-e sangin* ‘тяжеленный (тяжелее некуда)’, *šoluq-e šoluq* ‘многолюдный (битком набитый)’, *xalvat-e xalvat* ‘безлюдный (хоть шаром покати)’. В литературном языке такая конструкция неупотребительна и поэтому, как правило, в грамматиках не описывается.

Для иранских языков можно дать такое определение: изафет — это конструкция, где два слова скреплены изафетным показателем (независимо от их главенства по отношению друг к другу и порядка следования вершины и зависимого слова)⁹. Фонетически он всегда прикрепляется к первому слову (образует с ним единое фонетическое слово), а синтаксически в равной степени относится к обоим словам [Пейсиков 1959: 20]. Аналогичные свойства были обнаружены у клитик и у так называемых фразовых аффиксов в других языках [Anderson 2005: 10].

Вопрос о том, что есть изафетный показатель в юго-западных иранских языках, в последние годы вновь стал широко дискутироваться (см. обзор в [Samvelian 2007]). В результате сравнения различных аргументаций и тестирования гипотез довольно убедительно предлагается считать персидский изафетный показатель фразовым аффиксом (phrasal affix), а не внутрисловным аффиксом (флексией), с одной стороны, и не клитикой (bound word), с другой стороны¹⁰. Основанием для этого является свойство персидского изафетного маркера оформлять словосочетания [Samvelian 2007: 631]. Как будет показано ниже, этим же свойством обладает изафетный показатель в МЯ и ГЯ, который традиционно представляют как показатель родительного падежа.

В МЯ и ГЯ отечественные иранисты выделяли родительный падеж начиная с 1957 г. [Пахалина, Соколова 1957]. Два года спустя Л. С. Пейсиковым [1959] была предложена новая теория персидского словосочетания, однако на иранистов, продолживших описание МЯ

⁸ В работе [Арендс 1941: 51—55] делалась попытка ввести родительный падеж для немаркированных зависимых слов в персидском языке по чисто семантическому признаку. Под эту категорию подводились элементы не только изафетных, но и предложных словосочетаний. Данный подход не соответствует тем идеям, которые изложены в основополагающих исследованиях [Плунгян 2000; Blake 2004; Malchukov, Spencer 2008], и в дальнейших работах поддержки не получил. Из текста работы [Windfuhr 1990] следует, что и классический, и современный персидский относятся к беспадежному языкам, но в обобщающей таблице к маркерам родительного падежа причисляются изафетные показатели. Судя по введению к статье Г. Виндфура, в таблицу были сведены падежи, выделяемые по трем признакам: морфологическому, синтаксическому и семантическому; родительный падеж в таблицу так же, как и в работу [Арендс 1941], мог быть привлечен по чисто семантическому признаку.

⁹ Такой же подход используется при разработке автоматических анализаторов персидского текста [Nourian et al. 2015: 2].

¹⁰ Для того чтобы считаться клитикой, изафетный показатель должен соответствовать координационному критерию Миллера. Однако в отличие от местоименных энклитик и артикля он ему не соответствует [Samvelian 2007: 631]. Ср. позицию Л. С. Пейсикова [1975], который еще в 70-х гг. в устных докладах представлял персидский изафетный показатель как «синтаксическую частицу», которая в процессе грамматикализации, с одной стороны, уже перестала быть служебным словом, но, с другой стороны, еще не превратилась в словоизменительный аффикс.

и ГЯ, этот подход Пейсикова влияния не оказал, и общее направление в теории не изменилось. В последующих работах по-прежнему встречается интерпретация маркированного изафетным показателем слова как формы родительного падежа [Расторгуева и др. 1971: 65; Керимова, Расторгуева 1975: 192—195; Расторгуева, Эдельман 1982: 503; Расторгуева 1999б: 117; 1999в: 129—130].

Рассмотрим более подробно возможность трактовать традиционно вводимые формы родительного падежа как обратный изафет¹¹ и сравним их с прямым (персидским) изафетом.

(11) а. МЯ [Šokri 1995: 133]

Hosayn-e ketāb
Хусейн-GEN книга.NOM¹² (традиционная интерпретация)
Хусейн-IZF книга (предлагаемая интерпретация)

б. ПЕРСИДСКИЙ

ketāb-e Hoseyn
книга-IZF Хусейн
'книга Хусейна'

В мазандеранском примере (11) мы видим определение по принадлежности (Хусейн-GEN в традиционной интерпретации выступает в роли посессора). Согласно традиционным описаниям главное слово здесь стоит в именительном падеже с нулевой флексией, а распространяющее (зависимое) — в родительном (с показателем родительного падежа). Традиционная падежная трактовка здесь в принципе возможна, однако в тех случаях, когда одна из граммем показывает зависимость от послелого, а другая может оформлять лишь посессивное отношение, представляется разумным не выделять категории падежа [Аркадьев 2006: 21—22]. Изафетная трактовка этого случая также возможна: здесь мы имеем дело с обратным изафетом, когда зависимое слово оказывается перед главным.

(12) а. МЯ [Расторгуева 1999в: 130]

*serx-e jeme*¹³
красный-GEN рубашка.NOM (традиционная интерпретация)
красный-IZF рубашка (предлагаемая интерпретация)
'красная рубашка'

б. ПЕРСИДСКИЙ

jāme-ye sorx
одежда-IZF красный
'красная одежда'

В примере на атрибутивное словосочетание (12) традиционная падежная трактовка (красный-GEN рубашка.NOM) вызывает по меньшей мере два замечания:

а) у прилагательного в МЯ и ГЯ не отмечена категория падежа, то есть форма родительного падежа прилагательного в атрибутивном словосочетании оказывается вне системы;

¹¹ По отношению к прикаспийским языкам эта конструкция также называется обратным изафетом, а не родительным падежом в работе [Boğjian 2013: 203].

¹² В цитируемых нами примерах из работ по МЯ и ГЯ глоссирование, как правило, отсутствует; в этих примерах глоссирование наше.

¹³ В работе [Иванов 2014] было показано отсутствие гласного /ɛ/ в МЯ (по крайней мере, в западных, центральных говорах и в говоре г. Баболя) и был выявлен гласный шва /ə/. В целом, составленные ранее лингвистами-носителями МЯ описания мазандеранского вокализма свидетельствуют о том же [Humand 2003: 21; Šokri 2005: 9; Āqā Gol-zāde 2007: 334]. В некоторых говорах шва /ə/ отсутствует [Za'ferānlu Kāmbuzūyā, Esfandyāri 2005; Deyhim 2005], но везде есть гласный /e/. Поэтому в примерах [Расторгуева 1999в: 127] мы заменяем /ɛ/ на /e/. Наличие гласного /ɛ/ в восточных говорах МЯ отмечено в работе [Boğjiyān 2004].

б) отсутствует падежное согласование прилагательного: определение оказывается в родительном падеже, а определяемое — в именительном¹⁴.

Изафетная трактовка того же примера (12) не требует дополнительной аргументации. Оба примера (11—12) возможны в изафетной трактовке и одинаково изоморфны персидской модели.

Если признать категорию падежа у прилагательного, традиционная трактовка избавилась бы от первого из возражений. Тогда у прилагательного была бы двухпадежная система (именительный и родительный) и трехпадежная — у существительного (именительный, родительный, винительно-дательный). Однако, на наш взгляд, более экономной будет изафетная интерпретация рассматриваемых словосочетаний. Лингвистически грамотные носители языка ГЯ и МЯ воспринимают показатель при распространяющих словах как изафет [Šokri 1995: 80].

Те же типы словосочетаний (посессивное и атрибутивное) в ГЯ выглядят следующим образом:

(13) а. ГЯ [Расторгуева и др. 1971: 209]

<i>Mohsən-ə</i>	<i>bərar</i>	
Мохсен-GEN	брат.NOM	(традиционная интерпретация)
Мохсен-IZF	брат	(предлагаемая интерпретация)

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>barādar-e</i>	<i>Mohsen</i>
брат-IZF	Мохсен
‘брат Мохсена’	

(14) а. ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 506]

<i>rāst-ə</i>	<i>gəb</i>	
правдивый-GEN	слово.NOM	(традиционная интерпретация)
правдивый-IZF	слово	(предлагаемая интерпретация)

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>harf-e</i>	<i>rāst</i>
слово-IZF	правдивый
‘правдивое слово’	

К двум последним гияльским примерам (13—14) полностью применимы комментарии, сделанные ранее в отношении мазандеранской грамматики.

Помимо обратной изафетной конструкции в гияльском языке находим также прямые изафетные конструкции, заимствованные в виде модели из персидского. Количественные подсчеты подобных прямых изафетных конструкций нам неизвестны и не проводились в рамках нашего исследования, но, по словам наших информантов, таких конструкций очень много. В частности, сюда относятся все составные термины, реалии, топонимы, например:

(15) а. ГЯ		б. ПЕРСИДСКИЙ	
<i>xalij-ə</i>	<i>Fārs</i>	<i>xalij-e</i>	<i>Fārs</i>
залив-IZF	Фарс	Залив-IZF	Фарс
‘Персидский залив’			

Носители прикаспийских языков подобные персидские прямые изафетные конструкции используют в своей речи, не меняя линейного порядка словоформ.

¹⁴ То есть не соответствует понятию адъективного падежа у прилагательного, который является согласовательной категорией [Мельчук 1998: 325], что, в свою очередь, не позволяет считать этот случай граммемой падежа, принадлежащей к ядру поверхностно-синтаксической системы языка [Мельчук 1998: 326]. В древних иранских языках такая категория была свойственна предку изафетного показателя — относительно местоимению, вводившему придаточные определительные предложения [Haider, Zwanziger 1981: 143—144, 148], однако она была утрачена уже к среднему состоянию.

(16) а. ГЯ

<i>fīkr-ə</i>	<i>Māryəm</i>	
мысль-GEN	Марьям.NOM	(традиционная интерпретация)
мысль-IZF	Марьям	(предлагаемая интерпретация)

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>fēkr-e</i>	<i>Māryam</i>
мысль-IZF	Марьям

‘мысль Марьям’ (или ‘мысль о Марьям’)

В примере (16) в обоих эквивалентах (гилякском и персидском) изафетное словосочетание начинается с вершины, маркированной изафетным показателем, и заканчивается зависимым элементом. Несмотря на то, что в этом примере мы имеем дело с явным случаем вершинного маркирования, авторы гилякской грамматики считают его родительным падежом [Расторгуева и др. 1971: 28].

Таким образом, с точки зрения синхронного анализа в обеих подгруппах языков (юго-западных, с одной стороны, и МЯ и ГЯ, с другой стороны) в различных соотношениях встречаются прямые (с вершинным маркированием) и обратные (с зависимостным маркированием) изафетные конструкции. К настоящему времени независимо от типа маркирования сложилась традиция описания юго-западных иранских языков как беспадежных (с изафетной конструкцией), а МЯ и ГЯ — как имеющих родительный падеж.

В качестве подхода к различению падежной формы и сопряженного состояния (то есть показатель того, что данное слово связано с последующим) можно предложить следующую процедуру. Падежная форма (возможно, с относящимися к ней незнаменательными частями речи) может образовывать самостоятельные высказывания (пусть и усеченные), а сопряженная (изафетная) форма не может по определению. Возьмем в качестве отправной точки заведомые падежные формы родительного падежа, например: русск. *его* или нем. *eines Tages* (род. п.) ‘однажды’. Они имеют самостоятельное употребление: *Чей это мяч? — Его; Wann war das? — Eines Tages* ‘Когда это было? — Однажды’.

В юго-западных языках вершинная часть изафетного словосочетания с маркером *-e/-ye* не может образовывать самостоятельного высказывания и, согласно предложенному критерию, не может считаться падежной формой. Так, не имеют смысла фрагменты: перс. *miz-e* (стол-IZF) из словосочетания, к примеру, *miz-e mā* ‘наш стол’, перс. *divār-e* (стена-IZF) из *divār-e sefid* ‘белая стена’. Аналогично в северо-западных языках не имеют смысла и отдельно не употребляются зависимые словоформы с маркером *-ə/-e* типа МЯ *vešun-e* из *vešun-e sere* ‘их дом’, ГЯ *šim-ə* из *šim-ə xane* ‘ваш дом’. Их нельзя использовать в диалоге даже в эллиптической форме. В то же время в традиционных грамматиках их приводят в таблицах как отдельные слова, как формы родительного падежа [Расторгуева, Эдельман 1982: 509].

Наши информанты, во-первых, говорят, что такие образования не будут поняты носителями языка, а во-вторых, сами не могут произнести их с нефинальным ударением. Фонология МЯ и ГЯ требует, чтобы при раздельном произнесении подобных квазислов (в виде отдельного высказывания) ударение сдвигалось на последний слог. Таким образом, не следует считать падежными формами те образования, которые не могут образовывать самостоятельные высказывания (о требовании, чтобы падеж мог употребляться независимо в функции цитации см. также в работах [Аркадьев 2006: 21; Blake 2004: 9]).

Существуют также различия в трактовке происхождения маркеров. Юго-западный изафетный показатель возводят к др.-перс. *hūa* ‘который’ (в прямом падеже) и *taua* ‘которого, которому’ (в косвенных падежах) [Ефимов и др. 1982: 111]¹⁵. Они вводили придаточные

¹⁵ В западной иранистике в последние десятилетия распространилась фонетическая реконструкция др.-перс. *hu* ‘который’ как *haya* (см., например, [Schmitt 1989: 75—76]). Такая трактовка считается сомнительной в отечественных работах [Соколов 1979: 253; Расторгуева, Эдельман 2007:

определяющие предложения и ставились после определяемого слова [Пейсиков 1959: 45]. В то же время прикаспийский показатель родительного падежа возводят к морфеме, восходящей к древнеиранскому форманту род. п. ед. ч. *-*hyā* [Расторгуева, Эдельман 1982: 505]. Следует обратить внимание на то, что реконструированный формант род. п. ед. ч. *-*hyā* весьма схож по звучанию с др.-перс. предком изафета *hya* ‘который’. Тем не менее традиционная теория полагает, что прямой изафет (как в юго-западных иранских языках) имеет одно происхождение, а обратный (как в прикаспийских) — другое.

Более системной, однако, представляется гипотеза о том, что оба изафета имеют одно происхождение. Прикаспийский изафетный маркер *-e/-ə* восходит к древнему относительному местоимению, которое в «Авесте» зафиксировано как *hya-* м. р. ‘который’ и *hya* ж. р. ‘которая’ [Расторгуева, Эдельман 2007: 300] (могло встречаться также в виде *yā/ya/yaṭ/hyaṭ*). Оно уже в этом памятнике употреблялось «в ослабленном значении изафета» [Соколов 1979: 188], см. также [Haider, Zwanziger 1981: 152].

К нему же восходит и юго-западный изафетный показатель *-e/-i* (см. выше). Все эти показатели могли связывать прилагательные с существительными, которые могли стоять в любом порядке, например *лучник, который высокий* ↔ *высокий, который лучник*. После устранения остаточной предикативности эта конструкция в юго-западных языках дала прямой изафет с порядком слов «сущ. + прил.» (*лучник высокий*), а в прикаспийских — обратное изафетное словосочетание по модели «прил. + сущ.» (*высокий лучник*).

В средний период развития иранских языков (например, в среднеперсидском, который является предком современных юго-западных иранских языков) эти связующие слова стянулись до *ī*, что в современных персидском и дари дало изафетный показатель *-e* (подобно прикаспийским языкам), а в таджикском — *-i*. Они стали фразовыми аффиксами, утратили способность употребляться как самостоятельное слово и вводить придаточное предложение.

Таков предлагаемый общий подход к замене родительного падежа на изафетную связь в описательной грамматике МЯ и ГЯ. Рассмотрим теперь особые случаи.

В юго-западных языках функционируют изафетные **предлоги** — бывшие имена, которые утратили свое предметное лексическое значение и употребляются как незначащие части речи для указания пространственных, временных, причинно-следственных отношений и для связи слов в словосочетании. Но, несмотря на десемантизацию, формально они продолжают оставаться вершиной (первым словом) в изафетной конструкции, так как к ним присоединяется изафетный показатель и их усечение приводит к аграмматизму.

Поскольку северо-западная структура именной группы является зеркальным отражением юго-западной, в описательной грамматике МЯ и ГЯ появляются изафетные **послелоги**, которые становятся вершиной (вторым словом) в изафетной конструкции:

(17) а. ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 504]

<i>utāq-ə</i>	<i>darun</i>	
комната-GEN	внутри	(традиционная интерпретация)
комната-IZF	внутри	(предлагаемая интерпретация)
‘в комнате’		

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>darun-e</i>	<i>otāq</i> ¹⁶
внутри-IZF	комната
‘внутри комнаты’	

299—301]. В последней более вероятным полагается произношение *h(i)ja-* в м. р. и *hiyā* в ж. р., так как оно не противоречит их последующему отражению в средне- и новоперсидском языках. Отметим, что фонетически в естественных (не экспериментальных) условиях неслоговое [i] неотличимо от согласного [y], то есть *hja = hya*.

¹⁶ В персидском языке такое сочетание возможно, но не употребительно. Приведено для максимальной близости к соответствующему гулякскому выражению.

(18) а. МЯ [Šokri 1995: 132]

<i>miz-e</i>	<i>sar</i>	
стол-GEN	на	(традиционная интерпретация)
стол-IZF	на	(предлагаемая интерпретация)

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>sar-e</i>	<i>miz</i>
на-IZF	стол

‘на столе’

С традиционной точки зрения в примерах (17—18) у существительного перед послелогом постулируется форма родительного падежа [Расторгуева, Эдельман 1982: 504].

В примере (19) изафетный показатель в виде отдельного гласного не реализуется, так как поглощается гласным исхода предыдущего слова [Šokri 1995: 74], что встречается и в юго-западных иранских языках, например в персидской разговорной речи.

(19) МЯ [Šokri 1995: 72]

<i>in</i>	<i>se=tā</i>	<i>se</i>	<i>me</i>	<i>berār-ā</i>	<i>sere=jem</i>	<i>biy-ami</i>
этот	три=штука	яблоко	я.GEN	брат-PL[GEN]	дом[GEN]=из	там-приходить.PST.3SG
						(традиционная интерпретация)
этот	три=штука	яблоко	мой	брат-PL[IZF]	дом[IZF]=из	там-приходить.PST.3SG
						(предлагаемая интерпретация)

‘Эти три яблока принесены из дома моих братьев’ (букв. ‘Эти три яблока пришли из дома моих братьев’).

На наш взгляд, большой натяжкой выглядит постулирование родительного падежа для именных групп — сочетаний нескольких слов, связанных разными видами синтаксической связи, которые оформляются одним показателем [Расторгуева, Эдельман 1982: 504—505]:

(20) а. МЯ [Šokri 1995: 74]

<i>attā</i>	<i>qešang=o</i>	<i>tamiz-e</i>	<i>kijā</i>
[один	красивый.NOM=и	чистый.NOM]-GEN	девушка (традиционная интерпретация)
один	красивый=и	чистый-IZF	девушка (предлагаемая интерпретация)

б. ПЕРСИДСКИЙ

<i>yek</i>	<i>doxtar-e</i>	<i>qašang=o</i>	<i>tamiz</i>
один	девушка-IZF	красивый=и	чистый

‘одна опрятная и красивая девушка’

В то же время для изафетной конструкции гипотеза о совокупном оформлении не требуется (см. рассуждения Л. С. Пейсикова [1959: 100] о распространении открытых изафетных словосочетаний). Оформление именной группы с однородными прилагательными по юго-западному типу показано в примере (20б).

В некоторых работах, посвященных МЯ и ГЯ, падежи постулируются для личных местоимений [Расторгуева, Эдельман 1982: 508; Расторгуева 1999б: 120; Расторгуева 1999в: 132]. Гилянский лингвист М. Пурхади, очевидно, в продолжение этой тенденции выделяет для местоимений в ГЯ четыре падежа: один прямой, два косвенных и один изафетный [Purhādī 2006: 96]; цитируется по [Sabz’alipur 2013: 207]. Однако, как говорилось выше, реликтовые формы личных местоимений не показательны для выделения категории падежа в том или ином языке.

Итак, мы приходим к выводу, что изафетный маркер *-e/-ə* можно рассматривать не как показатель родительного падежа, а как универсальный маркер сопряженного состояния имен в юго-западных и северо-западных иранских языках (фразовый аффикс). Он связывает между собой любые имена, будь то существительные, прилагательные, местоимения, числительные, изафетные предлоги / послелого и/или именные группы. Различаются юго-западные и северо-западные изафетные конструкции только порядком главного

и распространяющего слова. Весьма полезной представляется гипотеза Л. С. Пейсикова о том, что, хотя изафетный маркер фонетически присоединяется к первому члену изафетного словосочетания, синтаксически он относится в равной степени к обоим его членам.

3. Винительно-дательный падеж и послелог *-re / -a*

Согласно традиционному подходу в ГЯ и МЯ функционирует винительно-дательный падеж, который маркируется показателями *-re / -rā / -ā / -a / -ε < -a < *-ra < *-rā < *-rādiy* ‘для, ради’ [Керимова, Расторгуева 1975: 193; Расторгуева, Эдельман 1982: 503; Расторгуева 1999в: 129; Расторгуева 1999б: 117, 120]. Далее в этом разделе мы будем для краткости обозначать этот послелог его наиболее представительными звучаниями *-re / -a*. Одна из его основных функций (как в юго-западных, так и в северо-западных языках) — обозначение выделенности прямого объекта [Мельчук 1998: 145].

Из двух составляющих описываемого падежа — аккузативной и дативной — первая выглядит бесспорной, так как маркер *-re / -a* (СПЕС.DIR.OBJ) регулярно ставится при прямом объекте:

(21) МЯ [Šokri 1995: 134]

<i>ve=re</i>	<i>badi-me</i>	
он-ACC.DAT	видеть.PST-1SG	(традиционная интерпретация)
он=СПЕС.DIR.OBJ	видеть.PST-1SG	(предлагаемая интерпретация)

‘(Я) его видел’.

(22) ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 504]

<i>sətavər=a</i>	<i>āteš</i>	<i>bukun</i>	
самовар-ACC.DAT	огонь	делать.IMP.2SG	(традиционная интерпретация)
самовар=СПЕС.DIR.OBJ	огонь	делать.IMP.2SG	(предлагаемая интерпретация)

‘Разожги самовар’.

В то же время вторая составляющая (дативная) в приводимых описаниях недостаточно аргументирована и требует, по крайней мере, дополнительного обоснования. К ней причисляют, например, словоформу из следующего предложения:

(23) ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 504]

<i>Mohsən=a</i>	<i>bugoftəm</i>	
Мохсен-ACC.DAT	сказать.PST.1SG	(традиционная интерпретация)
Мохсен=СПЕС.DIR.OBJ	сказать.PST.1SG	(предлагаемая интерпретация)

‘(Я) сказал Мохсену’ (букв. ‘(Я) сказал Мохсена’).

При этом не учитывается, что дательный падеж возникает только в переводе этого предложения на русский язык, а сам гиялский глагол *gufətən* ‘сказать’ для указания адресата требует прямого дополнения. Такое же управление находим и у мазандеранского глагола *bāuten* ‘сказать’:

(24) МЯ [Šokri 1995: 137]

<i>me=re</i>	<i>gon-i</i>	
я.GEN-ACC.DAT	сказать.PRS-2SG	(традиционная интерпретация)
меня=СПЕС.DIR.OBJ	сказать.PRS-2SG	(предлагаемая интерпретация)

‘Говоришь мне’ (букв. ‘Говоришь меня’).

Подавляющее большинство остальных традиционных примеров на дативную составляющую винительно-дательного падежа в МЯ и ГЯ по этой же причине нельзя считать обоснованными.

(25) ГЯ [Расторгуева и др. 1971: 71]

<i>an-ə</i>	<i>jul-an</i>	<i>təxməl=a</i>	<i>man-e</i>	
он-GEN	щека-PL	бархат-ACC.DAT	напоминать.PRS-3SG	(традиционная интерпретация)
он-IZF	щека-PL	бархат=СПЕС.DIR.OBJ	напоминать.PRS-3SG	(предлагаемая интерпретация)

‘Ее щеки напоминают бархат’ (традиционный перевод ‘Ее щеки похожи на бархат’).

В примере (25) авторы работы [Расторгуева и др. 1971] в форме *taxmāl=a* (бархат=СПЕС. DIR.OBJ) ‘бархат’ (возможно, под влиянием русского и персидского переводов) видят при глаголе *manāstān* ‘напоминать’ косвенное дополнение. Косвенный статус дополнения при этом внутриязыковой диагностикой нигде не аргументируется. Обсуждение этого случая с нашим лингвистически подготовленным информантом-носителем гилякского языка показало, что глагол *manāstān* употребляется с прямым объектом. Поэтому мы рассматриваем этот и подобные ему случаи как использование прямого дополнения. Очевидно, опираясь на аналогичные аргументы П. Лекок называет винительно-дательный падеж в ГЯ и МЯ просто винительным [Лесоq 1989: 304, 306].

Функционирование послелога *-re/-a*, который традиционно полагается флексией винительно-дательного падежа, относится к тому ряду случаев, когда морфему предпочтительнее рассматривать не как падежный показатель, а как маркер прямого объекта [Blake 2008: 25]. В отличие от других послелогов (см. ниже) у послелога *-re/-a* обнаруживается свойство прикрепления к основе непосредственно, без изафетного соединителя, то есть *-re/-a* изафетным послелогом не является.

В ГЯ и МЯ так же, как и в юго-западных языках, послелог *-re/-a* маркирует не всякий прямой объект, а только выделенный (21). После невыделенного прямого объекта (как в примере (26), то есть после обозначения категории) он не ставится:

(26) МЯ [Šokri 1995: 138]

<i>gol</i>	<i>činde-mbe</i>	
цветок.НОМ	срывать.PRS-1SG	(традиционная интерпретация)
цветок	срывать.PRS-1SG	(предлагаемая интерпретация)

‘Рву цветы’ (букв. ‘Срываю цветок’).

Помимо обозначения выделенного прямого объекта послелог *-re/-a* может употребляться еще в функциях обозначения: а) реципиента, б) экспериенцера, в) направления или места. Поскольку соответствующий ему послелог *-rā* в средне- и новоперсидском языке также употреблялся для обозначения реципиента или посессора и только в современном состоянии утратил это значение, можно предположить, что это заимствование из более престижного языка, которое сохранилось в языке-реципиенте, но уже утрачено языком-донором.

(27) МЯ (г. Баболь, ср. другой фонетический вариант в [Расторгуева 1999в: 129])

<i>men</i>	<i>in</i>	<i>ketāb=re</i>	<i>hedo-me</i>	<i>še</i>	<i>zenā=re</i>	
я.НОМ	этот	книга-ACC.DAT	дать.PST-1SG	свой	жена-ACC.DAT	(традиционная интерпретация)
я	этот	книга=СПЕС.DIR.OBJ	дать.PST-1SG	свой	жена=СПЕС.DIR.OBJ	(предлагаемая интерпретация)

‘Я дал эту книгу своей жене’.

В примере (27) первый послелог *=re* оформляет прямой объект. Второй послелог оформляет реципиента: *Кому передана книга? — Жене (zenā=re)*.

Пример экспериенцера в ГЯ (28):

(28) ГЯ [Расторгуева и др. 1971: 71]

<i>Mohsən=a</i>	<i>xejli</i>	<i>xuš</i>	<i>bato</i>	
Мохсен-ACC.DAT	очень	хорошо	прийти.PST.3SG	(традиционная интерпретация)
Мохсен=СПЕС.DIR.OBJ	очень	хорошо	прийти.PST.3SG	(предлагаемая интерпретация)

‘Мохсену очень понравилось’.

Примечательно, что в аналогичной примеру (27) конструкции (27') Д. Стило [Stilo 2008: 707] также описывает послелог в понятиях показателя объекта и реципиента, а не показателя падежной формы (он использует обозначение =RA вместо =СПЕС.DIR.OBJ).

(27) ГЯ [Stilo 2008: 707]

<i>mən</i>	<i>dastan=a</i>	<i>Həsən=a</i>	<i>bu-guft-əm</i>	
я	рассказ-ACC.DAT	Хасан-ACC.DAT	ТАМ-сказать.PST-1SG	(традиционная интерпретация)
я	рассказ=RA	Хасан=RA	ТАМ-сказать.PST-1SG	(интерпретация Стило)

‘Я рассказал Хасану историю’.

В примере (29) послелог *-re/-a* маркирует иллагив, который указывает на цель движения. Эта конструкция (29а) весьма схожа с соответствующей азербайджанской (29б).

(29) а. ГЯ

<i>Hüseyn</i>	<i>Rašt-ə=ja</i>	<i>Tehrān=a</i>	<i>bušo</i>
Хусейн	Решт-IZF=из	Тегеран=SPEC.DIR.OBV	идти.PST.3SG

б. АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ

<i>Hüseyn</i>	<i>Rəšt-dən</i>	<i>Tehrān-a</i>	<i>getdi</i>
Хусейн	Решт-ABL	Тегеран-ILL	идти.PST.3SG

‘Хусейн из Решта уехал в Тегеран’.

Полное азербайджано-гилякское совпадение звучания, морфологии и семантики грамматического показателя *-a* в формах типа *Tehrān-a* ‘в Тегеран’ не является случайным. Скорее всего, гилякский показатель прямого дополнения *-re/-a* приобрел дополнительное значение направления под влиянием соответствующей тюркской морфемы. Это нематериальное заимствование (не МАТ(ter)-заимствование) при языковых контактах можно рассматривать как пример РАТ(tern)-заимствования [Matras 2007: 32], либо как копирование кода [Johanson 1999: 39]. Ранее в иранистике нематериальные иноязычные влияния интерпретировались как семантические кальки [Пейсиков 1975: 58]. В определенном смысле это верно и по отношению к рассматриваемому случаю, необходимо только уточнить, что здесь мы имеем дело с грамматической семантикой. О функционировании азербайджанских заимствований в ГЯ см. также [Расторгуева и др. 1971: 38].

Как было сказано выше в разделе о родительном падеже, прямые изафетные конструкции по персидскому образцу широко употребляются в ГЯ и МЯ, и носители языка используют их в своей речи, не меняя линейного порядка частей конструкции:

(30) ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 505]

<i>hato=ki</i>	<i>juloxānə</i>	<i>məsjəd-ə</i>	<i>šāh=a</i>	<i>farəs-ə...</i>
когда=что	[фасад.GEN	мечеть-GEN	шах]-ACC.DAT	достигать.PST-3SG
				(традиционная интерпретация)
когда=что	фасад.IZF	мечеть-IZF	шах=SPEC.DIR.OBV	достигать.PST-3SG
				(предлагаемая интерпретация)

‘Когда он подошел к фасаду мечети шаха...’

По примеру (30) видно, что послелог *-re/-a* синтаксически относится к первому члену изафетной конструкции и отделен от него двумя знаменательными частями речи. При этом он образует одно фонетическое слово с последним членом изафетного словосочетания. Точно так же он употребляется и в юго-западных языках. При желании конструкцию с этим послелогом можно было бы считать аналитическим падежом слова *juloxānə* ‘фасад’ (об аналитических падежах в индоиранских языках см. [Аркадьев 2006: 204, 206—207]). Это больше соответствовало бы современной падежной теории [Blake 2004: 9]. Однако авторы традиционных грамматик ГЯ и МЯ считают описываемую конструкцию винительным падежом словосочетания [Расторгуева, Эдельман 1982: 504—505], что приводит к необходимости дальнейшего усложнения грамматики и введения категории падежа для словосочетания. В то же время при описании юго-западных языков тот же послелог с весьма сходными характеристиками падежным маркером не считают, а грамматика именных частей речи полагается беспадежной.

Итак, на основании изложенного мы приходим к выводу, что, хотя теоретически можно считать послелог *-re/-a* в МЯ и ГЯ падежным показателем, образующим аналитическую форму слова, 1) на данный момент не существует логически непротиворечивой разработки такой грамматики; 2) падежная интерпретация без нужды усложняет грамматику; 3) беспадежная грамматика оказывается более простой, эффективной и правильной; 4) беспадежная грамматика позволяет во многом унифицировать описание северо- и юго-западных языков.

4. Прочие послелог и падежи

В соответствии с положениями работы [Šokri 1995: 131] другие послелог в МЯ можно считать аналогами персидских изафетных предлогов. Они присоединяются к существительному с помощью изафетного показателя, который регулярно опускается после слова с основой на гласную [Ibid.: 74], но может быть опущен и в других случаях, причем определенного правила, по которому это происходит, не обнаружено [Ibid.: 133]. Однако порядок главного слова и распространяющего элемента в МЯ обратный, поэтому в противовес персидским изафетным **предлогам** мазандеранские образования мы называем изафетными **послелогом**. Данный подход распространяется и на близкородственный мазандеранскому ГЯ.

Мы рассматриваем персидский изафетный предлог в соединении с существительным как главный элемент сочетания [Иванов 2014]. Сходный результат дает и совершенно отличный подход, согласно которому изафетный предлог считается существительным [Kagimi, Brame 2012: 23]. В обеих интерпретациях второе слово (существительное), стоящее в постпозиции к изафетному предлогу, полагается распространяющим элементом. Согласно взглядам Л. С. Пейсикова, изафетный показатель только фонетически примыкает к первому члену, а синтаксически он в равной степени связывает оба члена (см. выше).

Например, в персидском сочетании (31) изафетный предлог *lab-e 'y'* — главное слово, а *daryā* ‘море’ — распространяющее.

- (31) ПЕРСИДСКИЙ
lab-e daryā
 y-IZF море
 ‘у моря’ (букв. ‘губа моря’)

В мазандеранском примере (32) изафет соединяет послелог с существительным.

- (32) МЯ, г. Баболь
mā xāxer-ə vesse
 я.GEN сестра-GEN для (традиционная интерпретация)
 я.IZF сестра-IZF для (предлагаемая интерпретация)
 ‘для моей сестры’

Ниже мы приводим примеры функционирования других послелогов с факультативной изафетной составляющей, число которых около полутора десятков в каждом прикаспийском языке:

- МЯ [Šokri 1995: 132]
- (33) *te sere pali*
 ты.GEN дом.GEN около (традиционная интерпретация)
 ты.IZF дом.IZF около (предлагаемая интерпретация)
 ‘у твоего дома’
- (34) *kuč-e sar*
 улица-GEN на (традиционная интерпретация)
 улица-IZF на (предлагаемая интерпретация)
 ‘на улице’ (букв. ‘голова улицы’)

ГЯ [Расторгуева, Эдельман 1982: 547]

- (35) *miz-ə=jir*
 стол-GEN под (традиционная интерпретация)
 стол-IZF=под (предлагаемая интерпретация)
 ‘под столом’
- (36) *dər-ə=bija*
 дверь-GEN возле (традиционная интерпретация)
 дверь-IZF=возле (предлагаемая интерпретация)
 ‘возле двери’

Поскольку подобные послелогои а) могут употребляться как в функции послелога, так и в функции существительного, б) могут связываться с существительным изафетным показателем, мы приходим к выводу, что их грамматикализация еще не закончена и вводить их в падежную систему пока нет оснований. В этой части описательная грамматика МЯ и ГЯ также остается беспадежной, против чего не наблюдается возражений и у сторонников традиционного подхода.

5. Выводы

В результате сопоставления традиционных трехпадежных описаний грамматик ГЯ и МЯ с предлагаемыми беспадежными вариантами мы приходим к следующим выводам:

1. На данный момент не обнаруживается цельных и логически непротиворечивых падежных описаний. В частности, с точки зрения категории падежа не обоснованы такие понятия, как оформление показателем родительного падежа прилагательного и показателем винительно-дательного падежа словосочетаний.
2. Вместо родительного падежа в описаниях ГЯ и МЯ предлагается оперировать изафетной связью, которая толкуется расширительно. Порядок следования главного и распространяющего слова может быть любым: сначала главное и затем распространяющее (как в юго-западных языках) или сначала распространяющее и затем главное (как в северо-западных). Статус слов с точки зрения главенства также может быть равным. В любом случае изафетный показатель фонетически присоединяется к первому слову, а синтаксически в равной степени относится к обоим словам.
3. Винительно-дательный падеж в грамматических описаниях предлагается рассматривать как сочетания имен с послелогом *-re / -a*.
4. Предлагается не вводить новых падежей для прочих послелогов (в том числе изафетных), поскольку они еще не полностью перешли в разряд служебных слов и могут употребляться как именные части речи.
5. Беспадежная грамматика для ГЯ и МЯ представляется более адекватной и экономной, чем падежная.
6. Беспадежную грамматику ГЯ и МЯ можно распространить на их диалекты — шамерзади и велатру.
7. Данный вариант беспадежной грамматики с точки зрения видов синтаксической связи в северо-западных языках согласуется с аналогичными разделами грамматики юго-западных языков, единственное существенное различие между которыми состоит в зеркальном порядке слов в изафетном словосочетании.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо

ABL — аблатив

ACC.DAT — винительно-дательный падеж

ART — артикль

GEN — родительный падеж

ILL — иллатив

IMP — повелительное наклонение	RA — то же, что и SPEC.DIR.OBJ
IZF — изафет, изафетный показатель	SG — единственное число
NOM — именительный падеж	SPEC.DIR.OBJ — показатель выделенности
PL — множественное число	прямого дополнения
PRS — настоящее время,	SPRL — превосходная степень
настояще-будущее время	TAM — показатель
PST — прошедшее время	времени-наклонения-вида

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арендс 1941 — Арендс А. К. Краткий синтаксис современного персидского литературного языка. М.; Л: Институт востоковедения, 1941. [Arends A. K. *Kratkii sintaksis sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [A brief syntax of Modern Standard Persian]. Moscow; Leningrad: Institute of Oriental Studies, 1941.]
- Аркадьев 2006 — Аркадьев П. М. Типология двухпадежных систем. Дисс. ... канд. филол. наук. М: Институт славяноведения, 2006. [Arkad'ev P. M. *Tipologiya dvukhpadezhnykh sistem. Kand. diss.* [A typology of two-case systems. Cand. diss.]. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2006.]
- Ефимов и др. 1982 — Ефимов В. А., Расторгуева В. С., Шарова Е. Н. Персидский, таджикский, дари // Абаев В. И., Боголюбов М. Н., Расторгуева В. С. (ред.). Основы иранского языкознания. М: Наука, 1982. С. 5—230. [Efimov V. A., Rastorgueva V. S., Sharova E. N. Persian, Tajik, Dari. *Osnovy iranskogo yazykoznavaniya*. Abaev V. I., Bogolyubov M. N., Rastorgueva V. S. (eds.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 5—230.]
- Зализняк 2002 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М: Языки славянской культуры, 2002. [Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Иванов 2014 — Иванов В. Б. Персидский субсинтаксис // Шалапина З. М. (отв. ред.). Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2013. Два выдающихся востоковеда. К 90-летию со дня рождения И. Ф. Вардуля и Ю. А. Рубинчика. Труды научной конференции. М: Институт Востоковедения РАН, 2014. С. 252—266. [Ivanov V. B. Persian subsyntax. *Problemy obshchei i vostokovednoi lingvistiki 2013. Dva vydayushchihsya vostokoveda. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya I. F. Vardulya i Yu. A. Rubinchika. Trudy nauchnoi konferentsii*. Shalyapina Z. M. (ed.). Moscow: Institute of Oriental Studies, 2014. Pp. 252—266.]
- Иванов 2015 — Иванов В. Б. Учебник персидского языка. Для 1-го года обучения. М: Садра, 2015. [Ivanov V. B. *Uchebnik persidskogo yazyka. Dlya 1-go goda obucheniya* [Persian for 1st year students]. Moscow: Sadra, 2015.]
- Керимова, Расторгуева 1975 — Керимова А. А., Расторгуева В. С. Категория падежа // Расторгуева В. С. (ред.). Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 2. М: Наука, 1975. [Kerimova A. A., Rastorgueva V. S. The category of case. *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov*. Vol. 2. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1975.]
- Керимова и др. 1980 — Керимова А. А., Мамедзаде А. К., Расторгуева В. С. Гилянско-русский словарь. М: Наука, 1980. [Kerimova A. A., Mamedzade A. K., Rastorgueva V. S. *Gilyansko-russkii slovar'* [Gilaki-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, 1980.]
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Морфологические значения. Т. 2. Москва; Вена: Языки славянских культур, 1998. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. Morfologicheskie znacheniya* [A course of general morphology. Morphological meanings]. Vol. 2. Moscow; Vienna: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 1998.]
- Пахалина, Соколова 1957 — Пахалина Т. Н., Соколова В. С. Мазандеранский язык // Современный Иран. Справочник. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. С. 82—88. [Pakhalina T. N., Sokolova V. S. Mazanderani. *Sovremennyi Iran. Spravochnik*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. Pp. 82—88.]
- Пейсиков 1959 — Пейсиков Л. С. Вопросы синтаксиса персидского языка. М: ИМО, 1959. [Peisikov L. S. *Voprosy sintaksisa persidskogo yazyka* [Problems of Persian syntax]. Moscow: Institute of International Relations, 1959.]
- Пейсиков 1975 — Пейсиков Л. С. Лексикология персидского языка. М: МГУ, 1975. [Peisikov L. S. *Leksikologiya persidskogo yazyka* [Persian lexicology]. Moscow: Moscow State Univ., 1975.]

- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М: Эдиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- Расторгуева и др. 1971 — Расторгуева В. С., Керимова А. А., Мамедзаде А. К., Пирейко Л. А., Эдельман Д. И. Гилянский язык. М: Наука, 1971. [Rastorgueva V. S., Kerimova A. A., Mamedzade A. K., Pireiko L. A., Edel'man D. I. *Gilyanskii yazyk* [The Gilaki language]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Расторгуева, Эдельман 1982 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и велатру) // Абаев В. И., Боголюбов М. Н., Расторгуева В. С. (ред.). Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. Т. 3. М: Наука, 1982. С. 447—554. [Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. Gilaki, Mazanderani (with dialects Shamerzadi and Velatru). *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskii yazyki: zapadnaya gruppa, prikaspiiskie yazyki*. Vol. 3. Abaev V. I., Bogolyubov M. N., Rastorgueva V. S. (eds.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 447—554.]
- Расторгуева 1999а — Расторгуева В. С. Велатру язык / диалект // Ярцева В. Н. (гл. ред.). Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М: Индрик, 1999. С. 141—144. [Rastorgueva V. S. The Velatru language / dialect. *Yazyki mira. Iranskii yazyki. T. II. Severo-zapadnye iranskii yazyki*. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Indrik, 1999. Pp. 141—144.]
- Расторгуева 1999б — Расторгуева В. С. Гилянский язык // Ярцева В. Н. (гл. ред.). Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М: Индрик, 1999. С. 112—125. [Rastorgueva V. S. Gilaki. *Yazyki mira. Iranskii yazyki. T. II. Severo-zapadnye iranskii yazyki*. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Indrik, 1999. Pp. 112—125.]
- Расторгуева 1999в — Расторгуева В. С. Мазандеранский язык // Ярцева В. Н. (гл. ред.). Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М: Индрик, 1999. С. 125—135. [Rastorgueva V. S. Mazanderani. *Yazyki mira. Iranskii yazyki. T. II. Severo-zapadnye iranskii yazyki*. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Indrik, 1999. Pp. 125—135.]
- Расторгуева, Эдельман 2007 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. М: Восточная литература, 2007. [Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007.]
- Рубинчик 2001 — Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского языка. М: Восточная литература, 2001. [Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo yazyka* [Modern Persian grammar]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001.]
- Соколов 1979 — Соколов С. Н. Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Иранские языки. М: Наука, 1979. Т. 1. С. 232—271. [Sokolov S. N. The language of Avesta. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Iranskii yazyki*. Moscow: Nauka, 1979. Vol. 1. Pp. 232—271.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М: РГГУ, 2001. [Testelets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Afrāši 2015 — Afrāši Ā. *Sāxt-e zabān-e fārsi*. Tehrān: Samt, 2015/1394.
- Anderson 2005 — Anderson S. R. *Aspects of the theory of clitics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Anvari, Ahmadi Givi 2010 — Anvari H., Ahmadi Givi H. *Dastur-e zabān-e fārsi*. Tehrān: Fātemi, 2010/1389.
- Āqā Gol-zāde 2007 — Āqā Gol-zāde F. Naqš-e āvāyi vs ma'nāyi-ye švā vāke-ye miyāni-ye xonsā dar guyeš-e māzandarāni. *Majmu'e-ye maqālāt-e naxostin hamāyesh-e melli-ye zabānšenāsi, katibehā va motun*. Es-mā'ilpur A. (ed.). Tehrān: Pažuhešgāh-e Sāzemān-e mirās-e farhangi, 2007/1386.
- Bāteni 2014 — Bāteni M. *Towsif-e sāxtemān-e dasturi-ye zabān-e fārsi*. Tehrān: Amir Kabir, 2014/1393.
- Baxšzād Mahmudi 2006 — Baxšzād Mahmudi J. *Dastur-e zabān-e gilaki. Sarf-o nahv-o āyin-e negāreš*. Rašt: Gilakān, 2006/1385.
- Beresine 1853 — Beresine I. N. *Recherches sur les dialectes Persans*. Vol. I. Casan: Imprimerie de l'université, 1853.
- Blake 2004 — Blake B. J. *Case*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Blake 2008 — Blake B. J. History of the research on case. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 13—26.
- Borjān 2013 — Borjān H. Perso-Tabaric dialects in the language transition zone bordering Mazandaran. *Studia Iranica*. 2013. Vol. 42. Pp. 195—225.
- Borjān 2004 — Šenāsehā-ye fe'l dar māzandarāni-ye šarqi. *Guyeššenāsi*. 2004/1383. Vol. 7. No. 2. Pp. 13—19.

- Christensen 1930 — Christensen A. Dialecte guilākt de Recht, dialectes de Fārizānd, de Yaran et de Natanz. *Contributions à la dialectologie iranienne*. København: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1930.
- Deyhim 2005 — Deyhim G. Nokāt-i bargerefte az xordeguyešhā-ye Qasirān. *Guyeššenāsi*. 2005/1384. Vol. 2. No. 1. Pp. 85—88.
- Faršidvard 2003 — Faršidvard X. *Dastur-e mofassal-e emruz bar pāye-ye zabānšenāsi-ye jadid*. Tehrān: Soxan, 2003/1382.
- Ghaniabadi et al. 2006 — Ghaniabadi S., Ghomeshi J., Sadat-Tehrani N. Reduplication in Persian: A morphological doubling approach. *Proceedings of the 2006 annual conference of the Canadian Linguistic Association*. Susie Jones (ed.). 2006.
- Haider, Zwanziger 1981 — Haider H., Zwanziger R. Relatively attributive: The ‘ezāfe’-construction from Old Iranian to Modern Persian. *Historical Syntax*. Fisiak J. (ed.). Berlin: Mouton, 1981. Pp. 137—172.
- Humand 2003 — Humand N. *Pažuheš-i dar zabān-e tabari (māzandarāni)*. Āmol: Tāleb-e āmoli, 2003/1382.
- Johanson 1999 — Johanson L. The dynamics of code-copying in language encounters. *Language encounters across time and space. Studies in language contact*. Brendemoen B., Lanza E., Ryen E. (eds.). Oslo: Novus forlag, 1999. Pp. 37—62.
- Kalbāsi 2009 — Kalbāsi I. *Farhang-e towsifi-ye gunehā-ye zabāni-ye Irān*. Tehrān: ‘Olum-e ensāni va motāle’āt-e farhangi, 2009/1388.
- Karimi 2003 — Karimi S. On object positions, specificity, and scrambling in Persian. *Word order and scrambling*. Karimi S. (ed.). Malden: Blackwell Publishing, 2003.
- Karimi, Brame 2012 — Karimi S., Brame M. A generalization concerning the ezāfe construction in Persian. *Linguistic Analysis*. 2012. Vol. 38. Pp. 1—38.
- Khajian, Alinezhad 2010 — Khajian A., Alinezhad B. A morphological doubling approach to full reduplication in Persian. *SKY Journal of Linguistics*. 2010. Vol. 23. Pp. 169—198.
- Lecoq 1989 — Lecoq P. Les dialectes caspiens et du nord-ouest de l’Iran. *Compendium Linguarum Iranicarum*. Schmitt R. (ed.). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989.
- Malchukov, Spencer 2008 — Malchukov A., Spencer A. (eds). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Matras 2007 — Matras Y. The borrowability of structural categories. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Matras Y., Sakel J. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.
- Meškāt-od-Dini 1995 — Meškāt-od-Dini M. *Dastur-e zabān-e fārsi bar pāye-ye nazariye-ye gaštāri*. Tehrān: Dānešgāh-e Ferdowsi, 1995/1374.
- Nātel Xānlari 1990 — Nātel Xānlari P. *Dastur-e zabān-e fārsi*. Tehrān: Tus, 1990/1370.
- Nourian et al. 2015 — Nourian A., Rasooli M., Imany M., Faili H. On the importance of ezāfe construction in Persian parsing. *The 53rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL) and the 7th International Joint Conference on Natural Language Processing*, 2015. Pp. 877—882.
- Purhādi 2006 — Purhādi M. *Zabān-e gilaki*. Rašt: Farhang-e Ilyā, 2006/1385.
- Sabz’alipur 2013 — Sabz’alipur J. Naqd-o barrasi. *Zabānhā-vo guyešhā-ye irāni*. 2013/1392. Vol. 3. Pp. 201—216.
- Samvelian 2007 — Samvelian P. A (phrasal) affix analysis of the Persian ezāfe. *Journal of Linguistics*. 2007. Vol. 43. Pp. 605—645.
- Schmitt 1989 — Schmitt R. Altpersisch. *Compendium Linguarum Iranicarum*. Schmitt R. (ed.). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989. Pp. 56—85.
- Šokri 1995 — Šokri G. *Guyeš-e Sāri*. Tehrān: Pažuhešgāh-e ‘olum-e ensāni va motāle’āt-e farhangi. 1995/1374.
- Šokri 2005 — Šokri G. *Guyeš-e rāmsari*. Tehrān: Pažuhešgāh-e ‘olum-e ensāni va motāle’āt-e farhangi. 2005/1384.
- Stilo 2008 — Stilo D. Case in Iranian: From reduction and loss to innovation and renewal. *The handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 700—715.
- Windfuhr 1990 — Windfuhr G. Cases. *Encyclopædia Iranica*. Yarshater E. (ed.). New York: Columbia Univ., 1990. Available at: www.iranicaonline.org/articles/cases.
- Za’ferānlu Kāmbuzyā, Esfandyāri 2005 — Za’ferānlu Kāmbuzyā E., Esfandyāri M. Ta’sir-e tekye dar zamān-e af’āl dar guyeš-e māzandarāni-ye Qā’emšahr. *Guyeššenāsi*. 2005. Vol. 2. No. 1. Pp. 77—84.

НАЛОЖЕНИЕ ПРОСОДИЧЕСКИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ В СТАРОСУЛЕТИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ БАСКСКОГО ЯЗЫКА *

© 2017

Наталья Михайловна Заика

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; zaika.nat@gmail.com, n.zaika@spbu.ru

На материале старосулётинского диалекта баскского языка в статье анализируется типологически нетривиальное явление — наложение составляющих просодической иерархии, при котором одна из них принадлежит одновременно двум составляющим более высокого уровня (ср. [*emazté* [*bát*]_{-i}] (женщина один-ДАТ) ‘одной женщине’). Таким свойством обладает показатель неопределенности *bat*, по происхождению восходящий к числительному со значением ‘один’. Рассматриваются типологические параллели данного явления на других языковых уровнях, как связанных с просодикой, так и нет. Исследуемое нами явление представляет собой контрпример для традиционной просодической иерархии, однако хорошо поддается анализу в теории «слабой расстановки скобок» Б. Хайда.

Ключевые слова: баскский язык, просодическая иерархия, просодическое слово, фонологическое слово

OVERLAP OF PROSODIC CONSTITUENTS IN OLD SOULETIN BASQUE

Natalia M. Zaika

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; zaika.nat@gmail.com, n.zaika@spbu.ru

The article deals with a typologically unusual phenomenon, the overlap of Prosodic Hierarchy constituents, where one prosodic constituent belongs to two constituents of a higher level (cf. [*emazté* [*bát*]_{-i}] (woman one-DAT) ‘to a woman’) in the Old Souletin dialect of Basque. The property in question is typical of the indefinite marker *bat*, historically derived from the numeral *bat* ‘one’. The author draws some typological parallels not only from prosody, but also from other levels of linguistic structure. The phenomenon under consideration can be regarded as a counterexample to the well-known Prosodic Hierarchy, but can be accounted for in terms of Brett Hyde’s theory of Weak Bracketing.

Keywords: Basque, phonological word, prosodic hierarchy, prosodic word

* Автор выражает благодарность Ю. К. Кузьменко и Н. В. Кузнецовой за обсуждение материала исследования, А. В. Андронову и А. В. Кухто за указание на релевантную литературу и двум анонимным рецензентам за конструктивные замечания и советы. За все недостатки статьи несет ответственность исключительно сам автор.

1. Введение

В диалектах баскского языка¹, несмотря на достаточно небольшую территорию распространения, составляющую около 20 000 квадратных километров и количество носителей менее миллиона², представлены самые разные типы акцентуации: фиксированное ударение на первом, втором, предпоследнем слоге, свободное ударение и др. (ср. одно из первых описаний, резюмирующих акцентологические особенности баскских диалектов [Michelena 1972], а также более поздние описания [Hualde 1997; 1999]). В отличие от ряда других диалектов, как для современного сулетинского, так и для старосулетинского, характерно фонологическое ударение с кульминативной и дистинктивной функцией (каждое просодическое слово характеризуется ровно одним ударением, имеются минимальные пары, которые отличаются лишь местом ударения, ср. *gizun-ek* (человек-ERG.INDF) ‘человек’ vs. *gizun-ék* (человек-ERG.PL) ‘люди’). Ударение в современном сулетинском диалекте подробно описано в ряде работ, см. [Gaminde 1995; Hualde 1997; 1999], тогда как старосулетинское ударение исследовалось менее детально, причем иногда данные старосулетинского неправомерно объединялись с данными современного сулетинского [Peillen 1998]³. Методологически это представляется некорректным в связи с уже упомянутой акцентологической вариативностью внутри баскского языка, обусловленной географически (современные баскские говоры, в значительной степени унаследовавшие состояние предшествующих эпох, могут акцентологически варьировать от деревни к деревне [Hualde 1999: 947]).

В настоящей статье мы рассматриваем идиолект, представленный в единственном акцентуированном памятнике сулетинского диалекта середины XIX в. (по данным [Gaminde, Hualde 1995: 178]) — Евангелия от Матфея в переводе Эмманюэля Инчауспе [Inchauspé 1856]. Издание, доступное не только в печатной, но и в электронной версии, представляет собой перевод первого из четырех Евангелий, сопровождаемый грамматическим комментарием по-французски. Объем текста составляет около 17 000 словоупотреблений, представленных приблизительно 4 500 различными словоформами. Акцентуация памятника в значительной степени последовательна: вариативность в одной и той же словоформе встречается крайне редко, ср. *pagánou-en* vs. *paganou-én* (язычник-GEN.PL) ‘язычников’ (VI:7/X:5)⁴. По нашей предварительной оценке, основанной на анализе нескольких случайно выбранных отрывков текста, более 95 % случаев постановки ударений в словоформах памятника может быть предсказано исходя из акцентных характеристик морфем и правил их взаимодействия.

Предметом нашего исследования является акцентуация в именных группах с показателем неопределенности *bat*. Полученные результаты основаны на сплошной выборке из рассматриваемого памятника. Всего в нем встретилось 172 контекста с *bat*, представленных 139 именными группами. В 20 случаях именные группы имели более одного вхождения. Вариативность акцентуации в исследуемых контекстах практически отсутствовала: из всех контекстов лишь в двух наблюдалось отступление от описанных ниже правил акцентуации. Большинство именных групп (86) стояли в абсолютиве, остальные — в эргативе, генитиве,

¹ Баскский — язык-изолят, на котором говорят на северо-востоке Испании и юго-западе Франции. Исследуемый диалект распространен на территории современного французского департамента Атлантические Пиренеи (исторически департамента Нижние Пиренеи).

² По данным анкетирования, проведенного в 2011 г., среди жителей старше 16 лет в совокупности в Испанской и Французской Стране басков проживает 714 000 баскско-романских билингвов и 388 000 пассивных билингвов, для которых баскский язык не является основным [FSS 2013: 16].

³ Система старобаскских диалектов в значительной степени отличается от современных, что стало основанием для переработки диалектной карты второй половины XIX в. Л. Л. Бонапарта [Bonaparte 1863] в работах К. Суасо [Zuazo 2003; 2008].

⁴ Здесь и далее после форм приводятся соответствующая глава и стих анализируемого Евангелия от Матфея.

дативе, инструменталисе, инессиве, аллативе, аллативе постоянного действия⁵, терминативе, аблативе, комитативе и мотивативе.

Следует отметить, что некоторые черты сулетинского диалекта конца XIX в. упомянуты в [Gèze 1873]; часть акцентологических особенностей, иногда отличающихся от особенностей исследуемого нами памятника, можно восстановить из парадигм, приведенных в монографии (это, однако, до сих пор не было осуществлено). Нашей задачей является описание и исследование нетривиального просодического явления, не отмеченного в других диалектах баскского языка, для которого нам удалось обнаружить лишь неполные типологические параллели — наложения составляющих просодической иерархии (явления, при котором один слог принадлежит одновременно двум просодическим словам).

Формы из анализируемого памятника приводятся в статье в старой орфографии, отличной от орфографии современного баскского литературного языка — *euskara batua*. Орфография текста достаточно близка к фонетическому принципу (некоторые исключения из него связаны с влиянием французской графики). В ряде случаев при существенном расхождении с этим принципом приводится восстанавливаемая нами фонологическая транскрипция. Отметим, что графема *u* после *g* не отражается в произношении, а диграф *ou* произносится как /u/ (графема *u* соответствует огубленному гласному переднего ряда верхнего подъема /y/). При постановке графического ударения на диграфе *ou* оно может стоять над каждой из букв, входящих в его состав (ср. *ikhóusi* vs. *ikhoúsi* ‘видеть’ (II:2 / III.16)), однако чаще стоит на последней из двух. Судя по данным памятника, такая графическая вариативность фонологически не обусловлена.

Статья имеет следующую структуру. Во второй части исследуются традиционные критерии, которым удовлетворяет просодическое (фонологическое) слово, а также то, каким образом можно определить просодическое слово в старосулетинском. В третьей части приводится краткая акцентологическая характеристика старосулетинского диалекта. В четвертой части анализируется фрагмент системы, не удовлетворяющий традиционным критериям вычленения просодического слова. В заключении подводятся итоги исследования.

2. Проблемы при определении просодического слова

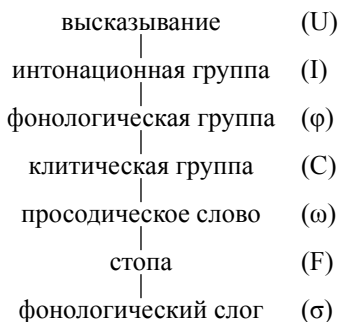
Р. Диксон и А. Ю. Айхенвальд определяют фонологическое слово как фонологическую единицу большую, чем слог, или равную слогу, которая обладает по крайней мере одним фонологическим свойством из следующих: сегментные свойства, просодические свойства, включающие ударение, и фонологические правила, которые действуют лишь в рамках слова⁶ [Dixon, Aikhenvald 2002]. Аналогичным образом просодическое слово определено у Ш. Пеперкампа⁷ [Peperkamp 1999]. Несмотря на то, что в русскоязычной традиции более распространено терминологическое словосочетание «фонологическое слово», в нашем исследовании мы будем пользоваться выражением «просодическое слово», отсылающим к известной фонологической традиции, см. [Selkirk 1984; Nespor, Vogel 1986] и многие более поздние работы.

⁵ В рассматриваемом диалекте имеется два падежа с аллативным значением, один из которых, по описанию [Inchauspe 1856: xix], употребляется при обозначении перемещения в место, в котором субъект действия не имеет намерения остаться, а второй — в котором субъект действия, напротив, намеревается остаться.

⁶ «(a) *Segmental features* — internal syllabic and segmental structure; phonetic realisations in terms of this; word boundary phenomena; pause phenomena. (b) *Prosodic features* — stress (or accent) and/or tone assignment; prosodic features such as nasalization, retroflexion, vowel harmony. (c) *Phonological rules* — some rules apply only within a phonological word; others (external sandhi rules) apply specifically across a phonological word boundary» [Dixon, Aikhenvald 2002: 13].

⁷ «Prosodic words are typically characterized as being the domain of word stress, phonotactics and segmental word-level rules» [Peperkamp 1999].

Просодическое слово является одной из составляющих так называемой просодической иерархии [Selkirk 1984: 26; Nespor, Vogel 1986]:

Просодическая иерархия связана с четырьмя основными свойствами просодической доминации, которые мы приводим в варианте [Selkirk 1995: 443], где C_n — некоторая категория на уровне n просодической иерархии:

- 1) уровневость (layeredness): «No C_i dominates a C_j , $j > i$ », т. е. категория более низкого на просодической иерархии уровня не может доминировать над категорией более высокого уровня;
- 2) доминирование (headedness): «Any C_i must dominate a C_{i-1} (except if $C_i = \sigma$)», т. е. каждая категория, кроме слога, должна доминировать над хотя бы одной категорией уровнем ниже;
- 3) отсутствие рекурсии (non-recursivity): «No C_i dominates C_j , $j = i$ », т. е. категория не может доминировать над категорией одного с ней уровня;
- 4) полнота (exhaustivity): «No C_i immediately dominates a constituent C_j , $j < i-1$ », т. е. категория может доминировать лишь над такой категорией, которая расположена строго одним уровнем ниже⁸.

Хотя эти свойства и постулируются как универсальные, а не лингвоспецифичные, ряд исследователей предполагает, что некоторые из них могут быть нарушены. Большинство нарушений просодической доминации, отмеченных в языках мира, связаны с рекурсивностью. Так, рекурсивная модель, в которой просодическое слово может быть частью другого просодического слова, использовалась при анализе турецкого [Kabak, Vogel 2001] или итальянского [Peperkamp 1997] языков; рекурсивные просодические составляющие также постулировались в немецком [Féry 2010], японском [Ito, Mester 2012], баскском [Elordieta 2015] и др. языках. Реже отмечается нарушение требования полноты [Peperkamp 1999], см. также примеры нарушения данного требования в сербском языке [Zec 2002: 215].

Старосулетинский баскский исследуемого памятника удовлетворяет свойствам уровневости, доминирования и отсутствия рекурсии, то есть в этом диалекте составляющая определенного уровня не может содержать составляющую того же уровня. Если считать, что уровень стопы не универсален и в старосулетинском диалекте не имеет смысла его выделять, то принцип полноты в нем также не нарушается (в противном случае, если считать, что в старосулетинском есть основания для выделения уровня стопы, то, поскольку они не даны нам в непосредственном наблюдении, мы не можем сказать, удовлетворяется ли и на этом уровне принцип полноты или нет)⁹.

⁸ Последние два свойства соответствуют гипотезе строгой уровневости (Strict Layer Hypothesis), более подробно рассмотренной нами в разделе 4. Случаи ее нарушения отмечались самой Э. Селкирк и были учтены в более поздних версиях ее концепции, см. [Selkirk 2011].

⁹ Здесь мы опираемся на понятие стопы как двухморной или двусложной единицы, ср. [Hyde 2012: 384]. Мы не можем определить, насколько введение понятия стопы необходимо при описании старосулетинского диалекта, поскольку у нас нет никаких фонетических данных, проливающих свет на то,

При описании акцентологических особенностей языка существенны основания для выделения просодического слова. В одном и том же языке эти основания могут быть разными (так, для каждого из 63 разноструктурных языков в выборке [Bickel et al. 2009] обнаружилось от 1 до 19 моделей просодического слова (pw-patterns), выделенных на основании разных критериев, и большинству языков выборки соответствуют более чем две модели). В некоторых языках, таких, например, как вьетнамский, с фонологической точки зрения критерии выделения просодического слова отсутствуют [Schiering et al. 2006: 14]. Существенной проблемой, связанной с просодической иерархией, могут стать так называемые «перекрывающиеся зоны» (overlapping domains): в конкретном языке слово, определенное на основании одних фонологических признаков, может не совпадать со словом, выделенным на основании других фонологических признаков, как, например, это происходит в лимбу (тибето-бирманский язык) [Ibid.]. Впрочем, строго говоря, этот случай не является контрпримером к просодической иерархии, поскольку всякий раз мы можем определять единицы определенного уровня просодической иерархии лишь на одном из возможных оснований (например, на основании ударения, гармонии гласных или любого другого признака, характерного для данного языка).

В старосулетинском диалекте исследуемого памятника для нас будет релевантно лишь просодическое слово, объединяемое общим ударением. Его выделению способствуют графические пробелы, хотя границы просодического слова не всегда с ними совпадают: так, например, композиты, которые пишутся в тексте через дефис, несут на себе два ударения и, соответственно, образуют два просодических слова. Другие критерии либо не позволяют выделить просодическое слово (например, гармония гласных, которая в старосулетинском отсутствует, хотя ассимиляция гласных и была, по всей видимости, в некоторой степени характерна для протобаскского [Lakarra 2006: 292]¹⁰), либо недоступны для применения, так как речь идет о письменном памятнике полуторавековой давности (например, фонетические изменения на стыках потенциальных просодических слов).

3. Акцентологическая характеристика старосулетинского

Акустические особенности старосулетинского диалекта поддаются восстановлению с некоторым трудом. По свидетельству Л. Жеза [Gèze 1873: 3], фонетически ударные и безударные слоги в старосулетинском отличались длительностью; Ж. Ларраскет, описывая один из говоров сулетинского, отмечал, что ударение там характеризовалось интенсивностью, «четкостью» (acuité) и длительностью [Larrasquet 1932: 180—181]. Для нас, однако, не будет иметь значения, как именно фонетически реализовалось ударение в исследуемом диалекте, — важен будет лишь его фонологический статус, позволяющий противопоставить ударные слоги безударным.

Как в современном сулетинском, так и в старосулетинском диалекте с акцентологической точки зрения выделяются два класса морфем: используя терминологию П. Гарда [Garde 1978], их можно назвать акцентологически сильными и слабыми, а используя терминологию Х. И. Уальде, — маркированными и немаркированными [Hualde 1999].

Опустив некоторые детали из описания Уальде, можно представить акцентные характеристики сулетинского диалекта следующим образом: при отсутствии акцентологически сильной морфемы словесное ударение падает на предпоследний слог словоформы, ср. *mithil-a* (слуга-DEF.SG) ‘слуга’, *mithil-á-en* (слуга-DEF.SG-GEN) ‘слуги’, при наличии — на акцентологически сильную морфему, ср. *mithil-é-z*¹¹ (слуга-DEF.PL-INS) ‘о слуге’ [Hualde

имелась ли разница в произношении безударных слогов и имелось ли различие между сильными и слабыми слогами, как, например, в английском.

¹⁰ Ср. также ассимиляцию гласных по подъему в бискайском баскском [Hualde, Ortiz de Urbina 2003: 46].

¹¹ Сильные морфемы в тексте статьи выделены жирным шрифтом. Ударение обозначается акутом.

1999: 979, 984], причем случаи конфликта маркировок, когда в слове присутствуют две акцентологически сильные морфемы, Уальде не рассматривает. С диахронической точки зрения, с одной стороны, источником сильных морфем являются отдельные заимствования (в сулетинском сохраняется ударение языка-источника), ср., например, лексему из исследуемого нами текста *templo* ‘храм’, в словоформах которой ударение стоит на корне вне зависимости от позиции ударного слога по отношению к концу слова: *témplo-co* (храм-GENL.SG) ‘храмовый’ (XXIII:16), *témplo-tic* (храм-AVL.SG) ‘из храма’ (XXIV:1), *témplo-u-a-la* (храм-SG-ALL) ‘к храму’ (XXI:23), *témplo-u-a-ren* (храм-SG-GEN) ‘храма’ (XXIII:35), *témplo-u-a-z* (храм-SG-INS) ‘храмом’ (XXIII:21). С другой стороны, фонологически ударные слоги сильных морфем могли возникать в результате стяжения гласных, ср. многие показатели множественного числа, например *-ek < *-ag- + -ek* (ERG.PL) [Lafon 1935/1999: 697, Hualde 1999: 981]. В некоторых случаях появление акцентологически сильных морфем не связано ни с сохранением ударения заимствования, ни со стяжением.

В исследуемом нами памятнике немаркированной просодической моделью является ударение на предпоследнем слоге, как и в современном сулетинском диалекте в описании Уальде. В ходе анализа сплошной выборки из Евангелия Инчауспе обнаружилось, что при наличии в словоформе единственной акцентологически сильной морфемы ударение падает на нее; в случае появления в слове двух акцентологически сильных морфем ударение может падать как на первую, так и на последнюю из них. В просодическом слове, состоящем из одного слога, ударение естественным образом падает на этот слог вне зависимости от акцентной характеристики слогаобразующей морфемы.

Помимо двух вышеупомянутых, на материале текста нами был выделен еще один акцентологический класс морфем — так называемые преакцентные¹² морфемы. Не неся собственного ударения, такая морфема фиксирует ударение на предшествующем слоге, если за ней идет один слог, входящий в состав слабой морфемы, — в этом случае ударение в словоформах, содержащих преакцентную морфему, падает не на предпоследний, а на третий от конца слог (*bazitérr-a-ren* (угол-SG-GEN) ‘угла’ (XIV:36), *guizoún-a-ri* (человек-SG-DAT) ‘человеку’ (XIX:3)). Однако если за такой морфемой следует более чем односложная слабая морфема, ударение в словоформе падает на предпоследний слог, ср. *izen-a-gátic* (имя-SG-MOT) ‘ради имени’ (XXIV:9).

Среди корневых морфем в старосулетинском сильные распространены меньше, чем слабые; среди аффиксальных морфем часто встречаются как сильные, так и слабые.

4. Нарушения в просодической структуре старосулетинского

Одной из особенностей исследуемого диалекта, детальный анализ которой и представляет задачу нашей работы, является нарушение принципа строгой уровневости (Strict Layer Hypothesis) Э. Селкирк, предполагающего, что «категория уровня *i* в [просодической] иерархии непосредственно доминирует над категорией или рядом категорий уровня *i-1*» [Selkirk 1984: 26]. Хотя из определения гипотезы этого и не следует, традиционное понимание просодической иерархии Э. Селкирк и ее последователей предполагает, что данная иерархия может быть представлена в виде древовидной структуры, в которой единица более низкого уровня является составляющей одной и только одной единицы более высокого уровня (очевидно, что легко сконструировать структуру, удовлетворяющую гипотезе строгой уровневости, но не являющуюся древовидной)¹³. Тот факт, что составляющая просодической ие-

¹² Случаи конфликта акцентологически сильных морфем, а также основания для выделения преакцентных морфем заслуживают отдельного подробного описания, которое выходит за рамки данной статьи. В релевантном материале преакцентные морфемы не встречаются, сведения об их существовании приводятся для полноты описания.

¹³ Под древовидной структурой мы подразумеваем традиционное для лингвистики представление в виде ориентированного дерева — графа с вершиной, в которую не ведут дуги, при том что в каждую

пархии не может одновременно принадлежать двум составляющим более высокого уровня, неоднократно отмечался в работах, посвященных просодике, ср., например, [Noske 2009: 234]. Й. Ито и А. Местер называют данное свойство просодических деревьев «правильной расстановкой скобок» (proper bracketing) [Ito, Mester 2003: 33]¹⁴ либо «укорененностью» (rootedness) [Ito and Mester 2009: 138]¹⁵. Назовем его неперекрываемостью и отметим, что, строго говоря, неперекрываемость не входит в четыре основных свойства просодической доминации, описанных в разделе 2.

Неперекрываемость при сегментации единиц более высокого уровня на единицы более низкого уровня часто подразумевается не только в просодии: так, принято считать, что слово должно исчерпывающим и непересекающимся образом члениться на морфемы, ср., однако, проблематичность постулата неперекрываемости у Ш. Пеперкампа [Peperkamp 1999]. Также принято считать, что морфемы должны состоять из фонем и только из них, ср. один из возможных анализов слова *детский* /d'etsk'ij/, в котором исходя из данного принципа аффрикату относят к одной морфеме, корневой или суффиксальной, а не к двум одновременно, не постулируя тот факт, что взрывная часть аффрикаты принадлежит к корню, содержащему в других алломорфах взрывной элемент, а фрикативный — к суффиксу, поскольку в других его алломорфах содержится фрикативный элемент [Касевич 1986: 15—16].

Далее мы проанализируем некоторые данные баскского языка, свидетельствующие о нарушении рассмотренного выше принципа. В старосуллетинском диалекте близкое по функции к неопределенному артиклю и в значительной степени грамматикализовавшееся числительное *bat* 'один' в абсолютных именных группах представляет собой постпозитивную клитику и образует одно просодическое слово со своим синтаксическим хозяином. Отметим, что нерегулярным способом образующееся множественное число *batzu* 'несколько' не ведет себя как клитика и не изменяет положение ударения своего синтаксического хозяина. В конструкциях со значением 'один из X', в которых используется аблатив, *bat* также не ведет себя как клитика, получая ударение и в косвенных падежах, и в абсолютиве, ср.:

(1) *hoy-éta-ric* *bát-i*
TOT.PL-PL-ABL один-DAT
'один из тех' (X:42)

(2) *mémbri-eta-ric* *bát*
член-PL-ABL один[ABS]
'один из членов' (V:29)

Рассмотрим две именные группы:

(3) *guízoun hórr-ec* /'gisun'horrek/¹⁶
человек TOT-ERG
'тот человек' (IX:3)

(4) *guizoún bat* /gi'sunbat/
человек один[ABS]
'один человек' (IX:9)

из остальных вершин ведет ровно по одной дуге. При невыполнении последнего условия речь идет об ориентированном графе, то есть графе, ребрам которого присвоено направление, соответствующее направлению от единицы более высокого уровня просодической иерархии к единице более низкого уровня. Множество деревьев называется лесом.

¹⁴ В этом исследовании понятие «правильной расстановки скобок» восходит к [Nespor, Vogel 1986: 7].

¹⁵ «Укорененность» определяется следующим образом: над каждым узлом (кроме корневого) доминирует ровно один узел.

¹⁶ В транскрипции мы приводим лишь одну из возможных фонологических трактовок: существенно то, что, несмотря на графическое обозначение, транскрибируемая цепочка не содержит дифтонгов.

Морфема *guizoun* является акцентологически слабой, таким образом, в позиции, в которой за ней идет полноценное просодическое слово *hórr-ec*, она получает ударение на предпоследний слог, как в (3). Морфема *bat* также является акцентологически слабой, следовательно, просодическое слово *guizoún bat*, состоящее из двух слабых морфем, также получает ударение на предпоследний слог (если бы морфема *bat* являлась акцентологически сильной, она была бы ударной, учитывая тот факт, что первая морфема акцентологически слабая). Приведем еще несколько примеров просодических слов, включающих в себя клитику *bat* со слабыми (5) и сильными (6) корневыми морфемами:

(5)	a. <i>aingurú bat</i>
ангел один[ABS]
‘ангел’ (I:20)	b. <i>semé bat</i>
сын один[ABS]
‘сын’ (I:21)	c. <i>arguí /argi/ bat</i>
свет один[ABS]
‘свет’ (V:15)
(6)	a. <i>tresór bat</i>
сокровище один[ABS]
‘сокровище’ (XV:44)	b. <i>pagáno bat</i>
язычник один[ABS]
‘язычник’ (XVIII:17)	c. <i>publicáno bat</i>
мытарь один[ABS]
‘мытарь’ (XVIII:17)

Как видно из примера (6), в просодических словах с клистикой *bat*, содержащих сильные корневые морфемы, ударение может падать как на предпоследний слог (6а), так и на любой другой кроме последнего, например на третий от конца (6б), (6с), что, очевидно, определяется местом ударения в соответствующей сильной морфеме. Таким образом, если в просодическом слове с клистикой *bat* ударение падает не на предпоследний слог, можно сделать вывод, что слово содержит сильную корневую морфему. Если же в слове с данной клистикой ударение падает на предпоследний слог, слово может содержать как слабую морфему (5), так и сильную морфему с ударением на последний слог (6а); для определения акцентологической силы морфемы в этом случае привлекаются соответствующие морфы в других фонологических контекстах, ср. для примеров (5), (6а): *hamabi aingúru* (двенадцать ангел) ‘двенадцать ангелов’ (XXVI:53); *bi séme* (два сын) ‘два сына’ (XX:21); *argui handi bat* (свет большой один) ‘большой свет’ (IV:16), но *tresór-ia-lat* (сокровище-DEF-ALLCONS) ‘к сокровищу’ (XXVII:6).

Однако числительное *bat* может склоняться, при этом в падежах, отличных от абсолютива, оно ведет себя как просодическое слово, получая ударение по правилам, описанным в разделе 3. Так, если соответствующая падежная форма состоит из акцентологически слабых морфем, она получает ударение на предпоследний слог (ср. *bát-en* (один-GEN) ‘одного’ (IX:7)), а если содержит сильную, то ударение падает на нее (ср. *bat-eta-rát*¹⁷ (один-INDF-ALLCONS) ‘к одному’ (XIV:13), в котором аллативная морфема является сильной).

В баскском языке падежные и числовые суффиксы и суффиксы определенности постпозитивны и ведут себя как фразовые аффиксы, появляясь в именной группе лишь один раз. С просодической точки зрения в составе именных групп в косвенных падежах морфема *bat* ведет себя и как клитика, и как полноударная единица, входя одновременно в состав двух просодических слов, ср.:

- (7) [ˌguizoún [bát],-en]_i
человек один-GEN
‘одного человека’ (XXIII:15)

Первое из двух ударений свидетельствует о том, что *guizoun bat* является просодическим словом, получающим дефолтное ударение на предпоследний слог по вышеописанным

¹⁷ В этой словоформе нет четкой морфемной границы между первыми двумя морфемами: /e/ — эпентетический гласный, появление которого связано с запретом на некоторые группы согласных в баскском языке. Доказательством того, что суффикс неопределенного склонения *-eta-*, в отличие от суффикса множественного числа *-eta-*, является акцентологически слабым, могут служить формы типа *bat-etá-ric* (один-INDF-ABL) ‘от одного’ (II:12) с акцентологически слабым падежным суффиксом, в котором дефолтное ударение падает на предпоследний слог.

правилам. Второе ударение, на тех же основаниях, свидетельствует о том, что просодическим словом является и *baten*. Приведем ряд других примеров:

- (8) [_i*emazté* [_j*bát*]_i-*i*]_j
 женщина один-DAT
 ‘одной женщине’ (V:28)
- (9) [_i*bortú* [_j*bat*]_i-*eta-rát*]_j
 пустыня один-INDF-ALLCONS
 ‘в пустыню’ (IV:1)
- (10) [_i*odol-gál-tze* [_j*bat*]_i-*éki*]_j
 кровь-терять-NML один-COM
 ‘с кровотечением’¹⁸ (XI:20)

Теоретически в вышеприведенных примерах (равно как и в любом другом случае с перекрывающимися сегментами) возможно принудительное членение на два просодических слова после *bat*: [_i*bortú bat*]_i-[_j*eta-rát*]_j. Однако такое членение будет противоречить языковой системе старосудетинского: в норме в нем показатель падежа и числа не является просодическим словом. В примере (10) возможна трактовка, при которой первым просодическим словом является не *odol-gál-tze bat*, а *odol-gál-tze* (ударение на сильной морфеме закономерно предсказывается при обеих трактовках). Вторая трактовка, разумеется, позволяет избежать неперекрываемости просодических слов, однако из нее следует, что акцентологическое поведение *bat* (отличное от его закономерного поведения, когда оно входит в состав первого просодического слова) диктуется сильной морфемой из левой периферии, которая даже не находится с *bat* в непосредственном контакте. Таким образом, вторая трактовка, хотя и помогает избежать наложения составляющих, является системно противоречивой.

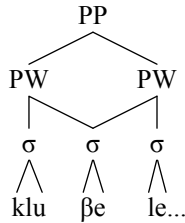
В примерах (7) и (8) в первом просодическом слове фонологическим мы будем считать лишь первое ударение, поскольку именно оно выполняет как кульминативную, так и делимитативную функцию (второе ударение первого просодического слова, таким образом, является второстепенным).

Приведем здесь альтернативный анализ Х. И. Уальде, рассматривающего аналогичные примеры из перевода Э. Инчауспе в терминах «акцентных единиц», которые в некотором роде соответствуют нашему пониманию просодического слова, следующим образом: [[*ti.le.ta.bat*].*e.ta.ra.no*] *tiletá batetaráno* (черта один.INDF.TERM) ‘до одной черты’ (V:18) [Hualde 1997: 82] (глосса наша. — Н. 3.). Как видно из расстановки скобок, в приведенном примере Уальде выделяет две просодические единицы, одна из которых полностью включает вторую. Данное решение, во-первых, нарушает принцип отсутствия рекурсии, что, впрочем, как мы уже упоминали, является достаточно распространенным нарушением, а во-вторых, что гораздо более существенно, не позволяет объяснить постановку второго ударения в примерах типа (8): если просодическими словами (акцентными единицами), по аналогии с вышеприведенным анализом Уальде, являются [*odol-gal-tze bat*] и [*odol-gal-tze bat-eki*] (то есть, если речь идет о рекурсивной структуре), то во втором из них ударение должно падать на единственную сильную морфему, то есть *[*odol-gál-tze bat-eki*], тогда как в памятнике оно падает и на сильную морфему, и на предпоследний слог, см. (10). Таким образом, как трактовка Уальде, так и наша трактовка описывает исследуемый материал в терминах нарушения просодической иерархии в ее традиционном понимании, однако в нашем описании получает объяснение акцентуация тех форм, ударение которых не предсказывается описанием Уальде.

¹⁸ Отметим, что, строго говоря, границу между просодическими единицами, т. е. слоговую границу в рассматриваемых примерах можно провести и перед согласным /t/, например, [_i*emazté* [_j*bá*]_i-*t-i*]_j, однако такой анализ не решает рассматриваемую нами проблему, поскольку и в этом случае один и тот же слог /ba/ принадлежит разным фонологическим словам.

Итак, описанная ситуация представляет контрпример просодической иерархии и представляется в высшей степени нетривиальной. Рассмотрим теперь некоторые типологические параллели анализируемого явления (одна из них, а именно проблема сегментации морфем на фонемы, уже была приведена выше).

Близкий по типу контрпример просодической иерархии содержится в статье А. Кардиналетти и Л. Репетти: в их трактовке слог не обязательно содержится в одном просодическом слове [Cardinaletti, Repetti 2009: 89], ср. разные возможности членения на слова словосочетания исп. *club elegante* ‘фешенебельный клуб’ [klu.βe.le.ɣan.te]: [klu.β#e.le.ɣan.te]; [klu.#βe.le.ɣan.te]; [klu.βe.#le.ɣan.te] (точки представляют границу между слогами, знак диеза — границу между просодическими словами). Однако в первом из представленных анализов слог [βe] хотя и не принадлежит одному просодическому слову, каждая из фонем, входящих в его состав, принадлежит лишь одному слову. Ш. Пеперкамп [Peperkamp 1997], которую цитируют авторы, приводит в качестве одного из возможных следующий анализ данной цепочки:

К примерам нарушения принципа неперекрываемости, связанного с сегментной фонологией, но не с просодикой, также относится принадлежность одного или нескольких согласных двум слогам одновременно, когда эти согласные являются конечным элементом одного слога и начальным — другого (так называемая ambisyllabicity, ср. [ci[t]y] и [si[st]er]), см. [Trask 1996: 177])¹⁹. В морфологии в качестве нарушения принципа неперекрываемости можно рассматривать гаплоглоию (об этом явлении и других примерах нарушения см. [Hyde 2012: 410]).

Итак, старосулетинский диалект представляет интересный материал с точки зрения фонологической типологии, который, впрочем, хорошо поддается анализу в рамках теории «слабой расстановки скобок» (Weak Bracketing), предложенной Б. Хайдом. Данная теория допускает так называемые «пересекающиеся формы» (intersecting configurations в [Hyde 2001: 52])²⁰, т. е. нарушение принципа неперекрываемости. Однако причины, вызывающие необходимость постулировать пересекающиеся формы и «пересекающиеся стопы» (overlapping feet), содержащие слоги, принадлежащие двум стопам (ambipodal syllables) [Hyde 2012: 385] у Хайда связаны с необходимостью фонологической трактовки слов с нечетным количеством слогов, которые естественным и исчерпывающим образом «не укладываются» в двухсложные стопы. В старосулетинском же как первое, так и второе фонологическое слово может состоять как из четного, так и из нечетного количества слогов, ср. (8)—(10); следовательно, не имеется никакого основания утверждать, что рассматриваемый слог принадлежит к двум разным стопам. Таким образом, рассмотренный нами случай хотя типологически и несколько близок контрпримерам просодической иерархии, подтолкнувшим Хайда к ее модификации, тем не менее он представляет гораздо более уникальное

¹⁹ Так, Ито и Местер [Ito, Mester 2003: 34] не признают такие случаи нарушением просодической иерархии, мотивируя это тем, что они являются результатом не просодического, а мелодического наложения составляющих (действительно, строго говоря, согласные не входят в просодическую иерархию).

²⁰ Теория Weak Bracketing Б. Хайда противопоставляется теории Weak Layering [Ito, Mester 2003], в которой снимаются некоторые ограничения, накладываемые гипотезой Strict Layering. Поскольку изложенные авторами ограничения не способны предсказать существования структур с перекрывающимися просодическими составляющими в баскском, мы не обращаемся к данной теории Ито и Местера в рамках нашего исследования.

явление, чем случаи «перекрывающихся стоп», рассмотренные Хайдом, которые характерны для многих языков.

5. Выводы

Итак, просодическая структура старосулутинского языка представляет собой не множество деревьев (лес), а множество ориентированных графов, у некоторых узлов которых может быть более чем одна родительская вершина. Графические представления такого типа для некоторых уровней уже существовали, ср. уже упоминавшуюся нами работу [Hyde 2012], а также [Coleman 1998: 204—206]; особенность же старосулутинского заключается в том, что полноценная единица просодической структуры — слог — принадлежит разным просодическим словам.

В математическом смысле членение текста на просодические слова в старосулутинском диалекте баскского языка представляет собой не разбиение на непересекающиеся множества, а покрытие, в котором один и тот же отрезок может принадлежать разным словам. Естественно, при членении текста на просодические слова можно принять решение, в рамках которого спорная составляющая определяется как входящая в одну и только одну составляющую более высокого уровня²¹, но такое решение с неизбежностью будет решением ad hoc, не отражающим просодической структуры диалекта и противоречащим принципу фальсифицируемости, поскольку имеются явные основания для включения рассматриваемого отрезка как в первое, так и во второе просодическое слово.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL	— аблатив	GENL	— генитив места
ABS	— абсолютив	INDF	— неопределенность
ALL	— аллатив	INS	— инструменталис
ALLCONS	— аллатив постоянного действия	MOT	— мотиватив
COM	— комитатив	NML	— номинализация
DAT	— датив	PL	— множественное число
DEF	— определенность	SG	— единственное число
ERG	— эргатив	TERM	— терминатив
GEN	— генитив		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Касевич 1986 — Касевич В. Б. *Морфонология*. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986. [Kasevich V. B. *Morfonologiya* [Morphonology]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1986.]
- Bickel et al. 2009 — Bickel B., Hildebrandt K., Schiering R. The distribution of phonological word domains: A probabilistic typology. *Phonological domains: Universals and deviations*. Grijzenhout J., Kabak B. (eds.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2009. Pp. 47—75.
- Bonaparte 1863 — Bonaparte L. L. *Carte des sept provinces basques*. London: Stanford's Geographical Establishment, 1863.
- Cardinaletti, Repetti 2009 — Cardinaletti A., Repetti L. Phrase-level and word-level syllables: Resyllabification and prosodization of clitics. *Phonological domains: Universals and deviations*. Grijzenhout J., Kabak B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 79—104.
- Coleman 1998 — Coleman J. *Phonological representations: Their names, forms and powers*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Dixon, Aikhenvald 2002 — Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. Word: A typological framework. *Word: A cross-linguistic typology*. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. Pp. 1—41.

²¹ Ср. ресиллабификацию, происходящую на просодическом уровне в работе Ш. Пеперкамп: (bar)_{FW} (aperto)_{FW} > (ba.)_{FW} (ra.per.to)_{FW} итал. 'открытый бар' [Peperkamp 1999].

- Elordieta 2015 — Elordieta G. Recursive phonological phrasing in Basque. *Phonology*. 2015. Vol. 32. No. 1. Pp. 49—78.
- Féry 2010 — Féry C. Recursion in prosodic structure. *Phonological Studies*. 2010. Vol. 13. Pp. 51—60.
- FSS 2013 — Euskadi. Departamento de Educación, Política Lingüística y Cultura, Euskararen Erakunde Publikoa. *Fifth sociolinguistic survey, 2011*. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritzaren Argitalpen Zerbitzu Nagusia, 2013.
- Gaminde 1995 — Gaminde I. Zubereraren azentuaz. *Uztaro*. 1995. Vol. 13. Pp. 107—128.
- Gaminde, Hualde 1995 — Gaminde I., Hualde J. I. Euskal azentu-ereduen atlaserako: zenbait isoglosa. *Anuario del Seminario de Filología Vasca “Julio de Urquijo”*. 1995. Vol. XXIX. No. 1. Pp. 175—197.
- Garde 1978 — Garde P. Modèle de description de l’accent russe. *Bulletin de la Société linguistique de Paris*. 1978. Vol. 73. No. 1. Pp. 367—400.
- Gèze 1873 — Gèze L. *Éléments de grammaire basque, dialecte souletin; suivis d’un vocabulaire basque-français et français-basque*. Bayonne: Lamaignère, 1873.
- Inchauspé 1856 — Inchauspé E. *Jesus-Kristen Ebanjelio Saintia. Zuberouco uscaralat utzuliric*. Bayonne: Lamaignère, 1856. Available at: <http://bvpb.mcu.es/eu/consulta/registro.cmd?id=422808>.
- Ito, Mester 2003 — Ito J., Mester A. Weak Layering and Word Binariness. *A new century of phonology and phonological theory. A festschrift for Professor Shosuke Haraguchi on the occasion of his sixtieth birthday*. Honma T., Okazaki M., Tabata T., Tanaka S. (eds.). Tokyo: Kaitakusha, 2003. Pp. 26—65.
- Ito, Mester 2009 — Ito J., Mester A. The extended prosodic word. *Phonological domains: Universals and deviations*. Alexiadou A., Hall T. A. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 135—194.
- Ito, Mester 2012 — Ito J., Mester A. Recursive prosodic phrasing in Japanese. *Prosody matters: Essays in honor of Elisabeth Selkirk*. Borowsky T., Kawahara S., Shinya T., Sugahara M. (eds.). London: Equinox Publishers, 2012. Pp. 280—303.
- Hyde 2001 — Hyde B. *Metrical and prosodic structure in optimality theory*. PhD diss. New Brunswick (NJ): Rutgers Univ., 2001.
- Hyde 2012 — Hyde B. The odd-parity input problem in metrical stress theory. *Phonology*. 2012. Vol. 29. No. 3. Pp. 383—431.
- Hualde 1997 — Hualde J. I. *Euskararen azentuerak*. Donostia; Bilbo: Gipuzkoako Foro Aldundia; Euskal Herriko Unibertsitatea, 1997.
- Hualde 1999 — Hualde J. I. Basque accentuation. *Word prosodic systems in the languages of Europe*. Van der Hulst H. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. Pp. 947—993.
- Hualde, Ortiz de Urbina 2003 — *A grammar of Basque*. Hualde J. I., Ortiz de Urbina J. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Kabak, Vogel 2001 — Kabak B., Vogel I. The phonological word and stress assignment in Turkish. *Phonology*. 2001. Vol. 18. No. 3. Pp. 315—360.
- Lafon 1935/1999 — Lafon R. Observations sur la place de l’accent dans quelques formes basques des parlers souletins. *Vasconiana* (IKER 11). Haritschelhar J., Charritton P. (éds.). Bilbo: Euskaltzaindia, 1999. Pp. 697—703. (1 éd. *Mélanges*. Laumonier P. (éd.). Paris: Droz, 1935.)
- Lakarra 2006 — Lakarra J. A. Protovasco, munda y otros: Reconstrucción interna y tipología holística diacrónica. *Oihenart: Cuadernos de Lengua y Literatura*. 2006. Vol. 21. Pp. 229—322.
- Larrasquet 1932 — J. Larrasquet. Phonétique du basque du Larrajá (quartier du Barcus). *Revista Internacional de los Estudios Vascos (Revue Internationale des Études Basques)*. 1932. Vol. 23. Pp. 153—191.
- Michelena 1972 — Michelena L. A note on Old Labourdin accentuation. *Anuario del Seminario de Filología Vasca «Julio de Urquijo»*. 1972. Vol. 6. Pp. 110—120.
- Nespor, Vogel 1986 — Nespor M., Vogel I. *Prosodic phonology*. Dordrecht: Foris, 1986.
- Noske 2009 — Noske R. Autonomous typological prosodic evolution versus the Germanic superstrate in diachronic French phonology. *Romance languages and linguistic theory: Selected papers from «Going Romance»*, Amsterdam, 2007. Aboh E. O., van der Linden E., Quer J., Sleeman P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 223—242.
- Peillen 1998 — Peillen Tx. Urrüstói, Atharrátze, Liginàga edo zubereraren egiatzko doiñuez. *Antoine d’Abbadie 1897—1997. Congrès International (Hendaye, 1997)*. Urkizu P. (ed.). Donostia: Eusko Ikaskuntza; Bilbao: Euskaltzaindia, 1998. Pp. 453—472.
- Peperkamp 1997 — Peperkamp Sh. *Prosodic words*. The Hague: Holland Academic Graphics, 1997.
- Peperkamp 1999 — Peperkamp Sh. Prosodic words. *GLOT International*. 1999. Vol. 4. No. 4. Pp. 15—16. Available at: [http://www.lscp.net/persons/peperkamp/Peperkamp_\(1999\)_Prosodic_Words.pdf](http://www.lscp.net/persons/peperkamp/Peperkamp_(1999)_Prosodic_Words.pdf).
- Schiering et al. 2006 — Schiering R., Hildebrandt K. A., Bickel B. *Cross-linguistic challenges for the prosodic hierarchy: Evidence from word domains*. Ms. Leipzig: Universität Leipzig, 2006.

- Selkirk 1984 — Selkirk E. *Phonology and syntax. The relation between sound and structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1984.
- Selkirk 1995 — Selkirk E. The prosodic structure of function words. *Papers in Optimality Theory. University of Massachusetts Occasional Papers 18*. Beckman J., Walsh Dickey L., Urbanczyk S. (eds.). Amherst (MA): Graduate Linguistic Student Association, 1995. Pp. 439—469.
- Selkirk 2011 — Selkirk E. The syntax-phonology interface. *The handbook of phonological theory*, 2nd ed. Goldsmith J. A., Riggle J., Yu A. C. L. (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2011.
- Trask 1996 — Trask R. L. *A dictionary of phonetics and phonology*. New York: Routledge, 1996.
- Zec 2002 — Zec D. On the prosodic status of function words. *Working Papers of the Cornell Phonetics Laboratory*. 2002. Vol. 14. Pp. 207—249.
- Zuazo 2003 — Zuazo K. *Euskalkiak: Herriaren lekukoak*. Donostia: Elkar, 2003.
- Zuazo 2008 — Zuazo K. *Euskalkiak: Euskararen dialektok*. Donostia: Elkar, 2008.

Статья поступила в редакцию 02.06.2016.

НЕРЕАЛЬНЫЙ УСЛОВНЫЙ ПЕРИОД И АВТОНОМНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОГО УСЛОВИЯ: ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТАТУСА

© 2017

Михаил Львович Котин

Зеленогурский университет, Зелена-Гура, 65-001, Польша
michailkotin1@gmail.com

Статья посвящена сравнительному анализу двух синтаксических конструкций — нереального условного периода (типа *Если бы я это знал, я бы Вас не спрашивал*) и восклицательного предложения желательного условия (типа *Если бы я это знал!*) в нескольких индоевропейских языках, в том числе на разных срезах их исторического развития. Исследовательские задачи сводятся вкратце к следующему: (а) установить типы конвергентных отношений между грамматическими сигналами при кодировании постулируемой в статье категории «дистанции» в ее временном и модальном измерении; (б) определить синтаксический статус предложения желательного условия на основе анализа его просодических, типологических и семантических свойств в сопоставлении с протасисом условного нереального периода и другими типами синтагм.

Ключевые слова: автономное предложение желательного условия, аподосис, гипотаксис, нереальный условный период, протасис

UNREAL CONDITIONAL CLAUSE AND INDEPENDENT CLAUSE OF OPTATIVE CONDITION: PROBLEMS OF GRAMMATICAL STATUS

Michail L. Kotin

University of Zielona Góra, Pl-65-001 Zielona Góra, Poland
michailkotin1@gmail.com

This contribution is a comparative study of two syntactic constructions: the unreal conditional hypotaxis (of the type *If I knew this, I would not ask you about it*) and the exclamatory clause encoding an optative condition (of the type *If I only knew this!*) in several Indo-European languages — and at various stages of their historical development. The research is aimed at following aspects: (a) the ascertainment of the types of convergent relations between grammatical signals encoding the postulated category of “distance” in its temporal and modal dimension and (b) the recognition of the syntactic status of the optative condition clause on the base of the analysis of its prosodic, typological, and semantic features in comparison with the protasis of the unreal conditional clause and with other types of syntagmas.

Keywords: autonomous clause of optative condition, apodosis, hypotaxis, protasis, unreal conditionals

Вводные замечания

Гипотаксис с условным придаточным (протасисом) и главным предложением следствия (аподосисом) подразделяется на два основных типа: предложения, кодирующие реальное условие, и предложения, где условие (абсолютно или относительно) нереально, ср. (1)—(2).

- (1) *Если у меня будет время, я к Вам зайду.*
- (2) *Если бы у меня было время, я бы к Вам зашел.*

В настоящей статье рассматривается лишь второй тип гипотаксиса — так называемый нереальный условный период, к которому здесь относятся также предложения, выражающие относительно реальное условие, выполнимость которого зависит от темпоральной перспективы, контекстных маркеров или «энциклопедического знания», ср. (3)—(6).

- (3) *Если бы завтра было тепло, мы могли бы погулять в парке.*
- (4) *Если бы вчера было тепло, мы погуляли бы в парке.*
- (5) *Если бы я был помоложе, я бы ходил быстрее.*
- (6) *Если бы у меня было десять рук, я бы делал все намного быстрее.*

В приведенных предложениях условно-реальным можно назвать лишь придаточное в примере (3); остальные предложения по разным причинам кодируют нереальное условие и, соответственно, нереальное следствие.

В статье будут рассмотрены основные конструкционные модели условно-нереального периода в ряде индоевропейских языков (прежде всего в германских и славянских языках, с учетом диахронии, а также частично в греческом и латинском), в частности, гипотаксис с союзной и бессоюзной связью, с пре- и постпозицией протасиса относительно аподосиса, а также с использованием разных грамматических (темпоральных и модальных) форм глагола-сказуемого в обеих частях гипотаксиса.

Помимо этого, будут проанализированы предложения, по форме сходные с протасисом, за которым не следует аподосис, ср. (7)—(9).

- (7) *Если бы люди летали как птицы!*
- (8) *Ах, если бы я мог вернуть время!*
- (9) *Если бы только завтра была хорошая погода!*

Статус таких синтагм неясен. По своей структуре они похожи на протасис, однако целый ряд факторов заставляет рассматривать их как особый тип главного предложения, обладающего самостоятельным иллокутивным потенциалом. В статье будет рассмотрен вопрос о том, следует ли интерпретировать данный тип предложения как эллиптическую конструкцию или она по своему грамматическому статусу является автономной синтагмой.

Каждая из названных проблем представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу, в связи с чем они могли бы являться темой двух отдельных статей. Вместе с тем их объединение в рамках одного исследования преследует цель сопоставления конструкционно сходных, а по некоторым параметрам идентичных моделей кодирования нереального протасиса, с одной стороны, и автономной клаузы желательного условия, с другой. Сущностным с точки зрения теории вопросом является при этом грамматический статус второй конструкции в сопоставлении с первой, а именно является автономное предложение желательного условия эллипсисом нереального протасиса или его формальная независимость согласуется с конструкционной и семантической автономией? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо вначале детально рассмотреть придаточное нереального условия, а затем сравнить его по ряду центральных категориальных и конструкционных параметров с автономным экскламативным предложением желательного условия. Именно такая последовательность принимается поэтому в композиции предлагаемой статьи.

Поставленные проблемы охватывают довольно широкий спектр кодирования в естественных языках различных категориальных функций, причем в центре внимания находятся механизмы взаимодействия граммем, относящихся к разным категориальным сферам. Вопросы конвергентности данных категориальных сигналов и установления областей их функционально обусловленного пересечения могут решаться как на материале одного языка, так и в контрастивных и типологических исследованиях, а также как в синхронии, так и в диахронии. Очевидно, что достоверность полученных при этом результатов

возрастает в зависимости от того, насколько устанавливаемые конвергентные отношения подтверждаются исторически и типологически. Другим критерием обоснованности выдвигаемых гипотез о межкатегориальных связях является взаимодействие разноуровневых сигналов — морфологических, синтаксических и просодических форм при кодировании сходных функций.

Условно-нереальный период и автономное предложение нереального условия в этом смысле представляют особый интерес, поскольку являются фокусом, в котором собираются коррелирующие словоформы и иные грамматически релевантные сигналы, дистрибутивно или кумулятивно кодирующие определенные функциональные сферы, в частности темпоральность, модальность и взаимодействующие логические и иллокутивные измерения пропозиции.

Тем не менее как нереальный условный период, так и автономное предложение желательного условия до сих пор в литературе исследованы недостаточно полно, в особенности с типологической и генеалогической точки зрения, так что до сего дня остается актуальным вывод, сделанный в 2001 г. В. И. Подлесской: «There are not many systematic cross-linguistic studies of conditionals» [Podlesskaya 2001: 998].

Выбор языков для анализа данной конструкции обусловлен рядом причин как общего характера, так и касающихся конкретных исследовательских задач предлагаемой статьи. Во-первых, расширение предмета анализа за пределы индоевропейской языковой семьи, повысив статус аргументации в типологическом плане, неизбежно привел бы к необходимости отказа от детального изучения особенностей функционирования рассматриваемого гипотаксиса именно в индоевропейском ареале, поскольку жанр статьи (в отличие от монографического исследования) в значительной степени заблокировал бы возможность детального рассмотрения конкретных, свойственных прежде всего индоевропейским языкам форм кодирования изучаемых функций. Во-вторых, в статье будут рассмотрены два базовых варианта конвергентных отношений между темпоральностью и модальностью — непосредственное перенесение временной дистанции на модально-эпистемическую, без использования специфических сигналов условного наклонения в протасисе и в автономной клаузе нереального условия (как в греческом и английском), так и опосредованное кодирование нереального условия с использованием кумулятивного типа кодирования претеритальности и условности (как в остальных рассматриваемых языках). Данные варианты исчерпывают **логические** возможности конвергентного кодирования дистанции, вследствие чего все возможные типологические варианты будут так или иначе соответствовать одному из указанных типов. Поэтому данная конкретная задача вполне может быть решена на основе сравнительно небольшого числа языков и вне зависимости от факторов их родства или типологического строя. В-третьих, анализируемый языковой материал подобран таким образом, что его сопоставительная часть представляет собой преимущественно переводы отдельных стихов из Евангелия, что обеспечивает достоверность выводов благодаря сопоставлению граммем в идентичных контекстах. Наконец, в-четвертых, исследуются не только типологические, но и генеалогические закономерности кодирования рассматриваемых функций, в частности с точки зрения динамики развития языков и проблемы языковых изменений на категориальной оси (в и д) — в р е м я — н а к л о н е н и е, для чего более подходят именно родственные языки.

Методологически предлагаемый анализ сочетает контрастивное исследование примеров, полученных путем интроспекции (включающей в большинстве случаев простое принятие примеров носителями соответствующих языков) в качестве узуальных фраз, соответствующих грамматической норме исследуемых современных языков, и примеров из текстов современного и исторического корпуса, в частности, из евангельских текстов. Хотя типологические особенности рассматриваемых конструкций представляют бесспорный интерес, методология работы основана прежде всего на сочетании типологических характеристик исследуемых форм и их функций с их особенностями в конкретных индоевропейских языках и текстах, а также в аспекте исторического развития. Такая постановка проблемы

ограничивает задачу выработки строгого типологического каркаса, поскольку в этом случае пришлось бы отказаться от детального исследования «идиоэтнических» факторов, во многом проясняющих кажущиеся или реальные различия в кодировании сходных функций в разных языках и в зависимости от конкретного контекстного окружения.

1. Логическая цепочка условно-нереального периода, ее темпоральный архетип и модальные признаки

Условно-нереальный период, подобно гипотаксису с придаточным причины, онтологически и генеалогически восходит к ментальной модели, основанной на иконичности временных и причинно-следственных отношений, ср. [Johnson-Laird 1986: 55—57; Haiman 1986: 215—217; Dancygier 1998: 71—73]. Поэтому он считается лингвистической универсалией, которая в инвентаре универсалий Дж. Гринберга числится под номером 14: «Protasis precedes the apodosis» [Greenberg 1966: 84]. Данная универсалия, конечно, не может считаться абсолютной, поскольку в большинстве языков инверсия вполне допустима, ср. [Dancygier 1998: 145—147, 192—193; Podlesskaya 2001: 1001—1002]:

(10) *Можно было бы пойти на прогулку, если бы у нас было время.*

(11) НЕМЕЦКИЙ

<i>Wir könnten</i>	<i>ausgehen,</i>	<i>wenn wir Zeit hätten.</i>
мы могли.PST.CONJ	прогуляться	если мы время имели.PST.CONJ

(12) АНГЛИЙСКИЙ

<i>We could go for a walk,</i>	<i>if we had time.</i>
--------------------------------	------------------------

(13) ПОЛЬСКИЙ

<i>Byśmy poszli na spacer,</i>	<i>gdybyśmy mieli czas.</i>
бы.PST.1PL пошли на прогулку	если.бы.PST.1PL имели время

Тем не менее на этом основании универсалия № 14 Гринберга как базовый принцип построения условного периода не может быть отвергнута целиком. В немаркированном контексте и при неспецифическом употреблении (как бы они ни выглядели в каждом конкретном языке) типичной является именно иконичность логического и грамматического следования кодируемых событий и, соответственно, составных частей периода. В тех же случаях, когда подчинительный союз отсутствует (в языках, где это допустимо в принципе), данная универсалия действует практически без ограничений:

(14) *Было бы у нас время, мы пошли бы на прогулку.*

(15) НЕМЕЦКИЙ

<i>Hätten wir Zeit, könnten wir ausgehen.</i>
имели.PST.CONJ мы время могли.PAST.CONJ мы прогуляться

В ином случае пришлось бы, как это предлагают М. Райс и А. Вёлльштайн, вообще вычленив асиндетический условный гипотаксис из обычных условных конструкций, а протасис рассматривать как неинтегрированную в целостное сложноподчиненное предложение, экспонированную в предполевую позицию синтаксическую конструкцию («unintegrierte, vorgeschaltete syntaktische Struktur») [Reis, Wöllstein 2010: 113]. Такое выделение и постулирование самостоятельного, принципиально отличного от синдетической модели статуса в силу достаточно очевидных причин представляется спорным.

Вообще топологическая инверсия всегда отражает инверсию логическую, когда следствие при построении пропозиции предпослано условию. При этом темпоральная инверсия, конечно, невозможна, что предопределяет неиконичность топологической модели, в которой аподосис предшествует протасису. При наличии коннектора, являющегося сигналом условия (например, подчинительного союза или в языках иного строя, конверба либо иного

синтетического условного маркера), формальная инверсия вполне допустима, и неиконичность в порядке следования протасиса и аподосиса нейтрализуется наличием данного средства. При его отсутствии единственным показателем иконичности условия и следствия становится топологическая структура целостного периода, в силу чего протасис уже не может следовать за аподосисом. Иными словами, при отсутствии дополнительного маркера условия универсалия № 14 Гринберга должна по логическим основаниям выполняться для любого языка. Что касается эмпирической проверки этого тезиса, следовало бы привлечь к анализу гораздо большее число языков разных типов, что выходит за рамки данного исследования.

Взаимосвязь гипотаксиса с придаточными причины, следствия и условия с темпоральным гипотаксисом очевидна и в силу простых логических причин не требует дополнительного обоснования. Причинно-следственная или условно-следственная связь прямо вытекают из следования событий во временном измерении. При этом следование одного события за другим является обязательным, но не единственным признаком данных связей. Известная формула «post hoc ergo propter hoc» («после этого, следовательно поэтому») является азбучным примером ложного логического вывода. Однако неверность данного силлогизма с точки зрения формальной логики не только не исключает его переноса при кодировании соответствующих связей в естественном языке, но скорее, наоборот, предполагает такую процедуру. Причиной этого является обратимость данной логической формулы («propter hoc, ergo post hoc»), при которой противоречие устраняется, поскольку следствие всегда наступает позднее причины или условия. Поэтому можно пренебречь теми событиями, которые не являются причиной или условием событий, наступающих позднее, и ограничиться кодированием тех временных корреляций, которые одновременно выступают как корреляции причины или условия.

Доказательством того, что описанная процедура действительно используется в языке, служит, в частности, этимология некоторых подчинительных союзов в отдельных языках, а также их омонимия в синхронии, ср. нем. союз *weil* ‘поскольку, так как’, восходящий к корню, представленному в существительном *Weile* ‘мгновение, миг’; *während* ‘в то время как’ и одновременно ‘при этом, поскольку’ (производный от действительного причастия к глаголу *währen* ‘длиться’); *wenn* ‘когда’ и одновременно ‘если’; англ. *since* ‘с тех пор как’ и одновременно ‘поскольку’; польск. союз *gdz(y)* ‘если (бы)’, восходящий к первоначальной значению ‘когда’; русск. устар. *затем (что)* (ср.: *Один Молчалин мне не свой, / И то затем, что деловой*. Грибоедов, «Горе от ума», *когда (б, бы) (Когда б я знал!)* и т. п.

Семантика условия является специфическим подвидом семантики причины, поэтому оба значения можно в равной мере отнести к вторичным концептам, производным от более общего концепта временного следования событий. При этом как причинность, так и условие по своей сути принадлежат к широко понимаемой модальности, производной, таким образом, от темпоральности. Однако в случае нереального условного периода модальность как бы «удваивается» за счет типичного для кодирования нереальности использования форм условного (сослагательного) наклонения. Посредством этих форм кодируется особый тип отношения говорящего к пропозиции, являющейся, в отличие от пропозиции «фактического» типа, «нефактическим» или «контрафактическим» высказыванием. Иными словами, возникает **дистанция** между высказыванием и фактом, поскольку событие описывается не как имеющее место в реальности, а как желаемое или возможное / невозможное. При этом темпоральные отношения также выражают **дистанцию**, правда, не модальную, а временную.

Между обоими видами дистанции имеется доказуемая категориальная взаимосвязь, иконически отображаемая языком, ср. [Kotin 2013]. Если принять формы настоящего времени глагола за первичные маркеры нейтральной дистанции, то формы прошедшего времени следует определить как первичные маркеры временной дистанции, выражающей, согласно известной «темпоральной оси Райхенбаха» [Reichenbach 1947], отношение «time of act **before** time of speech». Поскольку событие, отделенное от момента речи дистанцией,

направленной в прошлое, логически необратимо, его кодирование в модальном пространстве условия по необходимости связано с нереальностью, которая является относительной в случае несовпадения темпоральной и модальной перспективы и абсолютной в случае их совпадения, ср. (16)—(17).

(16) *Если бы у меня завтра было время, я бы к тебе зашел.*

(17) *Если бы у меня вчера было время, я бы к тебе зашел.*

Однако в обоих случаях при кодировании нереального условия и нереального следствия из него используется форма **прошедшего** времени глагола, которое выступает в функции базового индикатора категории дистанции.

Еще О. Есперсен [Jespersen 1924] говорил в данной связи о «претерите и плюсквамперфекте воображения», когнитивным источником которого, по мнению С. Фляйшман [Fleischman 1989], является «метафора временной дистанции». Общей семой прошедшего времени и ирреалиса является при этом «диссоциатив», то есть «отграниченность от наблюдаемого положения вещей», «оторванность от настоящего», переосмысливаемое как «оторванность от реальности», ср. [Steele 1975: 217; Сичинава 2013: 35]. Фляйшман связывает такой метафорический перенос с феноменом «эгоцентричности» языка, в силу чего говорящий переосмысливает отдаленность по времени от нейтрального для него положения *hic et nunc* как «расстояние между реальным и нереальным» [Сичинава 2013: 35]. Данное объяснение подвергнуто критике в работах [Dahl 1997] и [Michaelis 1998] на том основании, что «такое объяснение не помогает понять, почему чаще всего языки мира выбирают для этой функции именно плюсквамперфект, а не другие формы с референцией к прошлому» [Сичинава 2013: 35]. Данный аргумент, впрочем, вряд ли можно признать достаточным, поскольку, как было показано выше, в темпоральной перспективе настоящего и будущего ирреалис (или, по крайней мере, «ослабленный» реалис) также передается посредством именно формы прошедшего времени — претерита — в немецком и английском языках, соответственно, с использованием морфемы конъюнктива или без него. То же самое можно сказать о предлагаемом В. А. Плунгяном [2004] дискурсивном объяснении возникновения модальной дистанции к реальности посредством «дигрессии», то есть отклонения от основной линии повествования, поскольку отнесение дигрессии к модальному осмыслению темпоральной дистанции опять же рассматривается здесь применительно лишь к плюсквамперфекту, без учета совершенно очевидного параллелизма с формами простого прошедшего времени, используемыми для кодирования нереального условия в настоящем или будущем. Совершенно очевидно поэтому, что конвергенция темпорального сдвига и модальной дистанции к реальности не зависит от кодируемой временной ступени и носит универсальный характер, который наилучшим образом может интерпретироваться именно через «дейктический» канал, как это делают Фляйшман, Стил и еще более убедительно — Дандигер (см. ниже).

Относительно особенностей кодирования временной и модальной дистанции условно-нереального периода в разных языках можно сказать следующее. Как видно из русских примеров, форма прошедшего времени глагола-сказуемого является универсальной и используется независимо от кодируемой временной ступени (прошлого, настоящего или будущего события). Поэтому темпоральное прочтение не привязано к глагольной форме и зависит исключительно от вторичных темпоральных маркеров (прежде всего адвербиальных временных сигналов типа *сейчас, сегодня, завтра, вчера, в прошлом году, нынешним летом, в будущем* и т. п.) и широко понимаемого речевого и ситуативного контекста.

Вторым релевантным признаком кодирования дистанции является кумулятивность форм прошедшего времени и условного (сослагательного) наклонения, выражаемого универсальной частицей данной формы *бы*, использование которой обязательно как в протасисе, так и в аподосисе. Данный маркер сочетается, как уже было отмечено, только с формой прошедшего времени глагола, в связи с чем можно говорить о том, что категориальная сочетаемость

является критерием корреляции концептуальной темпоральности и модальности. Подобная картина наблюдается, среди прочих, в польском языке, ср. (18)—(19).

- ПОЛЬСКИЙ
- (18) *Gdybym jutro miał czas, odwiedziłbym cię.*
если.бы.1SG завтра имел время посетил.бы.1SG тебя
- (19) *Gdybym wczoraj miał czas, odwiedziłbym cię.*
если.бы.1SG вчера имел время посетил.бы.1SG тебя

В приведенных примерах речь идет исключительно о сочетании показателя условного наклонения со спрягаемой формой глагола, которое демонстрирует невозможность употребления индикатора (нереального) условия с формой настоящего времени. Допустимость инфинитива в качестве компонента маркера условности в предложениях типа *Если бы завтра умереть, [...]* совершенно не меняет обязательности осмысления нереального условия в онтологической перспективе прошедшего времени. Чтобы в этом убедиться, достаточно «достроить» такое предложение, используя, например, модальные маркеры, которые всегда подразумеваются в подобных случаях: *Если бы мне возможно было завтра умереть [...]*.

В немецком и ряде других языков формы обычного прошедшего времени (претерита) конъюнктива или замещающего их кондиционалиса I кодируют только (относительно)-нереальное условие в настоящем или будущем, тогда как для кодирования абсолютно нереального условия в прошлом используется форма сложного прошедшего, причем только плюсквамперфекта конъюнктива или замещающего его кондиционалиса II, ср. (20)—(21).

- НЕМЕЦКИЙ
- (20) *Wenn ich morgen Zeit hätte,*
если я завтра время имел.PST.CONJ
würde ich dich besuchen.
1SG.AUX.PST.CONJ я тебя посетить.INF
- (21) *Wenn ich gestern Zeit gehabt hätte,*
если я вчера время имел.PST.PRF.CONJ 1SG.AUX.
hätte ich dich besucht.
PST.CONJ я тебя посетить.PART.II

Отличием от русского и польского языков является здесь разведение темпоральной и модальной дистанции применительно к событию в настоящем / будущем при сохранении общей перспективы, исключающей использование форм настоящего времени при кодировании нереального условия и следствия, в том числе во временной перспективе настоящего или будущего. Иными словами, общим маркером модальной дистанции являются формы прошедшего времени, которые, однако, разнятся в отношении темпоральной функции, ср. [Thieroff 1992; Fabricius-Hansen 1999; 2000].

Подобно русскому и польскому языкам, в немецком формы прошедшего времени глагола сочетаются с обязательными как в протасисе, так и в аподосисе формами конъюнктива.

Наконец, есть языки, в которых категориальная конвергенция времени и наклонения, основанная на категории дистанции, достигает уровня **референциальной идентичности** при кодировании обеих функций. Чаще всего это происходит в протасисе, где нереальное условие кодируется посредством временной по своему происхождению и по своей первичной функции формы прошедшего времени изъявительного наклонения глагола, которая переосмысливается как настоящее или будущее время конъюнктива, ср. (22)—(23).

(22) *If I had time today / tomorrow, I would visit you.*

(23) *Yesterday I had time.*

В предложении (22) модальная дистанция к «фактичности» в протасисе выражена той же формой глагола (simple past), одновременно кодирующей настоящее или будущее

время, что и темпоральная дистанция к моменту речи (предшествование) в предложении (23). Специальные сигналы условного наклонения в (22) в протасисе при этом отсутствуют, в результате чего мы имеем дело с дополнительной дистрибуцией референтной функции грамматической формы *simple past indicative* при кодировании прошедшего времени фактического и настоящего / будущего времени нефактического / контрафактического события.

Аподосис представлен формой сослагательного наклонения, то есть здесь сигнал нереального условия используется, как и в немецком языке, дополнительно к форме прошедшего времени сказуемого.

2. Онтологическая и генеалогическая характеристика условно-нереального периода

Рассмотрим два английских предложения, первое из которых (24) является обычным (фактическим) условным периодом, а второе (25) — нереальным условным периодом:

(24) *If I have time, I will visit you.*

(25) *If I had time, I would visit you.*

Даже поверхностное сопоставление приведенных примеров позволяет сделать вывод о том, что налицо замещение презентных темпоральных сигналов претеритальными. В протасисе вместо *simple present* употребляется *simple past*, а в аподосисе вместо будущего времени с презентной формой вспомогательного глагола *will* используется претеритальная форма данного глагола *would*. В результате в обеих частях периода происходит формально темпоральный, но функционально модальный «категориальный сдвиг», поскольку временная отнесенность в обоих случаях остается неизменной. Таким образом, может быть установлена референтная идентичность [Kotin 2010] темпоральной и модальной дистанции, в силу чего возможной становится их замещение при кодировании пропозиции, содержащей маркированную «модальную дистанционность».

Конечно, определенную роль при кодировании модальности условия играет союз *if*. Однако едва ли оправдано приписывать ему некую «панмодальную» функцию. Во-первых, как было показано в предыдущем разделе, многие языки могут обходиться при кодировании описываемого отношения вообще без союза, заменяя его, в частности, особой топологией протасиса (сдвигом спрягаемой формы глагола влево, в инициальную позицию). Во-вторых, и союзная связь, и топикализация глагола являются вторичными маркерами модального отношения, что убедительно доказывается использованием обоих сигналов как в реальном, так и в нереальном предложении условия. При «фактической» (немаркированной) условности (24) союзный или топологический оператор может считаться первичным маркером, поскольку он выступает (по крайней мере, в синхронии) в качестве исключительно модального сигнала, не пересекающегося с темпоральной референтной сферой. Однако в случае «нефактической» (маркированной) условности необходимым оказывается дополнительный модальный индикатор, независимый от подчинительного союза или замещающей его топикализации глагола. В английском языке таким индикатором в протасисе является простая форма индикатива прошедшего времени в нетемпоральной, модальной прочтении «нереальности» или «ослабленной реальности», причем исконно временная дистанция к прошлому, выражаемая глагольной формой, переосмысливается как модальная дистанция к «области фактического», каноническим маркером которой является обычно форма условного наклонения прошедшего времени. В аподосисе тип маркирования уже иной — здесь темпоральная и модальная форма кодирования дистанции выступают кумулятивно.

В большинстве языков кумулятивный тип кодирования модальной дистанции (прошедшее время независимо от расположения нефактического события на временной оси плюс условное наклонение) характерен как для протасиса, так и для аподосиса, как уже было показано в предыдущем разделе.

Однако в некоторых языках возможно кодирование нереального условия без использования формы сослагательного наклонения не только в протасисе, но одновременно в аподосисе. Так, в греческой версии 30-го стиха 18-й главы Евангелия от Иоанна в протасисе употреблена форма имперфекта **индикатива**, а в аподосисе — форма аориста **индикатива**:

(26) GrB, Joh. 18, 30

Εἰ	μη̄	ἦν	οὗτος	κακὸν	ποιῶν,
если	не	был.IMP.F.IND	сей	зло	делающий
οὐκ	ἄν	σοῖ	παρέδωκαμεν	αὐτόν	
не	мр	тебе	передали.AOR.IND	его	

‘Если бы не был Сей злодеем, мы не предали бы Его тебе’.

Категориальная функция имперфекта индикатива ἦν ‘был’ соответствует функции *simple past* в протасисе английского нереально-условного гипотаксиса, поскольку временная референтность исключает прочтение формы как относящейся к отрезку «прошлое» на временной оси. Поэтому временная дистанция замещается здесь модальной. Что касается аподосиса, то здесь временная дистанция формы аориста изъявительного наклонения *παρέδωκαμεν* (референтность к прошлому) сочетается с маркированной модальной (референтность к нереальному следствию из нереального условия). Конечно, здесь можно констатировать, что кодирование модальной дистанции поддерживается употреблением частицы ἄν, выражающей предположение, желательность, возможность или неуверенность, осмысляемому также как нереальности, подобно грамматикализованной частице *бы* в русском языке. Тем не менее «чистые» глагольные формы в греческом примере являются индикативом, а уровень грамматикализации ἄν не позволяет считать ее по своему статусу функциональным эквивалентом полностью грамматикализованного маркера сослагательного наклонения *бы* в русском языке. Таким образом, кодирование нереального следствия переносится в греческом с парадигматического на синтагматический уровень.

Возвращаясь к протасису в (26), следует отметить, что формы имперфекта индикатива «в модальном употреблении» [Erhart 1989: 75—76] являются, согласно мнению многих индоевропеистов, не просто особенностью эллинистического койне греческого языка, на котором написаны книги Нового Завета, но древней формой кодирования нереального условия, восходящей, по-видимому, к праязыку, ср. [Erhart 1989: 67—70, 75—76; Tichy 2006: 2, 50—52; Krasuchin 2011: 213—215]. Греческий язык в известной мере консервирует данное состояние, сохраняя индикативные формы, референтные к прошлому (прежде всего имперфект и аорист), в их модальном прочтении вплоть до «новозаветной» эпохи эллинистического койне [Wallace 1997: 694—695].

Латинская версия приведенного выше стиха содержит грамматические сигналы косвенного (условного) наклонения в обеих частях гипотаксиса, причем имперфект конъюнктива *esset* ‘был бы’ в протасисе сочетается с плюсквамперфектом конъюнктива *tradidissimus* ‘передали бы’ в аподосисе, что отвечает латинским правилам *consecutio temporum*, поскольку имперфект латинского глагола *esse* в данном случае выражает атемпоральность и кумулятивно (посредством морфемы имперфекта и морфемы конъюнктива) кодируемую модальную дистанцию, а плюсквамперфект конъюнктива выражает как темпоральную (предшествование в прошедшем), так и модальную («нефактическую») дистанцию:

(27) ТАГ, 194, 2 (Joh. 18, 30)

<i>si</i>	<i>non</i>	<i>esset</i>	<i>hic</i>	<i>malefactor;</i>	<i>non</i>	<i>tibi</i>	<i>tradidissimus</i>	<i>eum</i>
если	не	был.IMP.F.CONJ	он	злодей	не	тебе	передали.PQPF.CONJ	его.

В готском и древневерхненемецком как протасис, так и аподосис данного стиха содержат форму претерита конъюнктива, поскольку в германском ареале формы перфекта и плюсквамперфекта возникают позднее, в силу чего темпоральная референтность, подобно русскому или польскому языкам, устанавливается из конкретного контекста:

(28) GB, Joh. 18, 30

nih wesi sa ubiltojis, ni þau weis atgebeima þus ina
 не был.PST.CONJ сей злодей, не мы мы предали.PST.CONJ тебе его

(29) ТАТ 194,2 — согласно нумерации «Евангельской Гармонии» Татиана

oba theser ni uuari ubiluu[u]rhto,
 если сей не был.PST.CONJ злодей
thanne ni saltin uuir inan thir
 тогда не предали.PST.CONJ мы его тебе

Интересно, что в готском протасисе отсутствует подчинительный союз, и глагол, соответственно, перенесен влево, хотя отрицание сохраняет инициальную позицию.

Рассмотрим теперь кодирование условия и следствия несколько иного типа на примере стиха 28 пятой главы Евангелия от Марка, вначале в греческом оригинале:

(30) GrB, Mk. 5, 28

[...] *ἐάν κὰν τῶν ἱματίων αὐτοῦ ἄψομαι, σωθήσομαι*
 если же DEF одежды его дотронусь.AOR.MED.CONJ выздоровею.FUT.MED.IND

‘[...] если дотронусь одежды Его, выздоровею’.

Хотя русский перевод в данном случае не содержит маркеров нереальной модальности (включающей, в частности, желательность, соответствующую значению индоевропейского оптатива), в греческом она выражена именно в протасисе, где используется субъюнктив медиального аориста, тогда как в аподосисе употребляется пассивная (или медиальная) форма индикатива будущего времени. Возникает вопрос: чем обусловлено употребление в протасисе глагольной формы, кумулятивно кодирующей модальную дистанцию при отсутствии подобного кодирования в аподосисе? Аорист в сочетании с субъюнктивом читается как ‘если бы я прикоснулась’, тогда как футурум индикатива очевидно означает не ‘выздоровела бы’, а ‘выздоровею’. По-видимому, здесь имеет место реликтовое употребление формы глагола в придаточном условном, восходящее к древнейшему периоду развития индоевропейских языков, когда оптатив имел именно желательное, а не нереальное значение, то есть модальная дистанция понималась не как дистанция к «фактичности» вообще, а как дистанция между желанием субъекта и его реализацией. Помимо этого, следует учитывать, что именно при проспективной референтности описываемого события греческий язык предпочитает использование форм имперфекта или аориста субъюнктива в протасисе в сочетании с различными формами глагола в аподосисе [Wallace 1997: 696—701]. Вероятной причиной такого типа кодирования временной и модальной дистанции является необходимость дополнительного обозначения будущего времени в условном периоде. Если протасис не требует для этого специальных маркеров, то в аподосисе языки, обладающие формами будущего времени, используют их по понятным логическим основаниям, причем (вторичное) маркирование модальной дистанции (присутствующее в протасисе) является, конечно, факультативным.

В языках без грамматической формы футурума подобное сочетание глагольных форм, конечно, невозможно. Поэтому модальная дистанция, например, в древнегерманских языках выражалась иначе, чем в греческом, латыни или в современных германских языках.

Применительно к древнегерманским языкам Л. С. Ермолаева разграничивает категориальную область оптатива и ирреалиса, полагая, что значение возможного или желаемого условия выражается скорее формами презенса, тогда как условие нереальное кодируется чаще претеритальными формами сослагательного наклонения [Ермолаева 1977: 221—225]. Логически этот постулат вполне объясним, поскольку предполагает усиление разрыва (дистанции) между высказыванием и фактическим положением вещей посредством использования более дистантных по отношению к моменту речи темпоральных форм. Одновременно существуют примеры, где как (реальное) условие, так и вытекающее из него (реальное) следствие кодируются параллельно формами индикатива и конъюнктива, причем временные

формы (презенс и претерит) используются, так сказать, «по прямому назначению», а не в качестве индикаторов модальной дистанции, ср. готский перевод 20 стиха 15 главы Евангелия от Иоанна, где в двух следующих друг за другом реальных условных периодах употребляются формы индикатива (претерита с ретроспективной и презенса с проспективной референцией) и конъюнктива (опять же претерита с ретроспективной и презенса с проспективной референцией):

(31) GB, Joh. 15, 20

jabai mik wrekun, jah izwis wrikand,
если меня гнали.PST.IND и вас гонят.PRS.IND

jabai mein waurd fastaidedeina, jah izwar fastaina
если мое слово соблюдали.PST.CONJ и ваше соблюдают.PRS.CONJ

‘Если Меня гнали, будут гнать и вас, если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше’.

Очевидно, что причиной отсутствия дистанционных маркеров модальности, производных от темпоральных маркеров ретроспективной референтности, является здесь реальность условного периода. Однако обращает на себя внимание использование форм сослагательного наклонения во втором условном периоде, который по содержанию ничем не отличается от первого, где в обеих частях гипотаксиса используется изъявительное наклонение. Такая грамматическая синонимия обусловлена не только влиянием греческого оригинала, но и вообще употреблением архаических общеиндоевропейских образцов, когда маркеры оптатива обозначали, например, желание, независимо от отношения к его осуществимости. Понятно, что в таких случаях дистанция к «фактичности» меньше, чем в нереально-условном периоде, однако она все же присутствует, и выбор формы индикатива или оптатива поэтому может быть произвольным.

Возвращаясь к универсально-типологическим основаниям переноса темпоральной дистанции в модальную сферу, следует подчеркнуть, что данная процедура не является чем-то само собой разумеющимся и требует обоснования путем выявления скрытого грамматического потенциала категорий времени и наклонения, лежащего в основе описываемого здесь механизма. Иными словами, должна существовать онтологически укорененная категориальная корреляция между сигналами, выражающими, в частности, ретроспективную референтность к моменту речи, с одной стороны, и «нефактичность», с другой, что позволяет использовать формы (в том числе индикативные) прошедшего времени в качестве индикаторов нереального условия или следствия из него применительно к настоящему или будущему времени.

Б. Данцигер объясняет это феноменом, который она называет «backshifting», основанным на метафорически переосмысляемой темпоральной дистанции, «which consists in expressing various kinds of non-temporal distance by using a temporary more distant form» [Dancygier 1998: 38], а именно «present for future, past for present» [Ibid.: 65].

Глубинной причиной переосмысления дистанции являются здесь, по-видимому, некоторые базовые свойства референтной области «прошлого», а именно криптотипической (скрытой) корреляции между прошедшим временем, условием и реальностью / «фактичностью». Условие в прошлом всегда осмысливается скорее как невыполненное, нежели как выполненное, — как, например, в немецком языке: *wenn das so wäre [...] vs. wenn das so gewesen wäre [...]*. В первом случае условие теоретически можно трактовать как **все еще выполняемое**, тогда как во втором именно благодаря ретроспективной референтности кодируется нереальность. Обязательное нефактическое прочтение условия в ретроспективе переносится — пусть лишь отчасти — на настоящее и будущее время, когда необходимым оказывается кодирование нереальности в данной темпоральной сфере. Используются ли при этом специальные морфемы «сослагательности» (как, например, в немецком языке) или нет (как, например, в английском), с универсально-типологической точки зрения является вторичным фактором. В этом смысле следует согласиться с В. И. Подлесской: «Though verbal

mood is cross-linguistically the most common device for representing the epistemic status of conditionals, some combinations of tense and aspect can be also used for the purpose» [Podlesskaya 2001: 1005]. Аналогично данная проблема решается и в ряде других работ, в частности, при определении модальной функции плюсквамперфекта. Так, Д. В. Сичинава [2013: 33—34], приводя данные по употреблению плюсквамперфекта в модальной функции в протасисе и аподосисе, объединяет такие языки, как, например, английский и немецкий, хотя в первом граммема конъюнктива отсутствует в протасисе, а во втором она обязательна.

Следует, однако, заметить, что в случае использования в нереальном условном придаточном формы **настоящего** времени глагола, эта последняя обязательно должна выступать в форме конъюнктива. Данное ограничение действует для всех языков или периодов их развития, в которых неэффективные отношения между условием и следствием из него могут в принципе кодироваться презентными формами конъюнктива, что имеет место в древнегерманских языках, хотя презенс конъюнктива в условно-нереальном периоде даже там выступает сравнительно нечасто; ср. [Ермолаева 1977: 216—217, 220—223, 238—240; Schrodtt 1983; 2004: 130; Schrodtt, Donhauser 2002: 2504—2506]. При этом в готском возможно употребление претерита конъюнктива в сочетании с презенсом конъюнктива:

(32) GB, 1. Kor. 4, 8

jah wainei þiudanodeiþ,
и если.бы царствовали.2PL.PST.CONJ
ei jah weis izwis miþþiudanoma
чтобы и мы вам соцарствуем.1PL.PRS.CONJ

‘О если бы вы (действительно) царствовали, чтобы и мы могли с вами царствовать’.

Интересно, что в греческом оригинале в первой части периода используется индикатив аориста, а во второй — конъюнктив аориста, что соответствует узуальному кодированию данных функций в греческом койне Нового Завета:

(33) GrB, 1.Kor. 4, 8

kaì õfelón γε ἐβασιλεύσατε,
и если бы же царствовали.AOR.IND
ĩpa kaì ĩmeĩs úmĩn συμβασιλεύσωμεν
чтобы и мы вам соцарствовали.AOR.CONJ

‘О если бы вы (действительно) царствовали, чтобы и мы могли с вами царствовать’.

При таком распределении модальных и темпоральных сигналов вполне возможна интерпретация, предполагающая предшествование условия следствию. В этом случае готский язык варьирует темпоральные сигналы, сохраняя морфемы условного наклонения, тогда как в греческом в качестве переменной величины выступает форма наклонения при константной форме времени. Этот и подобные ему примеры наиболее наглядно демонстрируют категориальную конвергенцию времени и наклонения при кодировании дистанции как ко времени, так и к реальности.

В древневерхненемецком в условном периоде возможно было, в отличие от современного немецкого языка, сочетание индикатива и конъюнктива настоящего времени, соответственно, в протасисе и аподосисе, ср. следующий пример из «Утешения Философией» Боэция в переводе Ноткера Немецкого (X—XI вв.):

(34) N. 46, 126/16—17

ũbe lãngêr liument kemézen uuirt gágen êuuihêite
если долгая слава измерена станет.PRS.IND против вечности
uuider iro nieht lúzzelêr nesī, sũnde nehêinêr
против оной не меньшая не-есть.PRS.CONJ а никакая

‘Если долгую славу сравнить с вечностью, то она против нее не [была бы] короче, но ничтожна’.

По данным Р. Шродта ([Schrodtt 1983; 2004: 130], ср. также [Schrodtt, Donhauser 2002: 2504—2506]), сходная ситуация сохраняется и в средневерхненемецкий период. Однако начиная с ранненоверхненемецкого периода презенс конъюнктива при кодировании нереального условия в темпоральной перспективе настоящего и будущего достаточно быстро вытесняется претеритом с одновременным закреплением плюсквамперфекта конъюнктива в качестве маркера нереального условия и нереального следствия из него в темпоральной ретроспективе. Таким образом, завершается перестройка системы взаимодействия форм наклонения и времени в условно-нереальном гипотаксисе путем «усиления» маркированности модальной дистанции за счет индцированного «темпорального сдвига» — претерит конъюнктива вместо презенса и плюсквамперфект вместо претерита. Безусловно, данному процессу предшествует грамматикализация аналитических форм перфекта и плюсквамперфекта.

Аналогичное развитие претерпевает английский язык, но здесь выражение модальной дистанции в протаксисе не увязывается с использованием морфем сослагательного наклонения и ограничивается собственно индцированным «темпоральным сдвигом» в индикативе, тогда как аподосис следует правилу как темпоральной, так и модальной маркированности «нереального следствия».

Славянские языки исконно пользуются формами прошедшего времени глагола, получающими в обеих частях гипотаксиса маркер нереального условия в виде частицы *бы*, производной, как известно, от формы прошедшего времени глагола *быть* — *быхъ*, что само по себе характерно с точки зрения рассматриваемой здесь темпоральной маркированности форм, кодирующих модальную дистанцию [Шошитайшвили 1998: 116; Сичинава 2013: 34]. При этом темпоральная дистанция распространяется на все временные ступени, в результате чего нужное темпоральное прочтение обеспечивается средствами контекста. Причиной этого, несомненно, является отсутствие в глагольной системе славянских языков форм, сравнимых с немецким плюсквамперфектом или английским *past perfect*, хотя происхождение данных форм имеет самое непосредственное отношение к славянским плюсквамперфектным моделям; ср. [Шошитайшвили 1998; Сичинава 2013].

3. Статус предложения желательного условия

Рассмотрим теперь предложения типа (35)—(36), которые напоминают эллиптические синтагмы, без труда «достаиваемые» до «полного» гипотаксиса.

(35) *Если бы я это знал!*

(36) *Если бы мы не опоздали на поезд!*

В языках, где индикатором придаточного предложения является, в числе иных, порядок слов, данный «квазипротаксис» обнаруживает все свойства придаточного условного, ср. (37)—(38).

НЕМЕЦКИЙ
(37) *Wenn ich es wüsste!*
если я это знать. 1SG.PST.CONJ

(38) *Hätten wir uns nicht zum Zug verspätet!*
AUX.1PL.PST.CONJ мы REFL.1PL не на.DEF поезд опоздать.PTCP.П

Подобные предложения, внешне напоминающие усеченный до протаксиса условно-нереальный период, встречаются в разных языках и вполне могут считаться лингвистической универсалией [Зевахина 2012: 266—271]. В упомянутой диссертации эти предложения называются оптативными конструкциями и рассматриваются в сопоставлении с восклицательными предложениями «в узком смысле» [Там же: 266], что в целом можно признать вполне приемлемой методикой анализа, хотя все конструкции такого типа представляют

собой разновидность восклицатива. Поэтому в данной работе отличим восклицательных конструкций «в узком» и «в широком» смысле можно пренебречь.

В статье [Evans 2007] утверждается, что оптативные восклицательные предложения содержат имплицитный предикат отсутствующей, но подразумеваемой матричной синтагмы. По сути этот тезис означает, что автор склоняется здесь к рассмотрению данного типа предложений как эллиптических конструкций. Вместе с тем, несмотря на их внешнюю «эллиптичность», они обладают целым рядом признаков, ставящих такой синтаксический статус под сомнение [Truckenbrodt 2006: 257—260].

Прежде всего это касается их обязательной восклицательной просодики. Предложения такого типа могут быть только восклицательными, причем данный признак, безусловно, является не фонетическим, а сугубо грамматическим [Abraham 2016]. Из него прямо вытекает целый ряд релевантных свойств данных синтагм, которые свидетельствуют об их кардинальном отличии от обычного протасиса и не позволяют рассматривать их в качестве эллипсиса. В связи с этим П. Грош [Grosz 2011: 42—56], справедливо приписывая рассматриваемым синтагмам все признаки восклицательных предложений, включая просодическую автономию, которую он считает индикатором прагматико-семантического оператора восклицания (EX-оператор), именно на этом основании полагает, что они, несмотря на внешнее сходство с синтаксисом придаточных предложений, являются синтаксически независимыми.

Сама по себе просодическая структура любого восклицательного предложения, независимо от его пропозициональной структуры, по определению обуславливает его автономию, поскольку не предполагает второй части в качестве обязательного «продолжения» высказываемой мысли. Можно утверждать, что вообще восклицательная интонация несовместима с подчинительным статусом. Глубинной причиной этого феномена является тот факт, что восклицательная просодика представляет собой внешний маркер иллокутивной силы, а последняя всегда самостоятельна и независима по своей сути. Если же мы признаем за синтагмой самостоятельную иллокутивность, то это, в свою очередь, делает ее главным, а не придаточным предложением, даже если другие его структурные или топологические признаки говорят скорее в пользу статуса придаточного.

Косвенным, но достаточно веским подтверждением иллокутивной автономности рассматриваемых синтагм является, в частности, тенденция к использованию в них речевых частиц, междометий и подобных им иллокутивных фразовых и сверхфразовых индикаторов [Abraham 1995; 2014: 206—208] типа *ah, o, только*, польск. *przecież, jednak*, нем. *ach, nur, aber, ja, doch, bloß*, англ. *only* и т. п., ср. (39)—(46).

(39) *Ah, если бы я это знал!*

(40) *O, если бы мы только не опоздали на поезд!*

ПОЛЬСКИЙ

(41) *Ach, gdybym przecież o tym wiedział!*
 ах если.бы.1SG только об этом знал

(42) *Gdybyśmy jednak nie spóźnili się na pociąg!*
 если.бы.1PL все же не опоздали REFL на поезд

НЕМЕЦКИЙ

(43) *Ach, wenn ich das nur wüsste!*
 ах если я это только знал.1.PST.CONJ

(44) *Wenn wir uns ja nicht zum Zug verspätet hätten!*
 если мы REFL же не на.DEF поезд опоздать.PTCP.П AUX.1PL.PST.CONJ

АНГЛИЙСКИЙ

(45) *If I only knew this story!*

(46) *If we only had not come too late!*

Употребление иллокутивных маркеров в протасисе обычного нереально-условного периода нехарактерно, а содержащие их синтагмы, хотя и не всегда исключены, но встречаются крайне редко. В подобных случаях ожидаемы скорее две раздельные синтагмы, чем гипотаксис, ср. (47)—(50).

(47) [?]*Ах, если бы я это знал, я бы никогда так не поступил!*

(48) *Ах, если бы я это знал! Я бы никогда так не поступил!*

НЕМЕЦКИЙ

(49) **Wenn wir uns ja nicht zum Zug verspätet hätten,*
 если мы REFL же не на.DEF поезд опоздать.PTCP.П AUX.1PL.PST.CONJ
wären wir rechtzeitig da gewesen!
 AUX.1PL.PST.CONJ мы вовремя здесь быть.PTCP.П

(50) *Wenn wir uns ja nicht zum Zug verspätet hätten!*
 если мы REFL же не на.DEF поезд опоздать.PTCP.П AUX.1PL.PST.CONJ
Dann wären wir rechtzeitig da gewesen.
 тогда AUX.1PL.PST.CONJ мы вовремя здесь быть.PTCP.П

С другой стороны, некоторые структурные признаки предложений рассматриваемого здесь типа обнаруживают их сходство с придаточными нереального условия. Самым характерным признаком является, конечно, использование аналогичных маркеров подчинительной связи, причем в обоих случаях подчинительный условный союз в некоторых языках (например, в немецком и русском) может опускаться, а в качестве эквивалентного сигнала используется инициальная позиция спрягаемой части сказуемого, ср. (51)—(52).

(51) НЕМЕЦКИЙ
Hätte ich mehr Zeit!
 имел.1SG.PST.CONJ я больше времени

(52) *Было бы у меня больше времени!*

Однако в пользу самостоятельности данных синтагм свидетельствует тот факт, что часто в них также используются иллокутивные частицы, причем в тех языках, где инициальная позиция глагола в бессоюзном придаточном не является обязательной, они, как правило, предшествуют глагольной форме, выступая, таким образом, в качестве сигнала замещающего союза, что в протасисе условно-нереального периода невозможно, ср. (53)—(56).

(53) НЕМЕЦКИЙ
Hätte ich bloß / ja / doch / halt mehr Zeit!
 имел.1SG.PST.CONJ я хоть / же / ведь / только больше времени

(54) *Только бы у меня было больше времени!*

(55) **Только бы у меня было больше времени, я бы поехал с вами.*

(56) *Мари! Вперед! Ура! Россия! / Лишь амбиция была б. / Брала форты не такие / Бутенон и Глазенан (Козьма Прутков).*

Возможно, конечно, и перемещение некоторых иллокутивных частиц вправо, в отличие от союза *если*:

(57) *Войду я к милой в терем / И брошусь в ноги к ней. / Была бы только тройка, / да тройка побыстрей. / Была бы только ночь, / да дочка потемней (С. Рыскин).*

В большинстве языков, однако, замещение речевой частицей союза исключается, причем это обусловлено не только более жесткой топологической структурой предложения, чем в русском, но и отчасти отсутствием сигнала условного наклонения в спрягаемой форме

глагола (как в английском), в силу чего единственным маркером условия является условный союз, а иллокутивная частица кодирует только экспликацию роли говорящего, свойственную автономным синтагмам, ср. (58).

- (58) *If you only knew! / I'm hanging by a thread. / The web I spin for you. / If you only knew!*
(Песня группы «Shinedown»)

С точки зрения семантики пропозиции следует отметить, что в случае «эллиптической» трактовки протасис — это лишь одна из возможных интерпретаций данной синтагмы, поскольку неясно, подразумевается ли здесь вообще аподосис или, например, речь идет о придаточном-подлежащем в гипотаксисе типа *Было бы хорошо, если бы [...]*.

Рассмотрим в этой связи стих 15 из третьей главы Откровения Иоанна Богослова, который в русском Синодальном переводе имеет следующую форму:

- (59) РуБ, Откр. 3, 5
Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!

Польская «Библия Тысячелетия» предлагает следующую версию, которая, за исключением отсутствия междометия и союза, замещенных речевой частицей, совпадает по структуре с русской:

- (60) ВТ, Apokalipsa 3, 5
Znam twoje czyny, że ani zimny, ani gorący nie jesteś.
знаю твои дела; что ни холодный, ни горячий не есть.2SG.PRS
Obys był zimny albo gorący!
если.бы.2SG был холодный или горячий

«Продолжение» последней синтагмы может быть различным в зависимости от принимаемой интерпретации. Так, немецкая так называемая «Textbibel» 1899—1911 гг., в основе которой лежат дословные переводы, существенно различающиеся с лютеровским, содержит речевую частицу *doch*, а вместо союза *wenn* используется маркированная топология с инициальной позицией спрягаемой формы глагола:

- (61) ТВ, Offenbarung 3, 5
Ich kenne deine Werke, daß du nicht kalt noch warm bist.
я знаю твои дела что ты ни холодный ни теплый есть.2SG.PRS.IND
Wärest du doch kalt oder warm!
был.2SG.PST.CONJ ты же холодный или теплый

Лютеровский перевод в редакции 1912 г. и его модернизированная версия содержат, в отличие от амбивалентных с точки зрения «эллиптического» толкования переводов в (59), (60) и (61), трактовку, позволяющую рассматривать «квазиусловную» синтагму не как придаточное условия, а как придаточное-подлежащее, вводимое союзом *dass* (вместо ожидаемого *wenn*):

- (62) LuB, Offenbarung 3, 5:
Ich weiß deine Werke, daß du weder kalt noch warm bist.
я знаю твои дела что ты ни холодный ни горячий есть.2SG.PRS.IND
Ach, daß du kalt oder warm wärest!
ах чтобы ты холодный или теплый был.2SG.PST.CONJ

Перевод в «Библии короля Якова» и современная английская версия данного стиха выглядят так:

- (63) НВ, Apocalypse 3, 5
I know thy works, that thou art neither cold nor hot: I would thou wert cold or hot.

Здесь интересующее нас предложение формально «достоено» до придаточного дополнительного, которому предшествует главное, выражающее желание субъекта высказывания.

Однако сочетание *I would* едва ли можно считать матричным предложением, скорее оно выступает здесь в форме грамматикализированного речевого оператора, сравнимого с иллокутивным маркером со значением желательности и одновременно нереального условия.

Чтобы ответить на вопрос, какой из переводов более «правомерен» или насколько вообще правомерной является сама постановка такого вопроса, рассмотрим греческий оригинал данного стиха:

(64) GrB, Revelation 3, 15

Οἶδά σου τὰ ἔργα,	ὅτι οὐτε ψυχρὸς εἶ	οὐτε ζεστός.
знаю твои дела	что ни холодный есть.2SG.PRS.IND	ни горячий
ὄφελον ψυχρὸς ἦς	ἢ ζεστός.	
хоть.бы холодный был.2SG.PRS.OPT	или горячий	

Форма ὄφελον представляет собой результат грамматикализации более древней греческой глагольной формы — неаугментного аориста, образованного от глагола ὀφείλω с модальной семантикой, которая в сочетании с инфинитивом полнозначного глагола выражала одновременно нереальность и желание. Так, ὄφελον θανεῖν переводилось как ‘я хотел бы умереть’ [Buttmann 1858: §150, 5]. В рассматриваемом стихе данная форма является застывшей и выполняет функцию коннектора со значением желательности и одновременно нереального условия, что в сочетании с формой опатива презенса ἦς дает значение желательного, но нереального признака в отнесении к настоящему времени или понимаемого атемпорально. Дистанция к реальности (нефактичность) кодируется, в отличие от современных русского, польского, немецкого и английского языков, формой опатива настоящего (а не прошедшего) времени.

В латинской версии сочетание речевого коннектора (союза-частицы) и формы презенса сослагательного наклонения в точности копирует греческий оригинал:

(65) Vulg., Apos. 3, 15

Scio opera tua,	quia neque frigidus es	neque calidus.
знаю дела твои	что ни холодный есть.2SG.PRS.IND	ни горячий
Utinam frigidus esses	aut calidus.	
хоть.бы холодный был.2SG.PRS.CONJ	или горячий.	

Церковнославянский перевод использует типичную для славянских языков форму прошедшего времени глагола ‘быть’, причем обычно в скобках приводится пояснение (также на церковнославянском, но в несколько ином виде, поскольку сочетание с *да* в данном значении типично только для южнославянского ареала):

(66) ЦсБ, Откр. 3, 15

Въмъ твоѣ дѣла, яко ни студѣнь еси ни тепль: не да студѣнь бы бѣль ни тепль {о, дабы студѣнь бѣль еси или горящъ}.

Что касается иллокутивных показателей, типичных для автономных независимых синтагм, то в первом варианте используется отрицание, относящееся к синтагме в целом с частицей *да* (*не [да студѣнь бы бѣль ни тепль]*), а во втором условно-желательный союз-частица *дабы* в значении ‘(о), если бы’.

Сопоставление всех примеров показывает, что неправомечно ставить вопрос о том, каким именно эллипсисом является рассматриваемое предложение, поскольку оно вообще не имеет статуса эллипсиса, а, несомненно, обнаруживает все признаки автономного (главного) предложения. Формальные союзы также не эквивалентны омонимичным им союзам «добраиваемых» придаточных, а имеют скорее статус сверхфразовых речевых коррелятивов и должны поэтому вместе с иллокутивными частицами (там, где они есть) рассматриваться как составные иллокутивные индикаторы желательного, но нереального или отсутствующего условия.

В пользу разграничения протасиса условно-нереального периода и автономного предложения желательного нереального условия говорит, наконец, тот факт, что протасис далеко не всегда имеет волитивную семантику, обязательную в автономной синтагме, ср. (67)—(68).

- (67) *Если бы ты оделся теплее, ты бы не заболел. ~ Ах, если бы ты оделся теплее! Ты бы тогда не заболел.*
- (68) *Если бы ты оделся легко, ты бы заболел. ~ *Ах, если бы ты оделся легко! Ты бы тогда заболел.*

Данная особенность имеет логическую природу и является поэтому универсальной для всех языков.

В заключение рассмотрим уже упоминавшийся в другой связи пример — стих 8 главы 4 1-го Послания ап. Павла к коринфянам на греческом (33) и готском (32):

- (69) а. (=32) *jah wainei piudanodedeiþ, ei jah weis izwis miþþiudanoma!*
- б. (=33) *καὶ ὄφελόν γε ἐβασιλεύσατε, ἴνα καὶ ἡμεῖς ὑμῖν συμβασιλεύσωμεν!*
 ‘О если бы вы (действительно) царствовали, чтобы и мы могли с вами царствовать!’

Здесь налицо редчайший пример сложного предложения, которое формально состоит из двух придаточных (второе является придаточным целеполагания) и не имеет главного. С точки зрения структуры гипотаксиса подобная конструкция, конечно, невозможна, а потому требует иной интерпретации. Очевидно, что первая часть гипотаксиса должна трактоваться как автономная синтагма (т. е. по сути главное предложение), что, между прочим, доказывается наличием в греческом оригинале уже рассмотренного выше подробно застывшего иллюкутивного маркера ὄφελόν, которому в готском соответствует *wainei*, а в русском — междометие *о(!)*.

Выводы

В статье рассматривались ключевые с точки зрения генеалогической и контрастивно-типологической атрибуции нереального условного периода и автономного предложения желательного нереального условия характеристики данных синтагм. В центре внимания находились при этом вопросы грамматического статуса этих синтаксических единиц и категориальной конвергенции грамматических сигналов, кодирующих контрафактические (ирреальные) отношения в различных темпоральных перспективах.

Было установлено, что изучаемые конструкции имеют ряд существенных характеристик, обуславливающих их типологическое родство в разных языках. Прежде всего это касается кодирования категории дистанции, которая содержит конвергентные темпоральные и модальные сигналы, благодаря чему прототипическая временная дистанция регулярно переосмысливается как «дистанция к факту». При этом в протасисе возможно как наличие, так и отсутствие граммем категории условного наклонения. В первом случае налицо кумулятивный тип выражения функции «нереальности» описываемого пропозицией события (как это происходит, в частности, в русском, польском, современном немецком, древневерхне-немецком или готском языках), во втором функцию косвенной (нереальной) модальности берет на себя лишь форма прошедшего времени глагола (как в греческом или современном английском). Аподосис, как правило, кодирует нереальное следствие кумулятивно. Во всех случаях присутствует переосмысление дистанции, выражаемой прошедшим временем глагола, как дистанции к факту («нефактичности», «нереальности»), темпорально референтной к настоящему или будущему. Что касается собственно функции временной отнесенности, то в русском и польском языках она выявляется лишь контекстом в силу идентичности всех форм сослагательного наклонения. В современных английском и немецком

языках эти формы разведены: простое прошедшее (simple past и, соответственно, Präteritum) выражают референтность к настоящему и будущему, тогда как референтность к прошлому кодируется посредством аналитических форм прошедшего времени, а именно past perfect и Plusquamperfekt.

В древнегерманских языках (готском, древневерхненемецком), а также в латыни и иногда в греческом, наряду с формами претерита оптаги́ва-ирреали́са / конъюнктива, для выражения нереального условия и следствия в темпоральной перспективе настоящего / будущего могут использоваться также формы настоящего времени условного наклонения. Модальная дистанция выражается при этом только посредством граммем условного наклонения. Применительно к древнегерманским языкам можно предположить, что это связано с отсутствием в их глагольной системе (аналитических) форм «давно прошедшего» времени. В этом случае теоретически имеются два «сценария» категоризации «дистанции к факту» с распределением адекватной ей референтности к отрезкам временной оси.

Первый сценарий реализуется в славянских языках начиная с древнейшего периода их развития, о чем свидетельствует, в частности, церковнославянский язык: показатель конъюнктива (частица *бы* и ее соответствия в других славянских языках) сочетается исключительно с формой прошедшего времени глагола, а соответствующее темпоральное прочтение пропозиции обусловлено только средствами контекста.

Второй сценарий распределяет временные формы глагола в конъюнктиве аналогично индикативу: презенс кодирует нереальное условие и следствие в перспективе настоящего или будущего, претерит — в ретроспективе. Однако уже в древнейший период развития германских языков формы прошедшего времени конъюнктива активно вторгаются в категориальную сферу настоящего / будущего, вытесняя из нее формы конъюнктива презенса, в силу чего происходит движение в направлении «славянского» сценария. Эта тенденция сохраняется вплоть до полного вытеснения форм настоящего времени конъюнктива из функционального поля «ирреали́са», но, в отличие от славянских языков, в германских языках грамматикализация глагольных перифрастических форм «давно прошедшего» приводит к ограничению сферы кодирования нереального условия и следствия в настоящем и будущем формами претерита.

Синтагму, которая с формальной точки зрения по целому ряду критериев соответствует эллиптическому протасису, во всех рассмотренных здесь языках следует определить как автономное предложение, по своему синтаксическому статусу сходное более с главным, нежели с придаточным. В пользу данного вывода говорят как структурные, так и сематические особенности пропозиции, выражающей нереальное желательное условие.

Во-первых, данная синтагма обнаруживает обязательную экскламативную просодику, что ставит ее в один ряд с прочими автономными восклицательными предложениями.

Во-вторых, она чаще всего содержит дискурсивные речевые сигналы (частицы, междометия), являющиеся явными маркерами автономной иллокутивной силы высказывания.

В-третьих, данное предложение не имеет однозначного эллиптического прочтения и может «достраиваться» как до протасиса, так и до придаточного-подлежащего.

В-четвертых, оно имеет обязательную волитивную семантику, которая в случае обычного протасиса является возможной, но не обязательной.

В-пятых, оно может выступать в качестве структурно главного предложения в гипотаксисе в сочетании с придаточным, например придаточным цели.

Таким образом, можно постулировать наличие в языке структурно-семантических моделей главного (правильнее сказать, автономного) предложения, отличающихся от прототипических автономных предложений, содержащих повествовательную, вопросительную или побудительно-восклицательную компоненту. Являясь генетически производными от придаточных, данные синтагмы преобразовались в автономные пропозитивные структуры с самостоятельной иллокутивной формой и семантикой. Употребление конвергентных грамматических сигналов времени и наклонения в такого рода синтагмах не разнится, однако, от их использования в обычном протасисе нереально-условного периода.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	MP — модальная частица
AOR — аорист	OPT — оптатив (желательное наклонение)
AUX — вспомогательный глагол	PTCP.II — страдательное причастие
DEF — определенный артикль	PST — прошедшее время
FUT — будущее время	PRF — перфект
IMPF — имперфект	PL — множественное число
IND — индикатив	PQPF — плюсквамперфект
INF — инфинитив	PRS — настоящее время
CONJ — конъюнктив	REFL — возвратное местоимение
MED — медий (средний залог)	SG — единственное число

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Руб — Библия на русском языке. Синодальный перевод // <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/index.html>, обращение 09.02.2016.
- ЦСБ — Библия на церковнославянском языке (гражданский шрифт), согласно Елизаветинскому изданию // http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek/index.html, обращение 10.02.2016.
- BT — Biblia Tysiąclecia. Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu // <http://biblia.deon.pl/rozdzial.php?id=406>, обращение 22.02.2016.
- GB — Die Gotische Bibel. Teile I und II. (Hrsg. von W. Streitberg). 2., verbesserte Aufl., Heidelberg, 1919; 5. Aufl., 1965.
- GrB — Библия на греческом языке с переводом и анализом [Bible HuB] // <http://biblehub.com/text/revelation/3-15.htm>, обращение 19.02.2016.
- HB — The Holy Bible. 1611 ed. King James Version. Cambridge, 2013 // New Version: <http://www.king-jamesbibleonline.org/>, обращение 20.03.2016.
- LuB — Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments nach der deutschen Übersetzung Martin Luthers mit erklärenden Anmerkungen, Stuttgart, 1912 // Neuversion: <https://www.die-bibel.de/bibelwissen/bibeluebersetzung/deutsche-uebersetzungen/uebersicht/luther-1912/>, обращение 22.02.2016.
- N — Notkers des Deutschen Werke. Nach den Handschriften neu herausgegeben v. E. H. Sehrт und T. Starck. Ersten Bandes erstes Heft. Boethius. De consolatione philosophiae I und II. Halle (S.), 1934.
- TAT — Tatian, lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar, hg. von Eduard Sievers, Paderborn, 1872. Neuauf. 1960.
- TB — Textbibel des Alten und Neuen Testaments, in Verbindung mit zahlreichen Fachgelehrten herausgegeben von E. Kautzsch. Das Neue Testament in der Übersetzung von Carl Weizsäcker. Tübingen, 1911.
- Vulg — Biblia Vulgata Nova // http://www.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_nt_apocalypsis-ioannis_lt.html, обращение 19.02.2016.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ермолаева 1977 — Ермолаева Л. С. Типология развития системы наклонений // Гухман М. М., Макаев Э. А., Ярцева В. Н. (ред.). Историко-типологическая морфология германских языков. Т. 2: Категория глагола. М.: Наука, 1977. С. 212—290. [Ermolaeva L. S. A typology of development of the system of grammatical moods. *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskikh yazykov*. T. 2: *Kategoriya glagola*. Gukhman M. M., Makaev E. A., Yartseva V. N. (eds.). Moscow: Nauka, 1977. Pp. 212—290.]
- Зевахина 2012 — Зевахина Н. А. Синтаксис восклицательных конструкций. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2012. [Zevakhina N. A. *Sintaksis vosklitsatel'nykh konstruktssii*. *Kand. diss.* [The syntax of exclamatory constructions. *Cand. diss.*]. Moscow: Moscow State Univ., 2012.]
- Плунгян 2004 — Плунгян В. А. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 273—291. [Plungian V. A. Counterfactual uses of pluperfect. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. *Vyp. 3: Irrealis i irreal'nost'*. Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmanchieva A. Ju. (eds.). Moscow: Gnozis, 2004. Pp. 273—291.]

- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [Pluperfect typology. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-PRESS, 2013.]
- Шоштайшвили 1998 — Шоштайшвили И. А. Функции и статус плюсквамперфекта в глагольной системе. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 1998. [Shoshitaishvili I. A. *Funktsii i status plyuskvamperfekta v glagol'noi sisteme. Kand. diss.* [Functions and status of pluperfect in verbal system]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1998.]
- Abraham 1995 — Abraham W. Wieso stehen nicht alle Modalpartikel in allen Satzformen? Die Nullhypothese. *Deutsche Sprache*. 1995. No. 23. S. 124—146.
- Abraham 2014 — Abraham W. Diskurspartikel zwischen Modalität, Modus und Fremdbewusstseinsabgleich (Theory of mind). Abraham W. *Schriften zur Synchronie und Diachronie des Deutschen*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 185—229.
- Abraham 2016 — Abraham W. *Wenn / If* cannot be a discourse marker. About apt and inapt arguments on the topic 'insubordinate subordination'. Manuscript, 2016.
- Buttmann 1858 — Buttmann Ph. *Griechische Grammatik*. Berlin: Ferd, 1858.
- Dahl 1997 — Dahl Ö. The relation between past time reference and counterfactuality: A new look. *On conditionals again*. Athanasiadou A., Dirven R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1997. Pp. 97—114.
- Dancygier 1998 — Dancygier B. *Conditionals and prediction. Time, knowledge and causation in conditional constructions*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Erhart 1989 — Erhart A. *Das indoeuropäische Verbalsystem*. Brno: Univerzita J. E. Purkině v Brně, 1989.
- Evans 2007 — Evans N. Insubordination and its uses. *Finiteness. Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. Pp. 366—431.
- Fabricius-Hansen 1999 — Fabricius-Hansen Ch. Moody time: Indikativ und Konjunktiv im deutschen Tempussystem. *Linguistik und Literaturwissenschaft*. 1999. Bd. 113. S. 119—146.
- Fabricius-Hansen 2000 — Fabricius-Hansen Ch. Die Geheimnisse der deutschen würde-Konstruktion. *Deutsche Grammatik in Theorie und Praxis*. Thieroff R. (Hrsg.). Tübingen: Niemeyer, 2000. S. 183—196.
- Fleischman 1989 — Fleischman S. Temporal distance: A basic linguistic metaphor. *Studies in Language*. 1989. Vol. 13. No. 1. Pp. 1—50.
- Greenberg 1966 — Greenberg J. H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. *Universals of Language*. 2nd ed. Greenberg J. H. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1966. Pp. 73—113.
- Grosz 2011 — Grosz P. *On the grammar of optative constructions*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 2011.
- Haiman 1986 — Haiman J. Constraints on the form and meaning of the protasis. *On conditionals*. Traugott E. C., ter Meulen A., Reilly J., Ferguson Ch. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. Pp. 215—227.
- Jespersen 1924 — Jespersen O. *The philosophy of grammar*. London: G. Allen & Unwin, 1924.
- Johnson-Laird 1986 — Johnson-Laird P. N. Conditionals and mental models. *On conditionals*. Traugott E. C., ter Meulen A., Reilly J., Ferguson Ch. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. Pp. 55—75.
- Kotin 2010 — Kotin M. L. Zur referenziellen Identität von Tempus- und Modusformen. *Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht*. Kačny A., Socka A. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. S. 29—38.
- Kotin 2013 — Kotin M. L. Die wenn-dann-Hypotaxe aus synchroner, diachroner und typologischer Sicht. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2013. Bd. 41. No. 3. S. 413—442.
- Krasuchin 2011 — Krasuchin K. Der Konjunktiv aus historischer und typologischer Sicht. *Geschichte und Typologie der Sprachsysteme / History and typology of language systems*. Kotin M. L., Kotorova E. G., Unter Mitarbeit von / in collaboration with Durrell M. (Hrsg. / eds.). Heidelberg: Winter, 2011. S. 213—228.
- Michaelis 1998 — Michaelis L. *Aspectual grammar and past-time reference*. London: Routledge, 1998.
- Podlesskaya 2001 — Podlesskaya V. I. Conditional constructions. *Language typology and language universals*. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Teilbd. 2. Berlin: de Gruyter, 2001. Pp. 998—1010.
- Reis, Wöllstein 2010 — Reis M., Wöllstein A. Zur Grammatik (vor allem) konditionaler V1-Gefüge im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2010. Bd. 29. S. 111—179.
- Reichenbach 1947 — Reichenbach H. *Elements of symbolic logic*. New York: Macmillan & Co, 1947.
- Schrodt 1983 — Schrodt R. *System und Norm in der Diachronie des deutschen Konjunktivs. Der Modus in althochdeutschen Inhaltssätzen (Otfrid von Weissenburg — Konrad von Würzburg)*. Tübingen: Niemeyer, 1983.

- Schrodt 2004 — Schrodt R. *Althochdeutsche Grammatik*. Bd. II: *Syntax*. Tübingen: Niemeyer, 2004.
- Schrodt, Donhauser 2002 — Schrodt R., Donhauser K. Tempus, Aktionsart und Modus im Deutschen. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. 3. Aufl., Teilbd. 3. Besch W., Betten A., Reichmann O. (Hrsg.). Berlin: de Gruyter. S. 2504—2525.
- Steele 1975 — Steele S. Past and irrealis: Just what does it all mean? *International Journal of American Linguistics*. 1975. Vol. 41. No. 3. Pp. 200—217.
- Thieroff 1992 — Thieroff R. *Das finite Verb im Deutschen. Tempus — Modus — Distanz*. Tübingen: Narr, 1992.
- Tichy 2006 — Tichy E. *Der Konjunktiv und seine Nachbarkategorien. Studien zum indogermanischen Verbum, ausgehend von der älteren vedischen Prosa*. Bremen: Hempen, 2006.
- Truckenbrodt 2006 — Truckenbrodt H. On the semantic motivation of syntactic verb movement to C in German. *Theoretical Linguistics*. Vol. 32. No. 3. S. 257—306.
- Wallace 1997 — Wallace D. B. *Greek grammar beyond the basics. An exegetical syntax of the New Testament*. Grand Rapids (MI): Zondervan, 1997.

Статья поступила в редакцию 25.03.2016.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

E. van Gelderen (ed.). Cyclical change continued. Amsterdam: John Benjamins, 2016. viii + 429 p. (Linguistics today 227). ISBN 978-90-272-5710-9*.

Мария Валерьевна Шкапа

Maria V. Shkapa

Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; mashashkapa@gmail.com

Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation; mashashkapa@gmail.com

Рецензируемый сборник посвящен циклическим диахроническим явлениям в морфосинтаксисе. Один из известных и типологически распространенных примеров цикла — цикл отрицания: в языке периодически появляется новый показатель отрицания, вначале употребляющийся вместе со старым и постепенно его вытесняющий (ср. лат. *non dicit* > франц. *il ne dit pas* > франц. разг. *il dit pas* ‘он не говорит’). Основоположителем теории циклических, или спиралевидных, изменений в языке считается А. Мейе (см. его статью 1912 г. «L'évolution des formes grammaticales» в 12-м выпуске журнала «Scientia»).

В сборнике противопоставляются два типа циклов. Цикл отрицания — **микроцикл**: циклическим преобразованиям подвергается подсистема языка. Другие примеры микроциклов — циклические изменения показателей ТАМ или личных показателей. **Макроцикл** же характеризует преобразования в языке в целом, например переход от аналитического строя к синтетическому с последующим возвращением к аналитическому строю. Если существование микроциклов ни у кого не вызывает сомнения, то макроциклы — это, скорее, гипотеза, требующая подтверждения либо опровержения (этой проблеме посвящена часть статей сборника).

Авторы статей ставят перед собой задачу дать ответы на следующие вопросы, перечисляемые во введении (с. 9):

- a. Какие циклы существуют и почему?
- b.
 - i. Какие семантические и грамматические категории принимают участие в циклах?
 - ii. Каковы источники новых языковых единиц после десемантизации старой единицы?
 - iii. В какой момент происходит появление в цикле новой языковой единицы?
- c. Можно ли выделить в цикле типичные стадии?
- d.
 - i. Почему некоторые переходы часты, а некоторые, напротив, редки?
 - ii. Какие структурные факторы оказывают влияние на протекание циклических изменений?
- e. Какую роль в циклических изменениях играет языковой контакт?¹

Кроме введения из двух глав, сборник содержит три раздела, соответствующие различным типам циклов: «Макроциклы», «Микроциклы отрицания» и «Местоименные, кванторные и модальные микроциклы», а также библиографический и предметный указатели. Помимо тематического противопоставления, статьи различаются охватом языков: часть

* Работа выполнена в рамках Государственного задания НИР 2685 «Параметрическое описание грамматических систем».

¹ Перевод здесь и далее наш.

исследований посвящены грамматикализации конкретных показателей в одном или нескольких языках (например, статья Р. Гергеля о пути грамматикализации слов *rather* (англ.) 'скорее' и *eher* (нем.) 'то же' или статья Р. Сантаны-Лябаржа о показателе будущего времени в китайском), другие пользуются выборкой, включающей языки нескольких семей (например, работа Л. Н. Веселиновой об экзистенциальном показателе с негативной полярностью), третьи пытаются дать полный охват некоторого явления (например, первая из статей основной части сборника, посвященная радикальному анализиру, авторства Дж. МакУортера); одна из работ — ареальная: о цикле отрицания в Северной и Южной Америке (Й. ван дер Аувера, Ф. Фоссен). Некоторые авторы привлекают для анализа циклов формальные синтаксические и семантические фреймворки; большинство пользуются типологическим подходом.

В первой главе введения Э. ван Гельдерен перечисляет основные проблемы, связанные с темой циклов, дает необходимые определения и рассказывает об истории вопроса. Во второй главе, написанной М. Митун, рассматривается множество конкретных примеров грамматических циклов, в основном взятых из ирокезских языков, а также содержатся размышления автора на тему влияния на процесс грамматикализации различных факторов, среди которых частотность языковых единиц, доступность источников новых показателей и языковые контакты.

Первый раздел основной части сборника, «Макроциклы», включает три работы, первые две из которых объединены общей темой циклического перехода языка от аналитизма к синтетизму.

Дж. МакУортер в статье «Нормален ли радикальный аналитизм?» отстаивает точку зрения, что теория естественного дрейфа языков от крайнего аналитизма к крайнему синтетизму и обратно неверна: радикальный аналитизм крайне редок и регулярно наблюдается только в случаях, когда язык пережил массовое усвоение взрослыми носителями других языков, например в креолах. В других случаях, как правило, с исчезновением старых аффиксов появляются новые и радикального аналитизма язык не приобретает. МакУортер рассматривает два объединения, включающих языки, известные своим крайним аналитизмом: нигеро-конголезские языки и языки Восточной и Юго-Восточной Азии. Анализируя историю и географию первых, он предполагает, что их аналитизм может объясняться языковыми контактами, а именно прохождением через этап усвоения в качестве L2. Аналитизм языков Восточной и Юго-Восточной Азии МакУортер считает ареальным явлением, распространявшимся в результате контактов языков других семей с китайским. В свою очередь, крайний аналитизм древнекитайского языка он интерпретирует как показатель того, что прасинотибетский (также реконструируемый как аналитический) был креолом. Таким образом, МакУортер полагает, что, поскольку радикальный аналитизм встречается очень редко и во всех известных случаях объясняется или может объясняться контактными явлениями, его можно уверенно считать следствием контакта с носителями других языков, усваивавшими данный язык не в качестве родного.

В статье «Аналитическо-синтетическая спираль в истории английского языка» Б. Смерчаньи оспаривает идею линейного перехода английского языка от большего синтетизма к большему аналитизму с древнеанглийского по современный период. На материале серии исторических корпусов британского английского языка, The Penn Parsed Corpora of Historical English², он демонстрирует, что в период с XII по XX в. английский не становился постепенно все более аналитическим: аналитичность возрастала вплоть до конца ранненовоанглийского периода (XIII в.), в XIV в. язык демонстрирует максимальный за анализируемый период синтетизм, а затем он постепенно переходит к все более аналитическому состоянию, в XX в. приближаясь к показателям XIII в.

Работа М. Бахчевановой и Э. ван Гельдерен «Взаимодействие субъектного и объектного циклов во французском языке» содержит новые данные о развитии личных показателей

² Корпус доступен по адресу: <http://www.ling.upenn.edu/hist-corpora>.

в современном французском языке, полученные на материале корпуса разговорного языка. Авторы отмечают сосуществование во французском двух тенденций: к грамматикализации личных местоимений в согласовательные показатели, допускающие наличие при них независимых личных местоимений, и — более слабой — к дублированию или замещению объектных проклитик фонологическими самостоятельными местоимениями в позиции после глагола. В последнем разделе статьи предлагается также интерпретация наблюдаемых фактов в минималистском фреймворке.

Раздел «Микроциклы отрицания» состоит из трех статей. Открывает его статья Л. Н. Веселиновой «Цикл экзистенциального отрицания через призму типологических данных». Проанализировав материал языков шести семей, автор уточняет существующие представления о цикле экзистенциального отрицания (превращения экзистенциального отрицания в универсальное, за чем следует появление нового экзистенциального отрицания) и, кроме прочего, показывает, что обычно в языке так или иначе сосуществуют несколько стадий данного цикла.

В работе «Циклы Есперсена в майяских, кечуа и аравакских языках» Й. ван дер Ауверы и Ф. Фоссена рассматривается происхождение показателей отрицания в языках названных семей. Если в языках майя и кечуа новые показатели отрицания имеют источником маркеры ирреалиса, проходящие, как полагают авторы, стадию маркирования эмфатического отрицания, то в аравакских, вероятно, наблюдается грамматикализация в показатель отрицания привативного маркера, необычная тем, что новый отрицательный показатель оказывается слева от глагола.

В статье К. Пая «Майяские циклы отрицания» предлагается реконструкция источников показателей отрицания для ветвей данной семьи и далее для протомайя. Автор обращает внимание на то, что для майя типична замена одного показателя отрицания другим в результате выравнивания парадигмы — без прохождения стадии, где два показателя сочетаются друг с другом, которую предполагает цикл отрицания, предложенный Есперсеном.

Раздел «Местоименные, кванторные и модальные микроциклы» включает шесть статей. В работе «Личное согласование в диахронии: в юте и, возможно, всюду» Т. Гивон сравнивает различные средства поддержания референции: личные согласовательные показатели, независимые местоимения, нулевую анафору, дейктические местоимения и порядок слов — с точки зрения дискурсивных условий их употребления. Статья «Цикл степени» Дж. Л. Вуд рассказывает о грамматикализации в английском языке наречий со значением степени из дейктических местоимений и наречий. В статье «Модальность и градация: сопоставление развития *rather* и *either*» Р. Гергель, пользуясь аппаратом формальной семантики, сравнивает развитие у данных слов значения «модального упорядочивания» из значения временного предшествования в английском и немецком языке соответственно. Статья «All you need is another 'need': о цикле NPI в истории немецкого языка» Л. Енджеевского посвящена истории глаголов *dürfen*, *bedürfen* и *brauchen* (приблизительные значения всех трех глаголов — 'мочь, нуждаться, быть должным'), последовательно сменявших друг друга в одних и тех же значениях и образующих, как полагает автор, модальный цикл. Завершает раздел статья «Грамматикализация 要 *yao* и цикл будущего времени в период от архаического китайского до современного мандарина» Р. Сантаны-Лябаржа, где рассматривается история слова 要 *yao*, проходящего путь от глагола со значением 'хотеть' до маркера будущего времени.

Сборник содержит множество новых фактов, связанных с теорией циклических грамматических переходов, корректирует и дополняет ее. В частности, в нем ставится под сомнение существование макроциклов в их традиционном понимании, уточняются представления о циклах отрицания и циклах личных показателей и предлагаются некоторые новые циклы.

N. Levshina. How to do linguistics with R. Amsterdam: John Benjamins, 2015. xii + 443 p. ISBN 978-90-272-1224-5*.

Александр Чедович Пиперски

Alexander Ch. Piperski

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, 101000,
Российская Федерация; apiperski@gmail.com

National Research University Higher School of
Economics, Moscow, 101000, Russian Federation;
apiperski@gmail.com

Рецензируемая книга — введение в статистику для лингвистов с упором на использование популярной статистической среды R [R Core Team 2014]. Книга содержит 20 глав и два приложения, посвященных техническим аспектам работы с R. В главе 1 обсуждаются основные понятия статистики: нулевая и альтернативная гипотеза, статистическая значимость, типы ошибок, двусторонние и односторонние тесты, типы переменных. В главе 2 автор предлагает краткое введение в язык R, а последующие 18 глав посвящены применению различных статистических методов к лингвистическим данным.

В главах 3 и 4 обсуждается описательная статистика в применении к количественным и категориальным переменным. В главе 5 автор переходит к сравнению выборок с помощью параметрических и непараметрических методов. В главах 6—7 речь идет о корреляции и линейной регрессии, а глава 8 посвящена дисперсионному анализу (ANOVA). В главе 9 рассказывается о связях между категориальными переменными; пожалуй, это самая важная глава книги, поскольку анализ таблиц сопряженности — едва ли не самое распространенное применение статистики в лингвистических работах. Главы 10—11 посвящены коллокациям и коллострукциям (collostructions), в них подробно анализируются различные меры ассоциации. В главах 12—13 речь идет о логистической регрессии — как бинарной, так и мультиномиальной. В главе 14 автор рассказывает про деревья решений и random forests. В главах 15—16 описывается кластеризация на основе различных методов измерения расстояний между объектами. В главах 17—19 представлены различные методы уменьшения размерности данных: многомерное шкалирование, факторный анализ, метод главных компонент, анализ соответствий. Глава 20 посвящена динамической визуализации языковых изменений.

Н. Левшина использует примеры из самых разных областей лингвистики и из разных языков (хотя по большей части все-таки из английского). Так, в главе 7 анализируются психолингвистические данные (время реакции на стимулы разной длины, разных частей речи и разной частотности), в главе 8 речь идет о синтаксических особенностях никарагуанского жестового языка, в главе 9 — об употреблении метафор в различных типах английских текстов, в главе 12 — о нидерландских каузативных конструкциях с глаголами *doen* ‘делать’ и *laten* ‘позволять’, в главе 16 — о дистрибутивной семантике. Разумеется, через всю книгу, хотя и ненавязчиво, проходят идеи и методы корпусной лингвистики: источниками данных для примеров преимущественно являются не эксперименты, а корпуса. Разнообразие анализируемых данных выгодно отличает книгу Н. Левшиной от некоторых других книг по статистике для лингвистов, например [Gries 2009; Larson-Hall 2010], которые намеренно ограничивают себя одной узкой областью, будь то корпусная лингвистика или освоение второго языка. Впрочем, из этого же следует, что данная книга вряд ли сможет служить настольной книгой по статистике для специалистов в какой бы то ни было узкой области знания: психолингвистов, компьютерных лингвистов и т. д.

Книга Н. Левшиной — превосходный практический справочник по работе с R. Все статистические выкладки снабжены кодом, который читатель может тестировать на своем собственном компьютере, а инструкции по использованию среды R отличаются четкостью и ясностью. Н. Левшина уделяет большое внимание визуализации данных, предлагая читателю пользоваться не только базовыми графическими возможностями R, но и пакетом

* Автор рецензии благодарит А. А. Сорокину за ценные замечания и дополнения.

ggplot2. Изложение наглядно показывает, что лингвисту полезно помнить, что нужные ему статистические методы чаще всего уже реализованы в одном из бесчисленных существующих дополнительных пакетов для R: автор предлагает пользоваться более чем 30 такими пакетами разной степени известности. Разумеется, запомнить все эти пакеты и входящие в них функции невозможно, да и не нужно — всегда можно справиться в документации. Но, конечно, даже то, что упомянуто в этой книге, лишь капля в море: так, например, в главе 17 из пакетов для картографирования упоминаются только `fields` и `rworldmaps`, хотя число таких пакетов на момент написания рецензии заметно превышает сотню [Moroz 2015; Bivand 2016].

Рецензируемая книга примечательна обилием и высоким качеством электронных сопроводительных материалов, которые собраны на сайте <http://dx.doi.org/10.1075/z.195.website>. Там можно найти 44 упражнения и 93 вопроса на понимание прочитанного, все фрагменты программного кода, представленные в книге (так что читателю не придется перенабирать их вручную), а также пакет `Rling` для R, содержащий в себе все наборы данных, использованные в книге, и написанные автором функции. Жаль, правда, что этот пакет не выложен ни в какой публичный репозиторий, например [CRAN], и поэтому его приходится устанавливать вручную, а не при помощи простейшей команды `install.packages("Rling")`. Благодаря большому количеству упражнений и наборов данных эта книга может сильно облегчить жизнь преподавателям статистики для лингвистов: даже не будучи лингвистами, они смогут использовать в своей работе готовые примеры, связанные с языкознанием.

Как и любую другую книгу такого объема, работу Н. Левшиной можно подловить на мелких непоследовательностях, неточностях и некорректностях. Так, для обозначения категориальных переменных принято неудачное терминологическое решение: на с. 18 термины «qualitative» и «categorical» вводятся как синонимы, затем слово «qualitative» используется в заглавии главы 4, специально посвященной именно таким переменным, после чего несколько раз упоминается в главах 18 и 19, тогда как во всех остальных главах употребляется «categorical». На с. 166 обнаруживается некоторая небрежность в использовании статистических терминов: «В идеале всякая построенная модель должна тестироваться на новых данных (это называется скользящим контролем)»¹. Однако термин `cross-validation` (скользящий контроль, перекрестная проверка) применяется именно что не к тестированию на новых данных, а к разделению одного и того же набора входных данных на обучающую и тестовую выборку разными способами, которое позволяет удостовериться, что модель во всех этих случаях работает примерно одинаково, а значит, не оказалась переобученной (то есть чрезмерно подогнанной под обучающие данные). На с. 200, где речь идет о связях между категориальными переменными, говорится, что цель исследования состоит в том, чтобы установить, являются ли переменные *Variety* и *Construction* независимыми или зависимыми (связанными). Однако термин «зависимая переменная» (и его английский аналог «dependent variable») так не употребляется: обычно одну переменную называют зависимой, а другую или несколько других — независимыми. На с. 209 и 217 автор упрекает коэффициент ϕ за то, что он может давать значения в более широком диапазоне, чем от -1 до 1 , для таблиц, больших, чем 2×2 . Однако это не так: только для таблиц 2×2 этот коэффициент и определен; правда, функция `assocstats` в пакете `vcd` той версии, которую использовала Н. Левшина, видимо, выдавала для больших таблиц те же значения, что и *V* Крамера, однако сейчас это уже исправлено, и в таких случаях сообщается `Phi-Coefficient: NA`. На с. 224 приводится статистика поиска по Британскому национальному корпусу (BNC) слов *bonsai* и *tree* в сочетании и не в сочетании друг с другом, однако воспроизвести приведенные автором результаты в точности мне не удалось ни по одному из распространенных интерфейсов поиска по BNC, будь то `BYU-BNC`, `BNCWeb` или `SketchEngine`, а Н. Левшина, к сожалению, не указывает, какой именно системой поиска она пользовалась (возможно, что это собственный поиск по публично доступным файлам

¹ «Ideally, every fitted model should be tested on new data (this is called cross-validation)».

BNC, но тогда это стоило бы упомянуть). Впрочем, для содержательной интерпретации результатов едва ли важно, встречается ли слово *tree* 5982 раза (как в BYU-BNC), 6124 раза (как в SketchEngine), 6132 раза (как в BNCWeb) или 6136 раз (как у Н. Левшиной). Немного странным выглядит выбор методов определения коллокаций в главе 10, где лишь упомянуты, но не используются две наиболее популярных метрики: взаимная информация и z -мера. В программном коде встречаются незначительные опечатки: так, в сноске на с. 159 предлагается использовать формулы вида $y \sim I(x^2)$, хотя в R невозможно ввести надстрочный символ и должно быть написано $y \sim I(x^{\wedge}2)$.

Однако такие мелочи не самое интересное, что можно обсуждать в связи с этой книгой. Работа Н. Левшиной заставляет задуматься о гораздо более важных вещах, а именно о том, как надо учить лингвистов статистике. Вопрос, как преподавать математику лингвистам, — один из важнейших вызовов, стоящих перед российским и мировым лингвистическим образованием, и готового ответа на него нет.

Математика проникла в лингвистическое образование в 1950-е — 1960-е гг., но тогда наиболее перспективной казалась дискретная математика, а вовсе не статистические методы. Например, в книге [Ахманова и др. 1961] статистике посвящена лишь одна глава, написанная Р. М. Фрумкиной, да и та удостоилась довольно скептического отзыва от Д. Хейза и Д. Мор в предисловии к английскому переводу той же книги [Akhmanova et al. 1963: v—vi]. Однако в дальнейшем оказалось, что дискретная математика, в частности математическая логика, важна лишь для некоторых узких областей лингвистики (например, для формальной семантики), тогда как без статистики сейчас немислимы ни фонетика, ни психолингвистика, ни корпусная лингвистика, ни почти что никакая другая область науки о языке. Лингвистика в этом отношении сблизилась с социологией, психологией, медицинской и многими другими науками — как социально-гуманитарными, так и естественными.

Первый учебник статистики специально для лингвистов, по-видимому, появился в начале 1970-х гг., причем на русском языке [Головин 1970], а его первый англоязычный аналог — лишь спустя 15 лет [Butler 1985]². Незадолго до этого, впрочем, вышла книга [Kenney 1982], которая предназначалась для литературоведов, но, конечно, стилеметрическую проблематику, стоящую в центре этой книги, можно с тем же успехом назвать и лингвистической. Как бы то ни было, массовой популярности эти книги не достигли, и те, кто желал применять статистические методы к языковым данным, так и оставались по большей части автодидактами:

В таблицах сумма по столбцам и сумма по строкам никак не хотели сходиться; какими хитростями я их одолевал — не буду об этом рассказывать. Доверительные интервалы надежности результатов я (как и мои предшественники и сверстники) подсчитывал очень редко, здесь потомки еще сделают охлаждающие оговорки к нашим открытиям [Гаспаров 2001: 316].

Конечно, надо сделать скидку на скромность М. Л. Гаспарова, но, в общем, эта цитата не слишком утрирует реальное положение дел, которое стало меняться только начиная с конца первого десятилетия XXI в., когда в лингвистике произошел «количественный поворот» [Janda 2013], а учебники по статистике для лингвистов наконец-то начали появляться массово [Baayen 2008; Johnson 2008; Rasinger 2008/2013; Gries 2009; 2010/2013; Larson-Hall 2010; Meindl 2011; Cantos Gómez 2012; Jockers 2014; Eddington 2015]. Правда, стоит отметить, что, хотя издательство «John Benjamins» и выпускает 84 серии книг по лингвистике

² Я не упоминаю другую традицию, сформировавшуюся примерно в те же годы — восточноевропейскую квантитативную лингвистику, представленную, например, работами Г. Альтмана, Р. Г. Пиотровского, Р. Кёлера (ср. [Пиотровский и др. 1977]), поскольку она явно не стала лингвистическим мейнстримом и, что даже важнее, развивалась и продолжает развиваться вне всякой связи со статистическими методами, используемыми в большинстве социально-гуманитарных и естественных наук, а скорее примыкает к физике и математике.

и смежным дисциплинам, рецензируемая книга вышла вне серий, так что совсем уж типовым этот жанр пока не стал.

Все перечисленные учебники отличает одно важное свойство: они предназначены для читателя с математической подготовкой на школьном уровне и почти не требуют понимания математических основ того, что в них описывается. Это идет вразрез с российской традицией преподавания статистики лингвистам, которая обычно предусматривает глубокое погружение в математику. При этом математики, преподающие лингвистам, предпочитают не замечать, что даже простые и понятные на их взгляд книги — например, [Лагутин 2009] с характерным названием «Наглядная математическая статистика» — остаются совершенно недоступны лингвистам.

Книга Н. Левшиной хороша (или, наоборот, плоха — это уж как посмотреть) тем, что она написана не для математика, а для лингвиста, который нуждается в статистике, но не пытается дойти в этой области до самой сути. Ее целевая аудитория — это человек, который пусть и не разбирается досконально в устройстве стиральной машины, но был бы не прочь носить чистые вещи и даже готов ради этого прочитать инструкцию. Никаких предварительных знаний ни по математике, ни по программированию автор от читателя не ожидает: так, на с. 259 она специально уточняет, что экспонента — это операция, обратная логарифмированию.

Уровень непрозрачности инструкций, которые дает Н. Левшина, возрастает по мере продвижения вперед по книге. В начальных главах еще приводятся формулы (например, для вычисления выборочного стандартного отклонения на с. 48, для вычисления стандартной ошибки и доверительных интервалов при применении z -теста и t -теста на с. 99), но дальше их становится все меньше, и, соответственно, все больше информации приходится принимать на веру. Так, на с. 201 описывается κ Коэна (мера согласия аннотаторов), но определение ей дается только самое общее и притом вербальное, без всяких формул, и остается только верить, что если эта мера близка к 1, то это хорошо, а если нет, то плохо. Это же касается и некоторых указаний по использованию R: например, на с. 166 говорится, что при использовании функции `ols` из пакета `rms` необходимо к обычному перечню аргументов для функции `lm`, которая отвечает за линейную регрессию, добавить `x = TRUE` и `y = TRUE` — но что означают эти аргументы и для чего они нужны, не объясняется. На с. 328 автор для удобства преобразует объект типа `data frame` в матрицу, однако не уточняет, можно ли без этого обойтись или помимо удобства имеются другие соображения. В результате у далекого от программирования читателя может сложиться впечатление, что при пользовании языком R иногда следует выполнять ничем не объяснимые магические действия. Впрочем, автор специально оговаривает (с. 2, 21), что обучение программированию на R не входит в задачи книги. Лишь однажды (на с. 168) приводится пример пользовательской функции. Это позволяет сфокусироваться на основной цели, однако означает, что желающему полноценно изучить язык R лингвисту неминуемо придется обращаться дополнительно к другим учебникам или руководствам.

Но следует признать, что иногда непрозрачность выглядит вполне оправданно для книги такого жанра. Так, Н. Левшина не раз апеллирует к практическому правилу, что количество элементов в выборках, которые предполагается сравнивать статистическими методами, должно быть больше 30 (с. 88, 95, 99, 109, 126). Откуда берется число 30, читатель так и не узнает: упоминания центральной предельной теоремы в книге нет — но, может быть, это и к лучшему, потому что сам смысл этого математического утверждения рискует остаться непонятным лингвисту даже после долгого объяснения (что уж говорить о его доказательстве). А тем, кто все-таки захочет узнать поподробнее, почему именно 30, можно порекомендовать [Johnson 2008: 38—49] или одну из более общих книг по статистике: например, [Urda 2010; Salkind 2014], к которым сама Н. Левшина адресует читателя в конце главы 1, посвященной базовым понятиям статистики. Стоит упомянуть в том же ряду книгу [Field A. et al. 2012], на которую автор неоднократно ссылается, но не приводит в качестве рекомендуемой литературы, хотя кажется, что стоило бы это сделать, потому что

хулиганский стиль Э. Филда (с историями из его детства и примерами про то, имеет ли кока-кола спермицидное действие или нет) вполне может привлечь даже читателя, сторонящегося математики.

Вообще говоря, литературу по статистике можно разделить на три больших класса: для математиков, для не-математиков в целом и для специалистов в одной конкретной области науки. Среднему лингвисту, желающему как следует освоить и научиться применять статистику, книги первого типа бесполезны или даже вредны, потому что они не дают понимания, но отбивают интерес. А вот книги второго и третьего типа, кажется, полезно сочетать: все-таки есть ощущение, что для усвоения базовых понятий специализированной лингвистической книги мало. Я смею усомниться в том, что одной 19-страничной вводной главы в книге Н. Левшиной окажется достаточно, чтобы понять, что такое, например, статистическая значимость — но, если уже иметь об этом некоторое, хотя бы смутное представление, эта четкая и ясно написанная глава позволит его упрочить. Более того, она вполне может быть полезна и исследователям, прослушавшим курс математической статистики, но не применявшим ее методы на практике. Ценно, что на протяжении всей книги четко прослеживается одна мысль, важная при применении статистики: нужно не просто получить результат, но и правильно проинтерпретировать как его содержание, так и значимость.

Цитировавшийся выше М. Л. Гаспаров вспоминает один свой разговор с С. С. Аверинцевым:

«Послушайте, — сказал он, — был такой фильм с Брижит Бардо, “Бабетта идет на войну”: там героиню легкого поведения готовили быть великосветской шпионкой и учили ее: “Запомните: Корнель — это сила, Расин — это высота, Франс — это тонкость...” Вам не кажется, что вы зовете именно к такому уровню?» — «Господи! — сказал я. — Да если бы у нас все усвоили, что Корнель — это сила, а Франс — это тонкость, разве это не было бы уже полпути к идеалу!» Он улыбнулся и не стал спорить [Гаспаров 2001: 107—108].

То же можно сказать и о книге Н. Левшиной: она, пожалуй, не обеспечит читателю глубокого понимания статистики, но может быть, не всякий лингвист может и должен достигать такого понимания. А вот с тем, чтобы продвинуть лингвиста к идеалу хотя бы на полпути и обеспечить его инструментарием для проведения квантитативных исследований, книга несомненно справляется очень успешно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахманова и др. 1961 — Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М. О точных методах исследования языка (о так называемой «математической лингвистике»). М.: Издательство Московского университета, 1961. [Akhmanova O. S., Mel'chuk I. A., Paducheva E. V., Frumkina R. M. *O tochnykh metodakh issledovaniya yazyka (o tak nazyvaemoi "matematicheskoi lingvistike")* [Exact methods in linguistic research: On the so-called "mathematical linguistics"]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1961.]
- Гаспаров 2001 — Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: НЛО, 2001. [Gasparov M. L. *Zapisi i vypiski* [Notes and excerpts]. Moscow: NLO, 2001.]
- Головин 1970 — Головин Б. Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1970. [Golovin B. N. *Yazyk i statistika* [Language and statistics]. Moscow: Prosveshchenie, 1970.]
- Лагутин 2009 — Лагутин М. Б. Наглядная математическая статистика. 2-е изд. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010. [Lagutin M. B. *Naglyadnaya matematicheskaya statistika* [Vivid mathematical statistics]. 2nd ed. Moscow: Binom. Laboratoriya znaniy, 2009.]
- Мороз 2015 — Мороз Г. А. Лингвокартографирование: от статических карт к динамическим базам данных. Доклад на Открытом научном семинаре Института лингвистики РГГУ, 2015. [Moroz G. A. *Lingvokartografirovanie: ot staticheskikh kart k dinamicheskim bazam dannykh* [Cartography for

- linguistics: From static maps to dynamic databases]. Talk given at the Open Scientific Seminar of the Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, 2015.]
- Пиотровский и др. 1977 — Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. М.: Высшая школа, 1977. [Piotrowski R. G., Bektaev K. B., Piotrowska A. A. *Matematicheskaya lingvistika* [Mathematical linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola, 1977.]
- Akhmanova et al. 1963 — Akhmanova O. S., Mel'chuk I. A., Frumkina R. M., Paducheva E. V. *Exact methods in linguistic research*. Los Angeles: Univ. of California Press, 1963.
- Baayen 2008 — Baayen R. H. *Analyzing linguistic data: A practical introduction to statistics using R*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Bivand 2016 — Bivand R. *CRAN task view: Analysis of spatial data*. 2016. Available at: <https://cran.r-project.org/web/views/Spatial.html> [25.09.2016].
- Butler 1985 — Butler C. *Statistics in linguistics*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Cantos Gómez 2012 — Cantos Gómez P. *Statistical methods in language and linguistic research*. Oakville: Equinox, 2012.
- CRAN — The Comprehensive R Archive Network. Available at: <https://cran.r-project.org> [25.09.2016].
- Eddington 2015 — Eddington D. *Statistics for linguists: A step-by-step guide for novices*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015.
- Field A. et al. 2012 — Field A. P., Miles J., Field Z. *Discovering statistics using R*. London: SAGE, 2012.
- Gries 2009 — Gries S. T. *Quantitative corpus linguistics with R: A practical introduction*. New York (NY): Routledge, 2009.
- Gries 2010/2013 — Gries S. T. *Statistics for linguistics with R: A practical introduction*. 1st ed. Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. 2nd ed. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Janda 2013 — Janda L. A. (ed.). *Cognitive linguistics: The quantitative turn. The essential reader*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Jockers 2014 — Jockers M. L. *Text analysis with R for students of literature*. Cham: Springer, 2014.
- Johnson 2008 — Johnson K. *Quantitative methods in linguistics*. Malden (MA): Blackwell, 2008.
- Kenny 1982 — Kenny A. *The computation of style: An introduction to statistics for students of literature and humanities*. Oxford: Pergamon Press, 1982.
- Larson-Hall 2010 — Larson-Hall J. *A guide to doing statistics in second language research using SPSS*. New York: Routledge, 2010.
- Meindl 2011 — Meindl C. *Methodik für Linguisten: eine Einführung in Statistik und Versuchsplanung*. Tübingen: Narr, 2011.
- R Core Team 2014 — R Core Team. *R: A language and environment for statistical computing*. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2014. Available at: <http://www.R-project.org/> [24.06.2016].
- Rasinger 2008/2013 — Rasinger M. S. *Quantitative research in linguistics: an introduction*. 1st ed. London: Continuum, 2008. 2nd ed. London: Bloomsbury, 2013.
- Salkind 2014 — Salkind N. J. *Statistics for people who (think they) hate statistics*. 5th ed. Thousand Oaks: SAGE, 2014.
- Urdan 2010 — Urdan T. C. *Statistics in plain English*. 3rd ed. New York: Routledge, 2010.

I. A. Seržant, B. Wiemer (eds.). Contemporary approaches to dialectology: The area of North, North-West Russian and Belarusian dialects. Bergen: University of Bergen, 2014. 401 p. (Slavica Bergensia 13). ISBN 978-82-90249-38-5.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Dmitri V. Sitchinava

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Российская Федерация;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, 101000,
Российская Федерация; mitrius@gmail.com

Vinogradov Russian Language Institute, Russian
Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian
Federation; National Research University Higher
School of Economics, Moscow, 101000, Russian
Federation; mitrius@gmail.com

Сборник, имеющий параллельное русское название «Современные методы в диалектологии: ареал северных, северозападных (sic) русских и белорусских говоров», вышел под

редакцией работающих в Германии лингвистов Ильи Сержанта (Констанц) и Бьёрна Вимера (Майнц), известных прежде всего как крупные балтисты и типологи. Но он посвящен славистике, а именно диалектам северной части (восточно)славянского мира. С одной стороны, это диалектный континуум, где сохранились некоторые архаизмы, а с другой стороны — зона пограничья с балтийскими и финно-угорскими языками, как синхронного, так и отошедшего уже на уровень субстрата, и соответствующих инноваций. Некоторые вошедшие в книгу работы специально посвящены пограничью балтийских и славянских диалектных зон. Это обстоятельство, вместе с опытом редакторов в балтистике и типологии, определяет подход рецензируемого сборника к славянским диалектным данным: они берутся не сами по себе, а в широком ареальном контексте Северной Европы с учетом новейших теоретических и практических достижений диалектологии.

В основу сборника легли доклады конференции «Северо-западные русские и белорусские диалекты в контексте диалектологии, ареальной лингвистики и типологии», прошедшей 24—25 ноября 2011 г. в Норвежском университетском центре в Петербурге. Всего в книге, помимо вступительной статьи на английском языке, 12 объемных и обстоятельных работ (семь на английском языке, пять на русском), распадающихся на пять разделов: «Современные методы в диалектологии», «Диалектная грамматика I: Перфектные конструкции в северно- и западнорусских диалектах»¹, «Диалектная грамматика II: Другие категории», «Историческая диалектология» (раздел состоит из одной статьи Е. А. Галинской) и «Белорусские диалекты: социолингвистические и диалектологические факторы». Уже по этому плану видно, что особое внимание в сборнике (пять работ) уделено северным перфектным / результативным конструкциям, являющимся популярным сюжетом в целом ряде областей — от традиционной диалектологии до генеративного синтаксиса. Кроме того, в раздел «Другие категории» входит статья С. К. Пожарицкой о северных конструкциях со вспомогательным *был-*, принадлежащих к семантической зоне плюсквамперфекта, а тем самым косвенно и перфекта (именно в этот ряд составители включают северный плюсквамперфект типа *был работал* во введении к сборнику; важно отметить, что у северных перфектных конструкций также есть и плюсквамперфектные корреляты типа *был уехавши* и *у него было уехано*). Итак, перфектно-результативной зоне посвящена фактически половина сборника. Таким образом, особое внимание на рецензируемую книгу должны обратить слависты и типологи, занимающиеся именно этим кластером значений.

Сборник открывается обширной вступительной статьей редакторов **Б. Вимера** и **И. А. Сержанта**. В этой статье история диалектологии в восточнославянских странах (начиная с XIX в.) встраивается в контекст западноевропейских диалектологических идей и методик, а также подробно рассматриваются конкретные грамматические исследования, представляющие интерес в контексте ареальной лингвистики. Подчеркивается, что вплоть до 1990-х гг. диалектология и современная теоретическая лингвистика во всем мире оставались почти взаимно непроницаемыми для влияния — и это при том, что некодифицированные диалекты представляют собой идеальный полигон для проверки тех или иных гипотез об устройстве и свойствах языка. Что касается ареальной стороны вопроса, то сопоставление диалектов (иногда с помощью весьма «продвинутых» методик) редко выходило за рамки диалектных континуумов, отнесенных к одному национальному языку. Таким образом, сохранялись установки времен младограмматиков или даже национального романтизма начала XIX в., при которых диалекты явно или неявно рассматривались *sub specie* «укрупненных» и стандартизованных национальных языков (*roof languages*), или, как говорили в советскую эпоху, «общенародного языка». Сюда же надо отнести и тенденцию собирать и учитывать только ту информацию о диалекте, которая расходится со стандартной нормой (с. 35); совпадение же (которое ничуть не менее информативно, чем отличие) воспринимается как нейтральный фон, а не как полноправный элемент системы. С другой стороны, типологи

¹ В название раздела невольно проскользнула «имперская» терминология: одна из его статей посвящена только белорусским диалектам.

и теоретики тоже строили свои заключения, исходя в основном из стандартных языковых разновидностей и пренебрегая богатейшим диалектным материалом, в своей ценности несколько не отличающимся от не имеющих литературной традиции бесписьменных языков.

В очерке истории «лингвистической географии» восточнославянских языков Сержант и Вимер отмечают, что классический «Опыт диалектологической карты русского языка [=восточнославянских языков] в Европе» Н. Н. Дурново (1915) является одним из ранних достижений ареальной лингвистики, где подробно обсуждаются «смешанные» и «переходные» говоры, причем аналогичных попыток не было ни в романской, ни в германской диалектологии (с. 32). Отметим, что славянская лингвистическая география, безусловно, находилась под влиянием западноевропейской (Ж. Жильерона и других), но в некоторых отношениях и опережала исходные тенденции. При этом сами понятия «переходных» и «смешанных» говоров возникли во многом вопреки первоначальному замыслу Дурново, предполагавшего, что между лингвистически четко выделяемыми диалектами и их группами должны быть и географически четкие границы. Небезынтересен отмеченный авторами факт: предшественниками Дурново в ареальной географии диалектов были представители формирующихся лингвистических традиций других восточноевропейских народов — украинец К. П. Михальчук и белорус Е. Ф. Карский. Вероятно, к названным Сержантом и Вимером именам надо добавить также имя Б. М. Ляпунова, применявшего методы лингвистической географии к праславянскому языку и отрицавшего существование праязыков отдельных ветвей славянства. Что касается украинской и белорусской лингвистики, то в 1920-е гг. над лингвистической географией здесь работали, плодотворно воспринимая новые западные идеи (и полемизируя с Дурново), не раз упоминаемый авторами П. А. Бузук и не упомянутая Е. Б. Курило² (оба эти ученых биографически связаны и с Белоруссией, и с Украиной).

Активно лингвистическая география стала развиваться в послевоенный период — после перерыва, связанного с марризмом и насильственным нарушением преемственности научных идей (в частности, арестом и гибелью как Дурново, так и споривших с ним «националистов» Бузука и Курило). Здесь прежде всего нужно назвать известные масштабные проекты диалектных атласов — «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА), «Диалектологический атлас русского языка» (ДАРЯ) и «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы»; правда, большинство их карт посвящено прежде всего фонетике (на базе которой выделяются основные диалектные группы), лексике и словообразованию, а не грамматике. Многие явления, в том числе связанные с синтаксисом, несмотря на важные работы В. И. Трубинского (на статьи которого, в частности, [Трубинский 1984], ссылаются практически все авторы сборника, пишущие про северный перфект) и других исследователей (надо особо отметить третий том ДАРЯ, вышедший в 1996 г., и материалы ОЛА), остаются описанными недостаточно. С другой стороны, с особым интересом авторы относятся к работам Н. Н. Пшеничной, еще в начале 1970-х гг. предложившей статистический подход к диалектным чертам, при котором их структурная и типологическая взаимосвязь исследуется независимо от территориальной приуроченности. Пшеничная — единственный восточнославянский диалектолог, применивший к диалектным данным статистический аппарат; с его помощью ей удалось обнаружить размытость и нечеткость многих традиционно выделяемых диалектных границ.

Специально обсуждаются проблемы, связанные с диалектами псковско-новгородской зоны, как современными, так и древненовгородским диалектом («в широком смысле»), в том числе в контексте контактных балтийских и финно-угорских влияний, а также славянско-балтийского (прежде всего, белорусско-литовского, а также русско-латгальского) пограничья. Авторы отмечают чрезвычайно слабую изученность белорусских диалектов по обе стороны границы, играющих принципиальную роль в исследовании пограничных явлений.

² Об украинских диалектологах начала XX в. (в частности, Михальчуке и Курило) см. [Шевельов 2002] (сборник статей 1950-х гг.).

Наконец, во вступительной статье выделяются ключевые ареальные феномены псковско-новгородской и пограничной славянско-балтийской зон: это цоканье, яканье, некоторые другие фонетические явления, падежный синкретизм датива и инструменталиса (например, *ходила за телятам*), постпозитивная частица-псевдоартикл типа *мужик-от*, диалектный перфект / результатив (*он уехамши / у него уехано*), плюсквамперфект и другие похожие на него конструкции с согласуемым и несогласуемым элементом *был-* и претеритом (*он работал был[о]*), номинативный объект (*вода пить*). Практически все они (кроме постпозитивного псевдоартикла) актуальны и для балтийских и прибалтийско-финских говоров, демонстрируя яркие трансграничные ареальные свойства. Авторы солидаризируются и с гипотезой О. Б. Ткаченко о сказочном зачине *жили-были* как кальке с реконструируемого субстратного финно-угорского (даже конкретнее, «мерянского») «двойного глагола», а не потомке плюсквамперфекта. Однако данная версия (по крайней мере как единственное и главное объяснение) вызывает сомнения ввиду существования такой семантики у древнерусского плюсквамперфекта, отсутствия прямых финно-угорских прототипов и ряда других причин (ср. [Петрухин 2007]), отметим также наличие этой конструкции в белорусских говорах, далеко от возможного ареала контактной славянско-финской зоны [Сичинава 2013: 110—113]. Все это не исключает, правда, и третьей возможности, а именно развития из сериализованной последовательности *жить* и *быть* на славянской почве.

Первый, теоретический, раздел состоит из двух статей. **Б. Смерчань** в краткой заметке «Methods and objectives in contemporary dialectology» рассматривает историю диалектологии от младограмматиков (old-school dialectology) до наших дней, подчеркивая «диалектологический поворот» от компартивистики к типологии и от фонетики и лексики к морфологии и синтаксису. В статье обсуждаются три новых метода: корпусная диалектология, диалектометрия (статистический параметрический анализ «расстояния» между диалектами, независимо от упомянутых исследований Пшеничной развивающийся с 1970-х гг. в Зальцбурге, Гронингене и других научных центрах) и «перцептивная диалектология» (область знаний, посвященная «наивному» восприятию диалектной вариативности самими носителями диалектов).

Статья **Н. Левшиной** «Putting meaning on the map: Integration of geographic and semantic variation in multivariate models of language use» посвящена многофакторному моделированию языка, позволяющему связать языковую (в частности, лексико-семантическую) и географическую вариативность и получить наглядные карты кластеров диалектных черт. Такие модели разрабатываются в рамках лувенской вариационистской школы (Д. Герартс, Д. Спелман и др.). Исследуются различия в сочетаемости лексем в корпусах не только традиционных диалектов, но и национальных вариантов языка (например, нидерландского в Нидерландах и Бельгии, английского в Британии и США, португальского в Португалии и Бразилии).

Уже упомянутый самый большой раздел сборника посвящен диалектным перфектным конструкциям. Статья **С. К. Пожарицкой** «О лингвогеографических параметрах функционирования причастных форм в русских говорах» посвящена ареальной дистрибуции различных перфектных конструкций, недостаточно, к сожалению, описанных в ДАРЯ (туда не входит большая часть Архангельской области, для говоров которой эти формы как раз очень характерны). Выясняется, что конструкция типа *у него уехано* типична для севера великорусской территории, а *он уехамши* — для ее запада. Новгородско-псковская зона и Ленинградская область служат областью пересечения этих ареалов (здесь конструкция с *-ши* тяготеет к непереходным глаголам, а с *-но* — к переходным, ср. статью Чун Хакъюн в рецензируемом сборнике). В вологодской и архангельской зоне (юг области) представлен только первый вариант, а вдоль белорусской границы (Смоленщина и Брянщина) — только второй, причем там он сравнительно редок. При функциональной классификации этих конструкций (субъектный, объектный и посессивный результатив) Пожарицкая опирается на «Типологию результативных конструкций» под редакцией В. П. Неядькова

[1983] и работы В. И. Трубинского [1970; 1984]. Автор останавливается также на нарушениях «идеального» семантического распределения этих форм с «аористической» -л-формой, в частности, на лексикализации (ср. вошедшие в литературный язык лексические единицы *выпи*[в/м]иши, *не е*[в/м]иши, *не спа*[в/м]иши и некоторые другие), на их полисемии (например, агентивное у типа *у мужа* может интерпретироваться и как локативное, и как посессивное). Даются полные списки непереходных глаголов, встречающихся в конструкции на *-но / -то*, и возвратных глаголов, от которых в некоторых говорах образуются формы на *-нось / -тось*. К сожалению, о семантике плюсквамперфектных форм типа *было уехано / уехамши* говорится очень кратко, только в выводах (с. 127).

Статья А. Эркер «Способы выражения прошедшего времени в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье» описывает распределение различных форм на пути грамматикализации «результатив — перфект — простое прошедшее» в двух (а не в одном, как может показаться из названия статьи) «простых», «тутэйшых» белорусских говорах из разных областей на границе с Литвой. Эти говоры чрезвычайно интересны тем, что в них представлен и перфект / результатив с вспомогательным глаголом *мець* и активным причастием (*я маю ніпасаўшы адрас, лашадачку мелі купіўшы мы з ей*). Схожие конструкции известны в литовских и польских («польщизне кресовой») пограничных диалектах. Укажем, что аналогичный перфект с вспомогательным ‘иметь’, но со страдательным причастием представлен не только в современном польском языке (*mam zdane wszystkie egzaminy* ‘у меня сданы все экзамены’ [Piskorz et al. 2013]), но и на периферии славянского мира — в македонском (*има дојдено*).

В статье «On the problem of syntactic synonyms in a local dialect system» Н. В. Маркова исследует (на материале заонежского говора) редкий вариант северного перфекта на *-но / -то* с возвратным постфиксом (*-нось / -тось*: *Было устроенось на работу*) — как известно, задействованные в перфектных конструкциях причастия (как страдательные, так и действительные на *-ши*) обычно утрачивают возвратность. Есть даже любопытные, уникальные для Заонежья, варианты с исходом, омонимичным исходу отадыктивных существительных (*-нось*: *У нее выученось на бухгалтера; У них разоиденось*; отмечен также вариант с дагивным субъектом: *Мне прописанось у детей*). Является ли это явление чисто фонетической гиперкоррекцией или сходство с отадыктивными существительными не случайно семантически (ср. книжное по происхождению в стандартном языке: *У нас была договоренность*)? Возможно, два объяснения дополняют друг друга.

Дж. Лавайн, представивший для сборника статью «Remarks on object case in the North Russian perfect», изучает в рамках генеративной парадигмы три типа кодирования актантов в конструкции на *-но / -то*. Объект может выражаться согласованным номинативом (*куплена корова* — как в литературном языке), несогласованным номинативом (*куплено корова*) и аккузативом (*куплено корову*; это последнее управление хорошо известно также в контексте субъектного имперсонала / имперсонального пассива в польском и украинском). В статье доказывается, что номинатив объекта связан со стратегией локального согласования с признаками функциональных вершин, а не с конфигурационной стратегией приписывания падежа. Привлекаются также литовские параллели, в частности эвиденциальные конструкции с генитивным подлежащим и конструкции типа *вода пить*. Автор отвергает гипотезу, согласно которой северный перфект представляет собой эргативную конструкцию (и применение так называемой «гипотезы неаккузативности» к этому материалу).

Чун Хакъюн — автор защищенной в Гарвардском университете в 2008 г. диссертации о северном перфекте — в работе «Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian» рассматривает обе формы перфекта, «активную» на *-ши* и «пассивную» на *-но / -то*. Очерчивая, как и С. К. Пожарицкая, их ареальную дистрибуцию, Чун специально останавливается на возникновении формы с *-ши*. С ее точки зрения, это происходит под косвенным балтийским и/или прибалтийско-финским контактным влиянием (гипотезе о прямом заимствовании мешает значительная временная дистанция) в рамках полной

перестройки славянской временной системы в XIII—XIV вв. (традиционно возникновение конструкции датируется XVI в., продуктивность ее — только XIX в.). Вероятным источником перфекта на *-вши* следует считать древнерусские причастия, демонстрировавшие большую степень синтаксической самостоятельности, чем современные деепричастия (союзное сочинение с финитным глаголом, конструкция *nominativus absolutus*). От конструкции книжного происхождения типа *бъ оуча* (восходящей через греческий к древнееврейскому, см. [Живов 2012]) надо отличать имеющую, по-видимому, прямое отношение к нашей теме редчайшую плюсквамперфектную конструкцию с причастием совершенного вида, цитируемую автором: *и в то время вшедъ блше бѣсъ [въ]³ Перуна и нача кричати* (Новг. II лет.). Можно добавить (ведь Новгородская вторая летопись составлена лишь в конце XVI в.) и гораздо более ранний пример из Синодального списка Новгородской первой летописи под 1268 г., на который нам указал П. В. Петрухин: *И ту нарѣхаша пещеру непроходну, в неиже блше множество Чюди влѣзше*. Чун Хакъюн предлагает фонетическое объяснение возникновения перфектной формы на *-вши* — совпадение (белорусского и украинского типа, известное также на западнорусской территории) окончания претерита (*-ль > -ѹ*) и причастия (*-ѣъ > -ѹ*). В этих условиях окончание *-ши* (исторически женского рода) позволяет избежать омонимии причастного перфекта и простого прошедшего. В этой связи интересно наличие в ряде говоров переосмысленного варианта перфекта на *-л-ши*.

Раздел «Другие категории» открывается еще одной работой С. К. Пожарицкой «Конструкции с глаголом *быть* (*был, была, было, были*) в одном севернорусском говоре: к вопросу о плюсквамперфекте» посвященной давно занимающей ее (и рецензента) теме — русской диалектной конструкции с элементом *был- + л-претерит*, активно функционирующей в современных северных говорах, в том числе в речи молодого поколения (например, *Я уехал был в Ильинск и жил на свою стипендию*; комментарий информанта: *Я же потом приехал*). Можно ли называть ее «плюсквамперфектом» — так же, как древнерусскую форму, продолжением которой она (по крайней мере отчасти) является? Особо обсуждается вопрос существования омонимичной конструкции, содержащей два независимых «просодически дискретных» предиката, соединенных бессоюзно (*бабка у ее была, [которая] знала*); о схожих явлениях в русской (ориентированной на стандарт) разговорной речи нам пришлось писать [Сичинава 2013: 273—280]. Что касается собственно конструкции, восходящей к древнерусской, то функция таксиса — предшествования в прошедшем — у диалектной формы в значительной степени утрачена (как и у сохраняющейся в литературном языке конструкции *пошел было*)⁴. Автор выделяет «новые» функции диалектной формы: дискурсивное выделение того или иного события в прошлом; отнесение ситуации в прошлом (особенно хабитуальной) в замкнутый временной интервал (что хорошо известно у плюсквамперфектных форм типологически, ср. [Dahl 1985; Squartini 1999] и др.)⁵. Пожарицкая считает, что сохранение или утрата согласования элемента *был-* не коррелирует с семантикой — в отличие, в частности, от достаточно искусственного построения С. Менгель [2007].

³ Автор не принимает этой конъектуры издателей XIX в. и переводит ‘Perun’s demon’; это сомнительно как семантически (идея об «отдельном» бесе каждого идола; непонятно, куда же этот «Перунов бес» «входит»), так и грамматически, хотя генитив принадлежности в конце XVI в. уже возможен.

⁴ Отдельный вопрос — была ли эта таксисная функция собственно в древнерусском у формы *быль + -ль* (так называемой «сверхсложной») и можно ли, соответственно, говорить об ее утрате. Ср. подводящую итог долгой полемики статью [Шевелева 2015] (и ссылки в этой статье на предыдущие работы).

⁵ С нашей точки зрения, сюда фактически относится и значительная часть примеров, рассматриваемых С. К. Пожарицкой в разделе «Высказывания с двумя предикатами» как таксисные или прагматически маркированные, однако обсуждение конкретных контекстов выходит за рамки настоящей рецензии.

М. Пост в работе «Connectives, subordination and information structure: Comments on Trubinskij's observations on the “-to ... *dak*” model in the Pinega dialects» возвращается к исследованным В. И. Трубинским [1970; 1984] конструкциям с двумя характерными для Севера частицами: *-то* и *дак* (*Через рыб-то-завод, дак долго итти нать [=надоть]*). С ее точки зрения, *дак* (и постпозитивное *да*, известное еще берестяным грамотам) — прагматическая дискурсивная частица, маркирующая асимметрию между двумя информационными единицами (одна из которых может быть выражена имплицитно). Ее функция, вопреки идее Трубинского, не сводится к обозначению синтаксического подчинения (которое является лишь частным случаем такой асимметрии). В то же время частица *-то* факультативно может маркировать ту информационную единицу, от которой зависит другая.

Статья **И. А. Сержанта** «The independent partitive genitive in North Russian» по объему, теоретической фундированности и детальной проработке нескольких корпусов диалектных текстов приближается к небольшой монографии. Автор сближает так называемый партитивный генитив (чьи функции семантически не ограничиваются собственно партитивом, ср. *головой поподнял маленько и упал, прижал своей Ирины*) в русских диалектах с соответствующей формой в прибалтийско-финских языках. Как и там, падежная форма зависимого существительного влияет на аспектуальную интерпретацию глагола, причем она зависит от акциональных свойств лексемы. Партитивный генитив интерпретирует предикат как делимитативный (см. также [Tatevosov, Ivanov 2009]) и часто сочетается с делимитативным превербом *по-* (*ног погрели*). Так называемые accomplishments (предельные процессы) с партитивным дополнением регулярно дают семантику ограничения срединной фазы, до наступления результата (*отворить дверей*), а achievements (событийные предикаты) — напротив, семантику ограничения последствий ситуации (известные контексты «одоления» типа *дай ножа*). Кроме того, в статье обсуждаются связанные с генитивом проблемы согласования, а также иные функции формы родительного падежа, реализация которых отличается от таковой в стандартном языке (дополнение при отрицании, одушевленный аккузатив).

Раздел «Историческая диалектология» состоит, как уже было сказано, из единственной статьи **Е. А. Галинской** «К проблеме отражения цоканья в памятниках русской деловой письменности XVI—XVII веков». Обнаруживается парадокс: деловые документы, созданные на территориях, где цоканье хорошо известно в наше время и заведомо существовало в среднерусский период, практически не отражают этого явления. Например, если бы не бесценный словарь-разговорник Тённиса Фенне, составленный в Пскове в 1607 г. и почти последовательно передающий **с* и **щ* одинаково как *tz*, мы так и не узнали бы, существовало ли в этом городе в начале XVII в. цоканье; русские челобитные и отказные книги распределяют *ц* и *ч* этимологически безупречно, кроме разве что некоторых неясных топонимов. С точки зрения автора, писцы руководствовались жесткими орфографическими правилами, позволяющими им скрывать свои диалектные черты. В свое время такие правила для новгородских книжников древнейшего периода сформулировал В. М. Живов [1984]; Е. А. Галинская предлагает иные правила, основанные на классификации лексики, реально встречающейся в деловой письменности (словарное разнообразие которой не слишком велико).

Заключительный «белорусский» раздел состоит из двух публикаций польских славистов. Статья **М. Янковяка** «Belarusian dialects in Latvian Latgale — transitional or mixed?», основанная на детальном изучении диалектных фактов, имеет и теоретическое значение: она посвящена уже упоминавшимся понятиям «переходных» и «смешанных» говоров на примере белорусских говоров Латгалии (находящихся на пограничье белорусской и собственно великорусской зон). Анализируются различные критерии «смешанности» — генетическая близость, билингвизм, престижность, одновременная реализация различных черт в соответствии с системами различных языков / групп говоров и др. Автор проводит подробный количественный анализ говоров с точки зрения нескольких фонетических и лексических параметров.

В статье **А. Жебровской** «Социолингвистическая ситуация в Мядельщине на примере д. Комарово» демонстрируется, с многочисленными примерами, ситуация языкового перехода в изначально белорусскоязычной пограничной деревне (40 км от границы с Литвой). Как повсюду в стране (да и за ее пределами, например, как показывает предыдущая статья, в Латвии), белорусские говоры под влиянием русифицированных городов у стремящегося к урбанизации молодого поколения замещаются русским языком, иногда с местными фонетическими особенностями. Деревенский говор подвергается социальной стигматизации, а литературный белорусский, который преподается в школе, ощущается как чужой и ненужный практически. Специфика деревни Комарово заключается в существовании некоторого польского влияния, особенно у людей старшего поколения; дело в том, что белорусы католического вероисповедания во многих регионах страны автоматически считаются «поляками» и являются носителями некоторых элементов польской идентичности и языка (в основном в культовой сфере).

В целом рецензируемый сборник представляет собой весьма удачный образец применения современного лингвистического аппарата и методов ареальной лингвистики в диалектологии. Для исследователей северного перфекта и языка славянско-балтийского пограничья книга является незаменимым пособием. Надеемся, что контакт диалектологии с лингвистической теорией будет взаимно обогащать обе дисциплины — как это бывает и при ареальных контактах языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Живов 1984 — Живов В. М. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII века // *Russian Linguistics*. 1984. Vol. 10. Pp. 291—306. [Zhivov V. M. Rules and pronunciation in the 11—13 c. Russian Church Slavonic orthography. *Russian Linguistics*. 1984. Vol. 10. Pp. 291—306.]
- Живов 2012 — Живов В. М. Об употреблении одной книжной конструкции в памятниках восточнославянской письменности (глагол *быти* с причастием настоящего времени) // *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3*. Podtergera I. (Hrsg.). Bonn: Bonn Univ. Press, 2012. Pp. 235—249. [Zhivov V. M. On the use of a bookish pattern in the East Slavic literary texts (the verb *byti* with present participle). *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3*. Podtergera I. (Hrsg.). Bonn: Bonn Univ. Press, 2012. Pp. 235—249.]
- Менгель 2007 — Менгель С. Отражение протекания действия во времени в языке восточных славян // *Вопросы языкознания*. 2007. № 6. С. 14—31. [Mengel' S. The action in progress as expressed in the language of the Eastern Slavs. *Voprosy jazykoznanija*. 2007. No. 6. Pp. 14—31.]
- Недялков 1983 — Недялков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. [Nedyalkov V. P. (ed.). *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii* [A typology of resultative structures]. Leningrad: Nauka, 1983.]
- Петрухин 2007 — Петрухин П. В. *Жили-были*: вопрос закрыт? // *Русский язык в научном освещении*. № 2 (14). С. 268—282. [Petrukhin P. V. *Zhili-byli*: is the issue closed? *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 2 (14). Pp. 268—282.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [A typology of pluperfect. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-PRESS, 2013.]
- Трубинский 1970 — Трубинский В. И. Об участии постпозитивной частицы *to* в построении сложного предложения (по материалам пинежских говоров) // *Севернорусские говоры*. Мещерский Н. А. (ред.). Л.: ЛГУ, 1970. С. 48—66. [Trubinskii V. I. On participation of the postpositive particle *to* in the complex sentence construction (based on the material of Pinega idioms). *Severnorrusskie govory*. Meshcherskii N. A. (ed.). Leningrad: Leningrad State Univ., 1970. Pp. 48—66.]
- Трубинский 1984 — Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: ЛГУ, 1984. [Trubinskii V. I. *Oчерki russkogo dialektного sintaksisa* [Essays on Russian dialectal syntax]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1984.]
- Шевелева 2015 — Шевелева М. Н. Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» (М., 2013) // *Русский язык в научном*

- освещении. № 2 (30). С. 181—210. [Sheveleva M. N. Some considerations concerning the book by D. V. Sitchinava "A typology of pluperfect. Slavic pluperfect". *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 2 (30). Pp. 181—210.]
- Шевельов 2002 — Шевельов Ю. В. *Портрети українських мовознавців*. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська Академія», 2002. [Shevel'ov Ju. V. *Portrety ukrai'ns'kyh movoznavciv* [The portraits of Ukrainian linguists]. Kyi'v: Vyd. dim «Kyjevo-Mogyljans'ka Akademiya», 2002.]
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Piskorz et al. 2013 — Piskorz J., Abraham W., Leiss E. Doppelter Grammatikalisierungszyklus und funktionale Universalgrammatik: Am Beispiel des analytischen Perfekts und des Präteritums in der Sprachgeschichte des Polnischen. *Die Welt der Slaven*. 2013. Vol. LVIII. Pp. 276—307.
- Squartini 1999 — Squartini M. On the semantics of the pluperfect: Evidence from Germanic and Romance. *Linguistic typology*. 1999. No. 3. Pp. 51—89.
- Tatevosov, Ivanov 2009 — Tatevosov S., Ivanov M. Event structure of non-culminating accomplishments. *Tense-Aspect-Mood systems cross-linguistically*. De Hoop H., Hogeweg L., Malchukov A. (eds.). Dordrecht: Springer, 2009. Pp. 81—130.

J. Marvan. Jazyk. Jeho český příběh: Prvních tisíc let 800—1800: Malý průvodce cestami české lingvoekologie. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. 456 s. ISBN 978-80-246-3034-2.

Андрей Иванович Изотов

Andrey I. Izotov

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991,
Российская Федерация; a.i.izotov@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
119991, Russian Federation; a.i.izotov@mail.ru

Опубликованная в издательстве Карлова университета в Праге книга профессора Иржи Марвана (1936—2016) примечательна по целому ряду причин.

Во-первых, в ней предлагается вариант теории лингвистической экологии, отличный от ее классического варианта. Эпиграфом к книге служит тезис одного из пяти основателей Пражского лингвистического кружка Б. Трнки «Aby byl jazykový systém jazykem, nutno jej prožívat [= 'Чтобы языковая система была языком, она должна проживаться'. — А. И.]», сформулированный в одной из его статей военного периода [Трнка 1943] и созвучный с тезисом Эйнара Хаугена «Язык существует только в сознании говорящих на нем и функционирует только при взаимоотношениях с другими говорящими и с их социальным и природным окружением», см. [Haugen 1972]. Тем не менее И. Марван (четверть века преподававший в университетах США и Австралии, так что сомнений в его отличном владении английским быть не может), предпочитает по-иному расставлять акценты, переводя на английский язык данный эпиграф как «The language system is not a language unless it is empathized» (с. 437). Тем самым центральным понятием книги становится «языковая эмпатия», которую «собственник» языка (термин «носитель языка» представляется И. Марвану не вполне удачным) испытывает по отношению к своему языку, а те авторы, в сочинениях которых затрагиваются вопросы, так или иначе с данной «лингвистической эмпатией» связанные, рассматриваются как лингвоэкологи или протолингвоэкологи. Так, например, в качестве первого созданного на территории чешских земель протолингвоэкологического сочинения интерпретируется «Проглас» Константина (Кирилла) (с. 10). Для изложения своих взглядов, а также при анализе чешского филологического материала автор использует собственную тщательно продуманную и довольно сложную терминологию («Реестр предметов, понятий и идей» в конце книги занимает 18 страниц петита в две колонки, с. 402—419).

Во-вторых, в книге обосновывается оригинальная концепция чешского письменного языка, история которого начинается, по мнению И. Марвана, не с XIII в., как принято считать [Slovník 2002: 91], а с IX в., так как включает в себя также и то, что традиционно рассматривается как «старославянский период чешской книжности», см. название

монографии [Večerka 2010]. Отвергая термин «старославянский язык», И. Марван предлагает называть язык древнейших славянских переводов с греческого, выполненных братьями Константином и Мефодием, а также их учениками, просто «славянским языком» (чеш. *slavěnština*, англ. *Slavonic*), а произошедшие из него национальные дериваты – «чешско-славянским языком» (чеш. *česko-slavěnština*, англ. *Czech Slavonic*), «русско-славянским языком» (чеш. *rusko-slavěnština*, англ. *Russian Slavonic*) и т. д., см. с. 29—30; 421—422). Отметим, что профессор Венского университета В. Ф. Мареш (†1994) пишет в связи с жителями св. Вацлава и св. Людмилы о «чешско-церковнославянском языке» (*Czech Church Slavonic*), см. [Mareš 1979: 3].

По мнению И. Марвана, «славянский» язык воспринимался чехами как «свой» не только в X—XII вв., но и много позже — в эпоху расцвета уже собственно чешской письменности. Когда же в соответствии с «Золотой буллой» (1356) Карла IV официальными языками Священной Римской империи были объявлены немецкий, итальянский и чешский, то «славянский» язык рассматривался как такая же интегральная часть этого чешского языка, как латынь — интегральная часть языка итальянского (с. 82). Не случайно Карл IV пригласил в основанный им в Праге, по согласованию с папой Климентом VI, бенедиктинский Эммаусский монастырь хорватов-глаголашей, получив у папы разрешение на славянскую (!) литургию в этом монастыре. Созданную здесь в 1416 г. глаголическую Библию (сохранилось 258 страниц) И. Марван характеризует как «симбиоз славянского и чешского языков» (с. 154).

Важное место в концепции И. Марвана занимает «глубинное течение» — предполагаемое воздействие на языковую ситуацию в чешских землях «славянского» языка, эксплицитно не фиксируемое, однако теоретически возможное. В книге последовательно отмечаются такие факты, как, например, то, что аббатиса Кунгута («Кунгутина молитва» и «Островская песня» — первые литературные произведения на чешском языке) была внучкой черниговского князя Ростислава Михайловича, что чешский король Вацлав II охотно приглашал к своему двору монахов со славянского Востока, что среди студентов Пражского университета было немало «русинов», что Ян Жижка и магистр Иероним Пражский посещали территорию современной Белоруссии, что настоятель Эммаусского монастыря в Праге Бенешовский рассматривал Острожскую Библию как образцовую в языковом отношении и т. д.

Подробное описание истории чешского языка, начатое «чешско-славянским» периодом его существования, доводится до «чешско-словацкого» периода (первая половина XIX в.), когда чешский функционирует в качестве письменного языка не только чешской, но также и словацкой нации и когда Ян Коллар «поддерживает национальное самосознание словацких евангеликов в Будапеште своим чешско-словацким языком» (с. 396).

Наконец, читатель знакомится с целым рядом интересных фактов, безусловно важных для понимания логики исторического развития чешского языка, например, с законом об охране чешского языка 1615 г., юбилей которого почему-то прошел незамеченным в современной Чехии, с анализом чешских грамматик и словарей и с «героической борьбой чешских иезуитов за чешский язык» в побелогорский период, который в массовом сознании воспринимается как «эпоха тьмы», когда иезуит Кониаш с энтузиазмом сжигал «еретические» чешские книги. Отметим, что при этом ни здесь, ни на иных страницах речь отнюдь не идет о новомодных «альтернативных» исторических описаниях, так что 30 000 уничтоженных Кониашем книг тоже упоминаются (с. 393).

Самостоятельную ценность представляют приложения, среди которых мы найдем и подборку высказываний тех, кого автор считает чешскими протолингвоэкологами (с. 351—376), и хронологическую таблицу развития чешской лингвистической (лингво-экологической) мысли в историческом контексте (с. 377—396), выступление Р. О. Якобсона на посвященной Константину (Кириллу) конференции 1969 г. (с. 397—399).

Авторская аннотация книги на английском языке (с. 437—450) позволяет ознакомиться с авторской концепцией тем, кто не читает по-чешски.

Суммируя сказанное, следует отметить, что знакомство с данной книгой безусловно обязательно для богемиста, весьма желательно для слависта и полезно для специалиста по сопоставительному языкознанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Haugen 1972 — Haugen E. *The ecology of language: Essays by Einar Haugen*, Anwar S. Dil. Stanford: Stanford Univ. Press, 1972.
- Mareš 1979 — Mareš F. W. *An anthology of Church Slavonic texts of Western (Czech) origin*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1979.
- Slovník 2002 — *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2002.
- Trnka 1943 — Trnka B. *Obecné otázky strukturálního jazykozpytu. Slovo a Slovesnost*. 1943. № 2—3. S. 57—68.
- Večerka 2010 — Večerka R. *Staroslověnská etapa českého písemnictví*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2010.

M. Hassandoust. Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi. Ĵeld-e 1—5. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1393 [Мохаммад Хасандуст. Этимологический словарь персидского языка. Т. 1—5. Тегеран: Академия персидского языка и литературы, 1393/2014. На персидском языке. Англ. перевод на переплете: M. Hassandoust. An etymological dictionary of the Persian language]. ISBN 964-7531-28-1 (для 1-го тома), ISBN 978-600-6143-55-2 (для всего комплекта томов).

**Джой Иосифовна Эдельман[®],
Елена Константиновна Молчанова**

**Joy I. Edelman[®],
Elena K. Molchanova**

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; [®]joy.edelman@gmail.com

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; [®]joy.edelman@gmail.com

Рассматриваемый пятитомный «Этимологический словарь персидского языка» — фундаментальный труд, представляющий собой этимологическое исследование практически полного корпуса основного лексикона **классического** персидского языка. В нем анализируется лексика персидского языка классического периода, который датируется условно VIII—XV вв. Это был общий литературный язык, предшественник современных персидского, таджикского и языка дари Афганистана, более архаичный, чем его потомки, поэтому в словаре охватывается обширный круг лексики, свойственной тому периоду и частично утраченной либо трансформированной (в том числе и семантически) в том или ином современном языке. Тем самым данный словарь является этимологическим словарем и для таджикского языка, и для языка дари Афганистана. Выход в свет такого словаря — важное событие не только для языковедов Ирана, но и для международной иранистики. Такой капитальный труд, созданный на современном уровне исследованности истории иранских языков и с учетом достижений индоевропеистики, издается впервые.

Словарь — результат 16-летнего подвижнического труда иранского лингвиста, сотрудника Академии персидского языка и литературы д-ра Мохаммада Хасандуста. Имя М. Хасандуста известно языковедам-иранистам: более десяти лет тому назад (в 2004 г.) был опубликован первый том этого словаря, который получил широкое признание благодаря солидному и обширному языковому материалу, привлечению квалифицированной и международно признанной языковедческой литературы, тщательности и оригинальности исследования. Позже, в 2011 г., М. Хасандуст опубликовал объемный двухтомный «Сравнительно-тематический словарь новоиранских языков и диалектов» (на персидском языке)

[Hassandoust 1389/2011], где лексика разных живых иранских языков и диалектов сгруппирована по содержательному принципу: каждый раздел объединяет словарные статьи в соответствии с семантикой слов, а каждая статья оформлена в виде списка слов, аналогично статьям в словаре индоевропейских синонимов К. Бака [Buck 1949/1988]. Хотя этот двухтомник М. Хасандуста был посвящен сопоставлению лексики живых иранских языков, в нем уже содержались некоторые этимологические сведения в виде исторических комментариев к некоторым словам и отсылок к параллелям в вымерших языках. Тем самым в этот двухтомник вошли материалы, собранные для этимологического словаря. В дальнейшем этимологическая составляющая анализа лексики иранских языков была значительно расширена и углублена автором, что и нашло отражение в рассматриваемом здесь «Этимологическом словаре персидского языка».

По скромности автора или из-за того, что этот очень полезный словарь [Hassandoust 1389/2011] не является этимологическим, он не упомянут в 42-страничном (с. 17—59) списке литературы, предпосланном первому тому пятитомного этимологического словаря.

Указанные выше предварительные публикации свидетельствуют о том, что все эти годы работа над этимологическим словарем не прекращалась. На это указывает и сравнение статей, входивших в том первый 2004 г. и вошедших в пятитомное издание 2014 г. Например, в первом издании словаря в статье *but* 'Будда; идол' (с. 176) подробно изложена этимология этой лексемы. В новом издании (№ 693, т. 1, с. 408—409) добавлены (со ссылкой на Локоча, Клюге и др.) романские и германские варианты названия п а г о д ы, вероятно, производные от перс. *but-kada* 'храм идолопоклонников, пагода', букв. 'дом идолов' (под влиянием праяскритск. *bhagodī* 'божественный, священный' или при ассимиляции с ним).

Обратимся теперь непосредственно к структуре нового словаря.

Словарь, как уже говорилось, состоит из пяти томов, издан Академией персидского языка и литературы. Автор, работая над данной проблематикой, искал способ построения такого этимологического словаря, в котором, во-первых, информация об этимологии каждого персидского слова (доводимая в возможных случаях до индоевропейского хронологического уровня) сочеталась бы со сравнением с родственными словами в других иранских языках, а во-вторых, информация о внутренней структуре рассматриваемого персидского слова подтверждалась бы аналогичными принципами словообразования семантически сходных слов в других языках. Этот поиск прослеживается и в опубликованном ранее предварительном издании первого тома (буквы от «алеф» до «та»), в котором словарные статьи, однако, структурированы и оформлены несколько иначе [Hassandoust 1383/2004—2005].

Таким образом, изданный в 2014 г. «Этимологический словарь персидского языка» — результат не только этимологических разработок автора, но и его поисков и находок в структурировании этой обильной информации. Поэтому не случайно все пять томов Словаря изданы одновременно.

Композиция Словаря тщательно продумана.

В первом томе основной корпус этимологий предваряется рядом вспомогательных разделов; пятый том составляют индексы слов разных языков, упомянутых в первых четырех томах. Сам корпус этимологий занимает большую часть первого тома и все пространство со второго по четвертый том. Пагинация вводных справочных разделов, которую в европейской традиции принято обозначать римскими цифрами, в данном Словаре обозначена лексически (например, «сто девяносто пять» и т. д.). Пагинация же самого этимологического корпуса словаря — сплошная, от страницы 1 в первом томе до страницы 2955 в четвертом — обозначена арабскими цифрами (реально арабскими, а не теми, которые принято называть «арабскими» в европейской традиции).

Первый том содержит: краткое (1 с.) «Предисловие», за которым следуют «Введение» (с. 9—15) и «Сокращения и источники». Этот большой раздел включает библиографию работ: отдельно на европейских языках, куда входят и русскоязычные названия (с. 18—29), и на персидском и арабском языках (с. 31—59). Далее следует «Приложение 1» — раздел об исторической фонетике классического персидского языка (с. 61—129), построенный

по принципу «от классического периода — в глубь веков», через древнеиранский язык (но не праиранское состояние) и далее, вплоть до индоевропейского. Каждая линия соответствий здесь паспортизуется примерами в пронумерованных параграфах и приводится с отсылкой к традиционным ирановедческим работам (в основном к конкретным примерам в соответствующих параграфах работ П. Хорна [Horn 1898—1901] и Х. Хюбшмана [Hübbschmann 1895]).

Том первый открывается знаменательным эпиграфом из стихотворения иранского поэта XX в. Рахи-йе Моайери: «Ушла основа моего существования, но не ушли // Страсти из моего сердца и безумие из моей головы». К краткому «Предисловию» дан свой эпиграф (из стихов классика персидской литературы XII в. Фарид-ад-Дина Аттара): «То, что есть у меня, — от Его щедрот, не от моих дел».

В «Предисловии» автор сдержанно и вместе с тем эмоционально дает понять, как трудно дался ему этот словарь. Он сам называет этот период своей жизни «периодом страха и надежды» и пишет, что утешением ему служил известный бейт Хафиза: «Хотя привал опасен и цель очень далека, // Нет такого пути, которому не было бы конца, // Не печалься!»

Во «Введении», написанном в 2014 г., рассказывая о своем однокласснике 2004—2005 гг., М. Хасандуст сообщает, что образцом для него послужили этимологические словари европейских языков. Трудность заключалась в том, что они были составлены сообразно менталитету европейцев, тогда как для этимологического словаря персидского языка надо было, по мере возможности, учитывать иранский менталитет. Задачу осложняло и то, что до того времени не существовало этимологического словаря на персидском языке, составленного с учетом достижений современного языкознания. Автор пишет, что он изучал и отбирал различные способы подачи языкового материала. Перед ним стоял вопрос: каков критерий отбора слов, в том числе заимствований. По мнению Хасандуста, найти точные и абсолютные рамки при отборе слов для словаря, особенно этимологического, на самом деле невозможно. Что понимать под термином «фарси»? Какое слово можно считать принадлежащим языку «фарси»? Следовало ли лишь указать на происхождение и корень оригинального «фарси»-слова и закрыть глаза на слова «не-фарси», даже на парфянские и согдийские, вошедшие в персидский язык, как то *pur* 'сын' и *mol* 'вино', где первое пришло из парфянского, а второе из согдийского? Надо ли было указать лишь на оригинальные иранские (*iṅānī*) слова, которые произошли из пехлеви, парфянского, согдийского и других иранских языков, а «не-иранские» слова оставить в стороне? В этом случае не оказалось ли бы в этом словаре пустым место таких слов, как *olgu* 'образчик', *ābnus* 'черное дерево', *čatrang* 'шахматы', *deram* 'серебряная монета, драхма', *dohol* 'барабан', *dihim* 'диадема', *felfel* 'перец', *fil* 'слон', *lagan* 'таз, корыто', *long* 'набедренная повязка' и сотен других, которые попали в персидский язык из «не-иранских языков»? Или следовало указать на происхождение и корень всех слов, которые употребляются в лексиконе персидского языка; в этом случае надо было бы поместить в этот словарь также низкочастотные, редкие и неизвестные арабские, тюркские, греческие слова. Принять этот последний путь — дело не только напрасное, но и практически невозможное. М. Хасандуст пишет, что советовался со многими компетентными людьми, но не добился подходящего результата. Таким образом, при выборе слов из неиранских языков он действовал исходя из собственного вкуса. При этом в отношении оригинальных иранских слов он лишь указал на способ их словопроизводства.

Далее автор указывает, что транскрибирование персидских слов было одним из самых трудных и спорных этапов составления словаря. В конце концов он решил, что эта транскрипция должна соответствовать произношению слов в «фарси-йе дари» (т. е. в классическом персидском. — Д. Э., Е. М.). Поэтому, например, слова, звучащие в современном персидском как *berēstan*, *tūr*, *tīr*, *xāhar*, *dūd*, *rūd*, *gonāh*, транскрибированы, соответственно, как *birīstan*, *tūr*, *tēr*, *xvāhar*, *dūd*, *rōd* и *gunāh*, что показывает их произношение в «фарси-йе дари».

Вместе с тем транскрипция той группы слов, которые определенно (или предположительно) были образованы (или приобрели законченную форму) в более позднее время или

попали в персидский язык из чужого языка в современную эпоху, соответствует современному произношению (примерно по тому образцу, которому следовали все теперешние словари персидского языка). Поэтому слова типа *āxūndak*, *eskenās*, *bīme*, *pūke*, *sargord*, *šegerd*, а также *kez* транскрибированы соответственно их современному звучанию.

Автор упоминает, что при транскрибировании слов он учитывал системы записи из авторитетных персидских словарей, хотя в некоторых случаях принимал во внимание и записи европейских исследователей. Он указывает, что по большей части обращался к словарям «Джахангири» и «Бурхан-е кате», причем последним пользовался с осторожностью. Если описание слова в этих двух словарях не отвечало его цели, он обращался также к «Логатнаме-йе Деххода», «Фарханге Мо'ин», «Фарханге бозорге Сохан» и др.

Научные латинские названия животных и растений (и в некоторых случаях их английские эквиваленты) автор приводит после толкования слова, вошедшего в словарь. За иллюстративным материалом он обращался, в основном, к старым персидским текстам начиная с 4-го до 8-го века хиджры (X—XIV вв. н. э.). Чтобы найти примеры для тех слов, которые широко употребительны в персидском языке в современную эпоху, Хасандуст прочитал путевые заметки и мемуары некоторых деятелей эпохи Каджаров. Многие из использованных им персидских текстов имели словники с указанием страниц, что облегчало работу. Но в некоторых персидских текстах, а их было немало, словники отсутствовали или в них не было указания нужных страниц. Поэтому, для того чтобы найти исключительный или редкий пример, он был вынужден просматривать весь текст, от начала до конца и страницу за страницей. Исследователь напоминает, что после процитированного примера сначала в скобках идет название источника, а затем по порядку номер страницы, строки или бейта. При этом он подчеркивает, что сознательно всегда пользовался первоисточниками, просмотрел все персидские тексты, упомянутые в списке источников, и никогда не обращался к вторичным текстам типа персидских компьютерных собраний «Гандж-важе» (где информация почерпнута из словарей), «Пейкаре» (информация из книг) и любым другим. Несмотря на то, что непосредственное обращение к персидским текстам для поиска примеров заняло у М. Хасандуста «бессчетное количество времени», эти приятные, но в то же время изнурительные работы познакомили его с новой лексикой.

Автор рассказывает, как строится статья в его словаре: после персидского слова дается среднеперсидское, за ним древнеиранское и корень слова, а потом синонимы или однокоренные слова в санскрите. Затем указывается индоевропейский корень вместе с производными от него в других языках, выделившихся из индоевропейского: греческом, латинском, германских, армянском, литовском и др. После этого даются рефлексы древнеиранского корня в иранских языках и диалектах начиная с авестийского и древнеперсидского в древнюю эпоху до манихейского (турфанского) среднеперсидского, парфянского, согдийского, сакского, хорезмийского и балхского в среднеиранский период и пашто, осетинского, курдского, белуджского и многих других иранских языков и диалектов, восточных и западных, в новый период.

«По поводу некоторых корней и деривации некоторых слов, — пишет ученый, — я не достиг цели, а лишь указал на синонимы этих слов в одном или нескольких диалектах». Он отмечает также, что не упускал случая показать иранские слова, вошедшие в неиранские языки, особенно в армянский и арабский.

Учитывая любознательность иранцев в поисках значения имен собственных, М. Хасандуст кое-где (и, добавляет он, абсолютно дилетантски) исследовал такие имена под тем предлогом, что они являются однокоренными со словами, вошедшими в словарь. Эти имена даются в конце статьи под звездочкой.

Далее он показывает дополнительные материалы, которыми пользовался. В их числе следующие: этимологические материалы (70 страниц) ныне покойного Санкт-Петербургского ираниста Л. Г. Герценберга; оказавшаяся очень полезной работа Мохаммадреза Алинаги-заде «Исследование глагольных корней в авестийском языке» (эта работа на степень магистра была защищена в Университете Тебриза, руководил ею проф. Бахман Саркарати,

также ныне покойный); все имевшиеся в его распоряжении этимологические словари индоевропейских и неиндоевропейских языков. Попутно Хасандуст отмечает принципиальные отличия в способе обращения к источникам материала у европейских этимологов и у него.

Он подчеркивает, что все материалы, внесенные в его словарь в течение 16 лет, он собрал один, без всяких помощников. То же относится к подготовке словника и к верстке. Написание карточек на каждое отдельное слово заняло 11 месяцев, их верстка — 8 месяцев. Т. е. вся техническая работа лежала на его плечах.

В конце «Введения» автор высказывает глубокую скорбь в связи с утратой своего учителя (по древнеиранским языкам) и руководителя Бахмана Саркарати, который вдохновил его на составление этимологического словаря, но не дожидаясь до того, чтобы увидеть плоды своих усилий. Также М. Хасандуст выражает благодарность своим преподавателям и всем друзьям, которые тем или иным образом помогли ему.

Возвращаемся к содержанию и композиции этимологического словаря.

Важно, что «верхним» уровнем в Словаре является не современный персидский язык, а язык классической эпохи. Это существенно не только с точки зрения широты охвата исконно иранской лексики (которая к современному хронологическому уровню по языкам частично утрачена), но и с точки зрения исторической фонетики и фонологии: в ранний классический период сохранялись отдельные фонемы, в частности, изображаемые буквами «йай» и «вав», так называемые «маджгульные» долгие гласные, соответственно \bar{e} и \bar{o} , продолжавшие древнеиранские дифтонги $*ai$ и $*au$, что важно для этимологии слов и форм. Впоследствии в современном персидском языке (в отличие от таджикского) эти гласные были вытеснены другими, восходящими к древним долгим монофтонгам.

Транскрипция индоевропейского материала дается автором в основном по [IEW], что с точки зрения исторической фонетики иранских языков наиболее реалистично, поскольку отражает позднеиндоевропейскую фонетическую и отчасти фонологическую систему («накануне распада»).

Следует подчеркнуть, что исторические соответствия и изменения и гласных, и согласных разработаны в Приложении 1 с учетом позиции той или иной фонемы (или звука) в слове. Отдельно выделяются фонемы, вошедшие с заимствованными словами (например, фонема l в словах из санскрита или греческого, рассмотренная в параграфе 32, с. 109). Заключает этот раздел указатель происхождения фонем (и их сочетаний) классического языка из разных древних речевых типов, с отсылкой к соответствующим параграфам (с. 131—164).

Приложение 2 содержит таблицы звукосоответствий (с. 165—175) и указатели фонетических переходов от индоевропейского состояния к разным конкретным языкам, снабженные лексическими примерами (с. 177—194) с библиографией (с. 195).

Пятый том представляет собой индексы ко всем рассмотренным в Словаре лексемам, тоже с указанием номера каждой словарной статьи (это избавляет от указания номеров тома и страницы). С левой стороны этого тома (т. е. с начала, по европейской традиции) приводятся индексы слов и словоформ в латинской транскрипции, принятой в научной литературе, в порядке латинского алфавита (кроме тех языков, для которых принят «санскритский» порядок). Сюда входят реконструированные единицы индоевропейского праязыка, слова индоарийских языков, нуристанских, дардских; армянского, греческого, итальянского, кельтских, германских, балтийских, славянских и др. (с разбивкой на генетические группы, подгруппы и отдельные языки) и неиндоевропейских языков. Материал «малых» иранских языков и диалектов, приводимый в Словаре в транскрипции на основе латинской графики, выделен в индексах в отдельные разделы там же, в левой части тома. Материал современного персидского языка, как и арабская лексика, дается в правой стороне тома в арабской графике, в порядке персидского алфавита.

В основном этимологическом корпусе Словаря каждая словарная статья, посвященная определенному слову классического персидского лексикона, имеет свой порядковый номер. Нумерация сплошная по всему словарю (от слова № 1 в первом томе на с. 1 до слова

№ 5514 в четвертом томе, на с. 2954—2955). Отсылки от одной словарной статьи к другой обозначаются в виде отсылки к номеру словарной статьи, без указания номеров тома и страницы: они были бы уже избыточными.

После номера каждой словарной статьи (частично вынесенного на поля) следует традиционное написание слова в арабской графике, затем в скобках дана его транскрипция латинским шрифтом, принятая для классического персидского языка в международной иранистической практике. Далее приводится перевод на современный персидский язык или толкование семантики слова, снабженное цитатой из сочинений авторов классического периода и со ссылками на средневековые и более поздние традиционные толковые словари. После такой паспортизации слова дается его происхождение — прежде всего — из среднеперсидского, далее — из древнеперсидского (если оно зафиксировано памятниками) или из древнеиранского реконструированного прототипа (с параллелями из санскрита, со ссылками на [KEWA], [EWA]), далее из индоевропейского ([IEW] с параллелями из других индоевропейских языков и с указанием источника этимологии). См., например, детально разработанную статью *dēv* ‘сатана, дьявол, злой дух, черт, Ариман — у зороастрийцев’ (№ 2502, т. 2, с. 1402—1404).

Затем приводится сравнительный иранский материал — этимологически родственные слова в других иранских языках (живых, включая «малые» языки и диалекты, и в вымерших) с указанием научных источников. В некоторых случаях дается отсылка к этимологически родственному слову классического персидского языка в виде его номера в данном словаре. Например, в № 994 *bin-* — ‘основа настоящего времени глагола *видеть*’ (т. 1, с. 577—578) даются отсылки к №№ 995, 996.

Весь лексический материал дается с указанием источников: материал классического персидского языка — с цитатами из классической персидской литературы, со ссылками на средневековые толковые словари; приводимые в качестве параллелей слова других иранских языков и языков других семей — с указанием опубликованных источников или (реже) сообщений других исследователей (о чем см. ниже).

При рассмотрении заимствований в классический персидский язык из других иранских языков не только указывается источник заимствования, но и приводится подробная аргументация историко-фонетического характера. Так, в № 552, т. 1, с. 326—327 засвидетельствованы глаголы *ōžadan*, *awžadan* ‘убивать’ и *ōzadan* ‘бить, убивать’. Дана ссылка на парфянский *ōžan-*: *ōžadan* из древнеиранского **ava-jan-*: **ava-jata-* от корня **gan-* ‘бить, убивать’; среднеперсидский *ōzan-*: *ōzadan*. Далее специально оговаривается: «*ōžadan* в связи с наличием фонемы *ž*... — из северо-западных иранских (языков), а *ōzadan* в связи с наличием фонемы *z*... — из юго-западных; см. также *zadan*...».

Для заимствований из неиранских языков указывается их источник в виде названия языка или (при невозможности его точно определить) названия языковой группы.

Таким образом, композиция словаря и способы подачи материала, о которых писал М. Хасандуст во Введении, действительно тщательно продуманы и очень скрупулезно соблюдены. Нумерация словарных статей позволяет не только дать «точный адрес» того или иного слова, но и избежать лишних цифр в индексе (и, следовательно, возможных ошибок и опечаток). В этом большой плюс работы. Но в этом и возможный минус для будущего: данный словарь представляет собой закрытую систему. И если в дальнейшем автор сочтет нужным дополнить словарь новыми словами (а язык классической эпохи очень богат) или снять какую-либо статью, то ему придется как-то усложнить эту нумерацию (пометами «а», «б» и т. д.) или делать полностью новую.

В максимальном варианте статья, рассматривающая исконное слово выглядит следующим образом.

Например, кл.-перс. *dux̄t* ‘девушка, девочка; девственница; дочь’ (№ 2259, т. 2, с. 1269—1271) с толкованием семантики и цитатами из литературы классического периода. Затем — происхождение слова из ср.-перс. *dux̄t*, далее — из др.-иран. формы ном. ед. ч. **dux̄ta* от основы **dux̄tar-*. Затем следует сравнение с этимологически родственными словами

в санскрите, древнегреческом, армянском, литовском, готском и др. После этого приводятся этимологически родственные слова других иранских языков — вымерших и живых. Заключает эту статью индоевропейский прототип — корень **dheugh-* ‘ощупывать; гладить, сжимать; доить’ (т. е. др.-иран. **duxtar-* ‘доярка; та, что доит молоко’), с обсуждением вероятности другого варианта семантической трактовки индоевропейского прототипа. В этой же статье даются и производные слова: *duxstandar* ‘падчерица’, диалектное поэтическое *dut* или *dot* (вспомним сказочное *Turan-dot* ‘дочь (страны) Турана’, известное по пьесе К. Гоцци).

В качестве отдельной статьи выделено слово *duxtar* ‘девственница, девушка’ (№ 2260, т. 2, с. 1271) с соответствующими цитатами, возводимое к ср.-перс. *duxtar*, которое автор, вслед за Х. Нюбергом [Nyberg 1974: 69], трактует как косвенный падеж от того же слова; там же делаются отсылки к статьям *dux* (№ 2259) и *duyd* (№ 2368, т. 2, с. 1330) ‘невеста’. Последнее слово вполне справедливо рассматривается как заимствование в классический персидский из одного из восточноиранских языков на основании отражения срединного консонантного комплекса в виде *-yd-*, характерного для этой языковой группы, с привлечением параллелей из восточноиранских языков: йидга, сангличи и ваханского.

И особой статьей дается *dōy* ‘напиток, получаемый от смешения воды с кислым молоком’ (№ 2452, т. 2, с. 1374). Лексема возводится к иран. **dauga-* от **daug-* ‘доить’. Одновременно дается ссылка на глагол кл.-перс. *dōxtan, dōš-* ‘доить’ (№ 2430, т. 2, с. 1360—1363).

В части статей, посвященных исконным иранским словам, этимологическое сравнение сопровождается смысловыми параллелями. Например, кл.-перс. *pilk, palk, palak* ‘веко’, возводимое, вслед за Х. Бейли, к др.-иран. **pat(a)ka-* ‘одежда, покрывало’ от корня **pat-* ‘одевать, окутывать’ [DKS: 197], сравнивается не только с этимологически родственными названиями ‘веко, веки; ресницы’ (со ссылками на источники информации о каждом слове), но и дается информация о семантических параллелях в виде словообразования названий ‘веко’ из основ и слов со значением ‘покрышка, крышка; покрывало’ и т. п. в немецком, русском, литовском, турецком, арабском языках (№ 1227, т. 2, с. 715—716).

В отдельных статьях рассматриваются более удаленные параллели или связи. В этом отношении характерна статья *gāv* ‘корова’ (№ 4315, т. 4, с. 2336—2338). С одной стороны, история слова здесь прослеживается через среднеперсидское *gāv*, древнеиранскую реконструируемую форму аккумулятива ед. ч. **gāvam* (при сравнении с родственными словами в санскрите) — вплоть до индоевропейского состояния (с параллелями из других индоевропейских языков). Кроме того, здесь приводятся сведения и о возможной связи со сходными словами в шумерском и китайском языках. Далее, как обычно, перечисляются родственные слова в разных иранских языках: в вымерших (авестийском, согдийском, здесь же приводится и древнеперсидская основа, зафиксированная только в композитах) и живых, включая «малые» языки на территории Ирана. В эту статью входят и производные слова, например (фонетическая?) форма *gāf* в переводе Корана (с. 2336), сложное слово *gāleš* ‘коровий пастух, коровий погонщик’ в диалекте табари (при сравнении с гилянским *gālāš* и возможной этимологии в виде **gāu-raxša-*, с. 2338). С другой стороны, здесь же приводятся и семантические параллели к сочетанию в единых лексемах понятий ‘скот’ и ‘имущество, богатство’, уже не связанные напрямую с этимологией: осет. *fos* | *fons* 1) ‘скот’; 2) ‘имущество, добыча’ (со ссылкой на [ИЭСОЯ, I: 478—479]) и этимологическая связь слов со значениями ‘овца’ и ‘обретение богатства’ в арабском (с. 2338). К этому можно было бы добавить древнеиранский композит **gau-pana-* ‘охраняющий / содержащий скот; коровий пастух, волопас’, из которого развилось не только кл.-перс. *gawbān, gōbān* со значениями ‘коровий пастух, волопас’ (№ 4519, т. 4, с. 2251) и родственные слова в других иранских языках и диалектах с теми же значениями, но и скиф. **gupan(a)-*, подразумевающее ‘хозяин скота, владелец имущества’, заимствованное ок. V в. до н. э. в слав. **gъpanъ*, которое отразилось впоследствии в ст.-чеш. *hpan*, польск. *pan* ‘пан, господин, помещик’, см. [ЭССЯ, 7: 197—198] (см. подробнее [ЭСИЯ, 3: 210]).

Семантические параллели приводятся и в статьях, посвященных глаголам. Например, в статье о глаголе кл.-перс. *bāftan* ‘прясть, сучить, вязать’ (№ 648, т. 1, с. 382—384), основа

настоящего времени которого продолжает ср.-перс. **vāf*- и далее и.-е. **uebh*-, рассматриваются также названия паука, производные от данного корня, включая др.-исл. *kongur-váfa* и др.-англ. *gangel-wæfre*. И в этой же статье приводятся семантические аналоги, не связанные с данным корнем этимологически, например: англ. *spider* 'паук', связанное с глаголом (*to*) *spin* 'прясть'.

Удачной представляется этимология кл.-перс. *kāsa-pušt* 'черепаха', где, как пишет автор (№ 3808, т. 4, с. 2097—2098), только на первый взгляд начальный компонент может быть из основы *kāsa* 'чаша' (при несомненном *pušt* 'спина'), на деле это продолжение древнеиранской основы **kasya(pa)*- 'черепаха' (очевидно, позднее переосмысленного). Ср. кл.-перс. *kašaf* (№ 4016, т. 4, с. 2198—2199), продолжающее др.-иран. **kasyapa*- через этап ср.-перс. **kašav* (с закономерным отражением *-*sy*- > *š*).

При подаче заимствований из неиранских языков автор тщательно изучает источники и языки-посредники появления слова в персидском языке. Например, кл.-перс. *baqlava* 'род сладости, сделанной из миндаля, сахара, молотого кардамона, белой муки, молока и масла' — слово из тюркского источника приведено в сравнении со сходными словами, в основном в балканских и арабском языках (№ 651, т. 1, с. 384—385). Кл.-перс. *kurūr* числительное 'пятьсот тысяч', заимствованное из индийского источника, дано с параллелями из индоарийских языков и из вымерших и живых иранских (№ 3971, т. 4, с. 2175—2176).

Слова для обозначения *слона* даются в двух статьях, в разных фонетических вариантах. Так, кл.-перс. *fil* (№ 3694, т. 3, с. 2046) с указанием идентичного арабского этимона *fil* (среднеперсидского или арамейского или древнееврейского заимствования) и со ссылкой на статью кл.-перс. *pīl* (№ 1339, т. 2, с. 785—786) с цепочкой следования (и фонетических изменений) из хамитского через египетский — в др.-перс. *piru*- 'слоновая кость'. В этих статьях М. Хасандуст использует многочисленные научные источники, в том числе словарь М. Фасмера, в которых указана трансформация *слона* в *верблюда* (др.-русск. *вельблудь*, *вельбудь*, укр. *вельблюд*), см. [Фасмер, I: 293].

Кл.-перс. *čatrang* 'шахматы' (№ 1786, т. 2, с. 1001—1002) продолжает ср.-перс. *čatrang*, которое заимствовано из хинди, при этом приводится санскритское *catur-aṅga*-, букв. 'имеющий четыре фигуры (пешую, конную, на колеснице, на слоне)'. Арабский фонетический вариант *šatranj* — иранское заимствование (а оно — из хинди). Добавим, что в современном персидском употребителен именно этот вариант.

Кл.-перс. *dēhīm*, *dīhīm* 'диадема' (№ 2514, т. 2, с. 1410) — с *-h*- из *-δ*- парфянского *dydym* [*dēdēm* : *dīdēm*], заимствованного из греческого *διάδημα*, которое, в конечном счете, возводится к индоевропейскому **dē*- 'завязывать'.

Естественно, что в таком гигантском труде при объемном и разностороннем (этимологическом, семантическом) рассмотрении практически каждого слова классического персидского языка, в сравнении с другими языками, не все разработки равнозначны. Некоторые этимологии представляются дискуссионными.

Не всегда ясны принципы приведения параллелей из неиранских языков. Например, в качестве параллели к кл.-перс. *jīb*, *jayb* 'карман' (№ 1738, т. 2, с. 982), по-видимому, справедливо приводится русск. областное *зепі* с тем же значением — со ссылкой на немецкое трехтомное издание М. Фасмера (1953—1958). В русском четырехтомном издании этого словаря в переводе О. Н. Трубочева эти областные слова даются как *зепь* ('зеп') [Фасмер, II: 95]. У М. Хасандуста справедливо указан путь заимствования этого слова в персидский: из арабского через посредство тюркского просторечия. Вариант кл.-перс. *jayb*, возможно, обусловлен фонетикой арабских диалектов; см. [Молчанова 1987: 117].

Однако отмечаются случаи, когда приведенное сравнение не связано с этимологией и семантикой слова, например, в качестве параллели к слову *but* Будда (№ 693, т. 1, с. 408—409) приведено: «русск. *but* "Будда" (Doerfer TMEN II/261 Nr.716)». Такое заимствование

¹ [TMEN, II: 261]

и в такой форме не является распространенным. Оно не отражено в этимологическом словаре Фасмера [Фасмер, I: 252], где русск. *but* представлено со значением 'мелкий камень, щебень, идущий на строительство шоссежных дорог и заполнение стен', *butit'* 'наполнять яму цементным раствором и щебнем'.

В подробной и содержательной статье (с очень интересными текстовыми иллюстрациями), посвященной мяте (*pūdīna* — № 1272, т. 2, с. 839—840), эта лексема возводится к среднеперсидской **bōdēnag* 'ароматная трава', древнеиранской **baudyanakā-* от корня **baud-* 'нюхать' или к ср.-перс. **pūtīnak* и, в конечном счете, к санскритскому *pūtīka-* 'название травы' — всё с соответствующими ссылками. Сообщается, что мята относится к семейству *na'nā'* (именно это арабское наименование употребляется для мяты в современном персидском языке). По поводу названий мяты, возможно, стоит подчеркнуть, что подобные культурные термины, как правило, заимствуются. В этой же статье приведен материал множества иранских языков, живых и вымерших, а также хинди, сирийского, арабского, турецкого. Приведено также русское слово *полюнь* (*polyni*) со ссылкой на Г. Моргенштерне; там же указан немецкий словарь Фасмера, однако со свойственной М. Хасандусту щепетильностью сообщается, что у Фасмера иное мнение. Добавим, что в [Фасмер, III: 320] связи этого русского слова исключительно славянские.

К дискуссионным можно отнести трактовку этимологии классического персидского слова *axtar* 'небесное тело, звезда, светило; счастье, счастливая звезда', восходящего к среднеперсидскому *axtar* 'звезда, (неподвижная) звезда, созвездие; знак зодиака' (№ 269, т. 1, с. 158, как это было сделано и в предыдущем издании первого тома, см. [Hassandoust 1383/2004: 73—74]). Хасандуст рассматривает данное среднеперсидское слово как результат «обратного словопроизводства» (back-formation, перс. *ešteqāq-e ma'kus*) из ср.-перс. *apāxtar* 'север; запад; планета', которое, по его мнению, было переосмыслено как *nē-axtar* 'кроме звезды; не-звезда'. При этом среднеперсидское *apāxtar* он возводит однозначно к древнеиранскому **apāxtara-* 'находящийся подальше, сзади; подальше к той стороне', производному от **apa(n)k-* 'идущий назад' и соответствующему авестийскому *apāxtara-* 'находящийся подальше сзади; подальше к той стороне; северный'. Рефлекс последнего мы находим в кл.-перс. *bāxtar* 'север', в некоторых сочинениях также 'запад' и 'восток' (№ 597, т. 1, с. 349—350). Вместе с тем происхождение кл.-перс. *axtar*, обозначающего прежде всего 'звезду', из ср.-перс. *apāxtar* 'север; запад; планета' вызывает сомнения с точки зрения как семантики такого перехода, так и относительно позднего времени образования слова *axtar* 'звезда' в условиях уже хорошо разработанной астрономической системы и соответствующей терминологии.

Более реалистичной представляется точка зрения, согласно которой в среднеперсидском языке существовали два слова-омонима. Первое ср.-перс. I. *apāxtar* 'север(-ный); запад(-ный)' действительно восходит к др.-иран. **apāxtara-* '(подальше) назад; (подальше) к той стороне' — производному с суффиксом сравнительной степени **-tara* от **apa(n)k-* (ср. авест. *apāxtara-* прил. 1) 'расположенный (далее) позади, сзади'; 2) 'северный' от *apānk-*: *apak-* прил. 'находящийся позади; обращенный назад'). При этом **apa(n)k-*, в свою очередь, является производным от праиранского наречия **apa-* в значении 'позади, назад', что объясняется направлением перемещения древнеиранских племен с севера на юг, когда север оставался позади, что и отразилось в Авесте, см. [AiW: 82]. Развитие значений ср.-перс. *apāxtar* 'север(-ный)' и далее кл.-перс. 'запад(-ный)' и даже 'восточ(-ный)', что зафиксировано в средневековых памятниках, могло быть связано со вторичными перемещениями иранских племен (ср. совр. перс. *bāxtar* 1) 'запад'; 2) устар. 'восток'; 3) истор. 'Бактрия'). Второй омоним ср.-перс. II. *apāxtar* 'планета' восходит к др.-иран. **upa-axtar-* '(то, что) при звездах, при созвездиях', см. [AiW: 80, примеч. 2]. При такой трактовке понятие и слово 'планета' вторично по отношению к понятию и слову 'звезда', и среднеперсидское *axtar* 'звезда; созвездия, знак зодиака' восходит к более древнему периоду. Вполне убедительно предложенное М. Н. Боголюбовым еще в 1987 г. (перепечатано в 2012 г.) возведение ср.-перс. *axtar* к индоевропейскому варианту **nok^hter-* 'ночь, ночной' с нулевой огласовкой,

то есть **ṅk^hter-*, существовавшему наряду с «полным» вариантом [Боголюбов 2012: 353] (ср. др.-инд. *aktú-* из и.-е. **ṅk^htu-* с нулевой огласовкой, см. [EWA, I: 40]). В таком случае среднеперсидское *axtar* — рефлекс индоевропейского **ṅk^hter-* ‘ночь, ночной’, прошедшего через этапы праарийского и праиранского **aktar-* ‘ночное светило’, подробнее см. [Эдельман 2015; ЭСИЯ 5: 448—449].

Не вполне ясным представляется отношение автора к происхождению кл.-перс. *kanab* в значении ‘растение, из которого вяют веревки и делают бумагу’ и *kanaf* ‘крепкая веревка’ (№ 4139, т. 4, с. 2255—2256). Если следовать за предположением, что здесь мы имеем дело с рефлексом основы **kana-* (с суффиксом *-ba/-fa-*, реже *-pa-*), продолжающей корень **(s)kan-* от и.-е. **(s)ken-* ‘быть искривленным, скрученным и т. п.’, то связь с этими словами названий лат. *cannabis*, греч. *κάνναβις*, русск. *конопля* и пр. остается неясной. Известно, что в названиях некоторых растений, используемых и как наркотические, и как источники растительного волокна, во многих языках обычны заимствования, часто с метатезами и другими фонетическими «мутациями», вызываемыми табуизацией. Об иранских названиях такого рода см. [Стеблин-Каменский 1982: 61—64]. Возможно, и здесь мы имеем дело с таким «бродячим» культурным термином.

Фонетические формы таджикских слов в тексте Словаря не всегда переданы достаточно точно. Отмечены случаи передачи таджикского *o* в виде *ā*, например, в словах *kāvāk* вместо *kovok* ‘пустой, полевой’ (№ 3852), *pāda* вместо *pada* ‘стадо (обычно о коровах)’ и *pādabān* вместо *podabon* ‘пастух’ (№ 1016), *daryā* вместо *daryo* ‘(большая) река, море’ (№ 2330), *kadbānu*, *kaūvānu*, вместо *kadbonu* ‘хозяйка дома’ (№ 3906), *konjāla*, *konjāra* вместо *kuñjora* ‘жмых, выжимки’ (№ 4143), *šodgār*, вместо *šudgor* ‘пашня, распаханное поле’ (№ 3316). Поскольку автор, к счастью, практически всегда дает ссылки на источники информации, оказалось, что во всех этих случаях имеются ссылки на сообщение Мас‘уда Касеми. По-видимому, они были записаны М. Касеми с «алифом», обозначающим кл.-перс. *ā*, на месте таджикского *o*, что соответствует более раннему состоянию таджикского языка, но не современному. При этом таджикские слова, взятые из письменных источников, в частности из работ В. И. Абаева, переданы точно, например, тадж. *dada*, *dodo* ‘папа, отец’ (№ 2265), *tamoku* ‘табак’ (№ 1548), *tarozu* ‘весы’ (№ 1450), *xondan* ‘читать’ (№ 2141) и др.

В некоторых случаях приводится избыточная информация.

Например, для словаря, задача которого — этимологический анализ лексики классического персидского языка, статья, посвященная слову *komod* ‘комод’ (№ 4128, т. 4, с. 2250), заимствованному относительно недавно из французского языка (как и в немецком и русском), едва ли необходима.

Неудачно употребление термина «Kafir Languages» (*zabānhā-ye kafīri*, кафирские языки) в Индексе (т. 5, с. III). Эта группа языков традиционно называлась так по их бытованию в горной стране, называвшейся прежде Кафиристан, «Страна не-мусульман» (северо-восток Афганистана). После 1896 г. с принятием жителями этой страны ислама эта местность стала называться Нуристан, «Страна света» (имеется в виду ‘свет ислама’). Поскольку старые термины воспринимаются носителями этих языков как пейоративные, сейчас принят термин «нуристанские языки».

В целом же пятитомный Этимологический словарь персидского языка — фундаментальный труд, выполненный на современном уровне исследованности истории иранских языков и с учетом достижений индоевропеистики. С выходом его в свет все дальнейшие работы, связанные с историей и этимологией иранских языков должны будут учитывать результаты этого ценнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Боголюбов 2012 — Боголюбов М. Н. Труды по иранскому языкознанию: избранное / Сост., отв. ред. Чунакова О. М. М.: Восточная литература, 2012. [Bogolyubov M. N. *Trudy po iranskomu*

- yazykoznaniiyu: izbrannoe* [Studies in Iranian linguistics: Selected writings]. Chumakova O. M. (comp., ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2012.]
- ИЭСОЯ, I — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. [Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-etymological Osetic dictionary]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958.]
- Молчанова 1987 — Молчанова Е. К. Кумзари-арабские языковые контакты // Шарбатов Г. Ш. (отв. ред). Ирано-афразийские языковые контакты. М.: Наука, 1987. С. 109—124. [Molchanova E. K. Kumzari-Arabic language contacts. *Irano-afrazijskie yazykovye kontakty*. Sharbatov G. Sh. (ed.). Moscow: Nauka, 1987. Pp. 109—124.]
- Стеблин-Каменский 1982 — Стеблин-Каменский И. М. Очерки по истории лексики памирских языков: названия культурных растений. М.: Наука, 1982. [Steblyn-Kamenskii I. M. *Ocherki po istorii leksiki pamirskikh yazykov: nazvaniya kul'turnykh rastenii* [Essays on the history of lexicon of Pamir languages: Names of cultivated plants]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Фасмер, I—IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения Трубачева О. Н. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1986—1987. [Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [An etymological dictionary of the Russian language]. Translation from German and addendum by Trubachev O. N. Vol. I—IV. Moscow: Progress, 1986—1987.]
- Эдельман 2015 — Эдельман Д. И. К истории среднеперсидского *axtar* 'звезда, созвездие, знак зодиака' // Пелевин М. С. (отв. ред.). «На пастбище Мысли Благой»: сборник статей к юбилею И. М. Стеблин-Каменского. СПб.: Контраст, 2015. С. 101—108. [Edel'man D. (J.) I. On the history of the Pahlavi *axtar* 'star, constellation, zodiac sign'. «*Na pastbishche Mysli Blagoi*»: *sbornik statei k yubileyu I. M. Steblin-Kamenskogo*. Pelevin M. S. (ed.). St. Petersburg: Kontrast, 2015. Pp. 101—108.]
- ЭСИЯ, 3 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. М.: Восточная литература, 2007. [Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007.]
- ЭСИЯ, 5 — Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 5. М.: Наука; Восточная литература, 2015. [Edel'man D. (J.) I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 5. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura, 2015.]
- ЭССЯ, 7 — Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. Вып. 7. Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1980. [Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexicon]. No. 7. Trubachev O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- AiW — Bartholomae C. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von K. J. Trübner, 1904 (repr. Berlin: Mouton de Gruyter, 1979).
- Buck 1949/1988 — Buck C. D. *A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1949 (repr. 1988).
- DKS — Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979.
- EWA — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindiarischen*. Bd. I—III. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1992—2001.
- Hassandoust 1383/2004—2005 — Hassandoust M. *Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e farsi* [An etymological dictionary of the Persian language]. Jeld-e 1. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1383/2004—2005.
- Hassandoust 1389/2011 — Hassandoust M. *Farhang-e tatbiqi-mowzui-ye zabānhā va guyešhā-ye irāni-ye now* [A comparative-thematic dictionary of the New Iranian languages and dialects]. Jeld-e 1—2. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1389/2011.
- Horn 1898—1901 — Horn P. Neupersische Schriftsprache. *Grundriss der iranischen Philologie*. Geiger W., Kuhn E. (Hrsg.). Bd. I. Abt. 2. Strassburg: Verlag von K. J. Truebner, 1898—1901. S. 1—200.
- Hübschmann 1895 — Hübschmann H. *Persische Studien*. Strassburg: Verlag von K. J. Truebner, 1895.
- IEW — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München: Francke Verlag, 1959.
- KEWA — Mayrhofer M. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd. I—IV. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1956—1980.
- Nyberg 1974 — Nyberg H. S. *A manual of Pahlavi. Part II: Glossary*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1974.
- TMEN — Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. I—IV. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963—1975.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила предоставления рукописи

1. Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы языкознания», должны следовать публикационным правилам. См. на сайте раздел о публикационной этике.
2. Рукопись предоставляется в электронном виде в форматах DOC и PDF по адресу: vorposy@mail.ru (и по запросу в распечатанном виде). Также необходимо прикладывать нестандартные шрифты и иллюстрации, если таковые использовались.
3. Необходимо также предоставить подписанный договор о передаче авторского права (для статей, решением редколлегии принятых к печати).
4. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, город, страна, место работы, занимаемая должность, ученая степень, телефон, электронный адрес.
5. Текст и метаданные рукописи не должны содержать информации об авторе (в том числе при цитировании внутри текста, в виде ссылок на грант и благодарностей; последние при необходимости могут быть присланы в отдельном файле).
6. Принимаются рукописи на русском или английском языке; текст должен соответствовать письменным нормам и при необходимости должен быть вычитан носителем.
7. Материалы, опубликованные ранее или направленные в редакции других журналов, не принимаются, равно как и материалы, не соответствующие тематике журнала и правилам оформления статей.

8. При поступлении рецензии редакция может запросить экземпляр рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Порядок рецензирования рукописей

1. Все поступающие в редакцию материалы отбираются на основе анонимного независимого внутреннего рецензирования и решения редколлегии журнала.
2. Поступающие материалы, в случае их соответствия тематике журнала, рассматриваются в течение трех месяцев с момента подачи. Авторы уведомляются о сроках рецензирования и времени проведения ближайшего заседания редколлегии.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Редколлегия выносит решение: одобрить или отказать, доработать или переработать с учетом замечаний, сделанных рецензентами. Решение редакционной коллегии и отзывы рецензентов направляются автору в электронном виде.
5. Если было принято решение доработать или переработать материал, то статья с исправлениями повторно посылается рецензентам и принимается к печати при условии учета отмеченных недостатков.
6. Принятые материалы публикуются в течение полугода с момента решения редколлегии журнала.
7. После публикации редакция посылает авторам электронные отгиски их статей.

Основные правила оформления текста статьи смотрите на сайте журнала: <http://vja.ruslang.ru>.

Подписано к печати 16.03.2017	Дата выхода в свет 25.04.2017
Формат 70×100%. Цифровая печать	Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 5,3 тыс.
Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0	Тираж 404 экз. Зак. 106
Цена свободная	

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-66704 от 28 июля 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
У ч р е д и т е л ь: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
А д р е с р е д а к ц и и: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон +7 495 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6